

$\frac{2}{92}$
116

ЭБ

1812

годъ.

MEMPHIS 149
COPPEMESHUWKBV U
OEBUDUEB

91 92
116

ДЕ-ЛА-ФЛИЗЪ.

801-88

4344-9

ПОХОДЪ

Наполеона въ Россію

въ 1812 году.

6 вкл.

XII, H 605

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

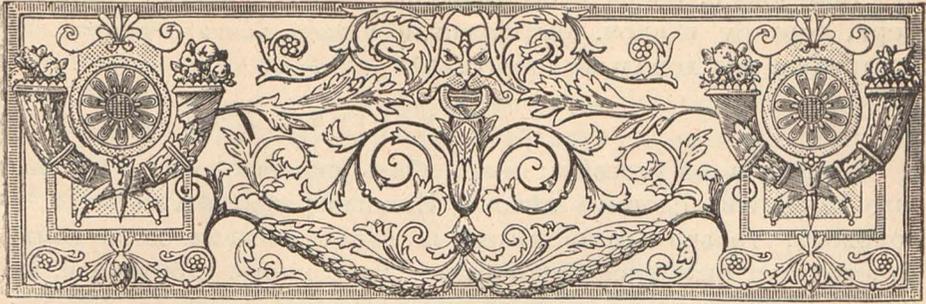
— МОСКВА, Камергерскій пер., домъ № 4. —

2007083591

МОСКВА.

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер. с. д.
Телефонъ 18-35.

I.

Выѣздъ изъ Вильны 18-го іюля 1812 г. — Сморгони.—Молодечно.—Вилейка. — Докшицы.—Березино.—Камень.—Будиловка.—Витебскъ, 28-го іюля; пребываніе въ этомъ городѣ; обращеніе Наполеона къ офицерамъ на парадѣ; разговоръ его съ докторомъ Паулетомъ.—Встрѣча съ 84-мъ пѣхотнымъ линейнымъ полкомъ итальянской арміи.—Выѣздъ изъ Витебска 12-го августа и возвращеніе арміи въ этотъ городъ съ Наполеономъ во главѣ.—Походъ на Смоленскъ.

Іюль—1812 г.—августъ.

Мѣдники, 18-го іюля (нов. ст.) 1812 г.

Выѣхавъ изъ Вильны въ сильнѣйшій зной, мы, какъ обыкновенно, стали проходить лѣсами и песками, пока не добрались до городка Мѣдники, на берегу рѣки Varvicz (?). Такъ какъ всѣ дома были уже переполнены, то мы пошли дальше и расположились биваками, около опушки лѣса; тутъ была раздача хлѣба и мяса.

Ошмяны, 19-го іюля.

Выступивъ въ походъ раннимъ утромъ, мы прошли черезъ обширные лѣса, въ перемежку съ обработанными равнинами, и пришли въ Ошмяны, городокъ съ двумя церквами: православною и католическою. И здѣсь всѣ дома такъ были переполнены, что пришлось отправляться дальше, но не безъ труда, такъ какъ главная улица была загромождена фургонами, приостановленными вслѣдствіе какого-то случая. Мы стали на бивакахъ недалеко отъ туда, подлѣ лѣса, противъ рѣчки. Была раздача (припасовъ).

Мѣстные евреи, очень многочисленныя, принесли намъ вина, ликеру, портеру и проч. Мы накупили у нихъ всякаго добра, заплативъ за все довольно дорого.

Сморгони, 20-го іюля.

Выступили до разсвѣта; жаръ былъ сносенъ, такъ какъ мы шли тѣнистымъ еловымъ лѣсомъ. Пришли рано въ Сморгони, — городокъ, только что оставленный кавалерійскимъ корпусомъ, отчего дома оказались опустѣлыми; даже многіе обыватели, не жиды, выѣхали вонъ, предоставивъ дома свои всякому желающему занять ихъ. Только евреи, очень многочисленныя, не двинулись съ мѣста. Занятіе города (непріятелемъ) не только не разоряло ихъ, какъ прочихъ жителей, но даже дѣлалось рудникомъ наживы, такъ евреи умѣли вымогать деньги, особенно у неопытныхъ солдатъ, которыхъ надували истинно по-жидовски. Евреи вздумали было и на меня напасть, но они только напрасно придумывали всѣ средства, чтобы заставить меня что-либо купить. Я узналъ ихъ въ бытность мою въ Вильнѣ. Наконецъ, одинъ еврей спрашиваетъ меня, не хочу ли я посѣтить знаменитую медвѣжью академію въ Сморгони, и до того будто достойную вниманія ученаго, что одинъ виленскій профессоръ удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ. Я понялъ еврея такъ, что, вѣроятно, онъ подымаетъ на-смѣхъ. Однако по разспросамъ оказалось, что еврей говорилъ о заведеніи, въ которомъ содержатся пойманныя въ сосѣднихъ лѣсахъ медвѣди, и что тамъ ихъ учатъ разнымъ гимнастическимъ штукамъ. Еврей предлагалъ свести меня туда, если я дамъ ему впередъ денегъ: хотя бы этимъ ему отъ меня попользоваться. Не имѣя свободнаго времени для этого посѣщенія, я постарался собрать у говорившаго нѣсколько подробныхъ свѣдѣній о медвѣжьемъ заведеніи. Онъ разсказалъ мнѣ, что нѣсколько лицъ сговорились ловить въ литовскихъ лѣсахъ молодыхъ медвѣжатъ и содержать ихъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ число ихъ доходитъ уже до нѣсколькихъ сотенъ. Тѣ, которые прошли свой гимнастическій курсъ, распродаютъ покупателямъ изъ разныхъ странъ. Слава этого заведенія перешла даже въ народную поговорку. Когда хотятъ указать на человѣка грубаго, невѣжу или недоучку, то говорятъ, что онъ учился въ сморгонской академіи.

Покуда я растабаривалъ съ евреемъ, офицеры наши заняли опустѣлый домъ въ одинъ этажъ, гдѣ мы и расположились по комнатамъ.

Получивъ нашу порцію, мы легли на солому. Въ продолженіе ночи безпрестанно проѣзжала черезъ городъ артиллерія, не останавливаясь, въ отвращеніе несчастія, которое такъ легко можетъ случиться въ городахъ, гдѣ дома деревянные и крыты соломою. Въ наши двери нѣсколько разъ стучались, но мы не отворяли и провели безпокойную ночь.

Молодечно, 21-го іюля.

Улицы были загромождены и полкъ съ трудомъ выбрался изъ города. Собравшись все на большой дорогѣ, мы выступили въ походъ. На пути приходилось нѣсколько разъ подыматься въ гору и спускаться, что весьма затрудняло обозъ.

Пройдя нѣсколько рошицъ, мы вышли на поля, покрытыя высокою рожью; послѣ короткихъ приваловъ пришли въ Молодечно, городокъ съ деревянными домами и такими же жалкими церквями, на рѣкѣ Двинѣ. Съ трудомъ проѣхали мы улицы, загроможденныя фургонами, которые, останавливаясь на каждомъ шагу, заставляли насъ ждать, пока дорога очистится. Мы расположились биваками на берегу рѣки, въ виду обширныхъ полей ржи очень высокой. Такъ какъ лѣсъ былъ отдаленъ, то солдаты разбирали садовые заборы и изъ досокъ устраивали намъ навѣсы, а для подстилокъ срѣзали копны ржи. Вотъ какого рода жатву собираетъ война.

Раздачи не было, поэтому гренадеры пошли доставать провизію. Въ городѣ оставались одни евреи; у нихъ-то и купили за дорогую цѣну рогатаго скота, такъ какъ стадо быковъ, слѣдовавшее за нашей дивизіей, отстало; словомъ, съ большимъ трудомъ успѣли сготовить намъ нашу обыкновенную порцію.

Вилейка, 22-го іюля.

Выступили въ походъ до свѣта, чтобъ предупредить зной; дорога была сносная, кромѣ подъемовъ и спусковъ, тяжелыхъ для обоза. Пришли рано въ Вилейку, городокъ съ деревянными домами, какъ водится во всемъ краѣ, и двумя маленькими православными церквями съ отдѣльными колокольнями. Рѣка Вилія протекаетъ черезъ городъ. Какъ всюду, мы встрѣтили однихъ евреевъ. Прошли далѣе и расположились биваками на песчаной равнинѣ, по близости садовъ. Какъ наканунѣ, намъ устроили будочки и навѣсы изъ досокъ разобранныхъ заборовъ. Евреямъ было поручено достать провизію. Военные комиссары условились съ ними и они доставили ржаного хлѣба и мяса. Раздана

была водка и мы обѣдали во-время, не такъ, какъ прошлые дни. Ночь была такая жаркая, и комары въ такомъ множествѣ и такіе злые, что укушеніе ихъ оставляло даже знаки; оттого мы почти и не спали.

Doloninow, 23-го іюля.

Встали, какъ обыкновенно, до свѣта. Вышли на большую дорогу, гдѣ еще бивачиль обозъ, а въ полѣ направо и налево выстроилась въ линію артиллерія. Опять встрѣтились подъемы и спуски; проходили и лѣсомъ; наконецъ, послѣ труднаго перехода и частыхъ приваловъ, во время которыхъ съ трудомъ находили провизію, мы пришли въ Doloninow (?), городокъ съ деревянными домами и тремя такими же почернѣвшими отъ времени церквями. По улицамъ сновали прыткіе на услуги евреи. Намъ дали квартиру въ первомъ этажѣ дрянной гостиницы, содержимой жидами, и четверо насъ офицеровъ помѣстились въ небольшой грязной комнаткѣ. Весь домъ былъ полнешенекъ, такъ какъ у евреевъ всегда многочисленное семейство, цѣлая куча дѣтей, грязныхъ, полунагихъ. Прибавьте къ этому шумъ и гамъ, производимые продажею водки и хлѣба. Солдаты готовили намъ скудный обѣдъ, за недостаткомъ многога необходимаго. Мало-помалу шумъ сталъ утихать, а вмѣстѣ съ тѣмъ комнаты евреевъ начали освѣщаться множествомъ свѣчекъ, какъ въ подсвѣчникахъ, такъ и въ люстрѣ о семи рожкахъ, висѣвшей на потолкѣ. Это было начало шабаша, такъ какъ солнце уже сѣло, а день былъ пятничный. Свой грязный и засаленный костюмъ евреи смѣнили другимъ, немногимъ почище, чернымъ, лоснистымъ; на головахъ у нихъ были надѣты черныя бархатныя шапочки, опущенныя мѣхомъ, сверхъ платья накинуть бѣлый съ голубыми полосками плащъ, обшитый серебрянымъ галуномъ. Женщины, вмѣсто обыкновенныхъ лохмотьевъ, одѣлись въ нарядныя платья. На груди спускался кусокъ красной матеріи, обшитой золотымъ галуномъ, а на головѣ красовался уборъ, вышитый жемчугомъ и брилліантами, съ кончикомъ красной ленты, спускавшимся на лобъ. Потомъ начались у нихъ заунывныя пѣсни; они сѣли за столъ, межъ тѣмъ какъ свѣчи, сами собой догорая, гасли, и, наконецъ, улеглись спать. Всю ночь только и слышно было, что крики извозчиковъ и грохотъ проѣзжавшихъ обозовъ и артиллеріи. Безпрестанно стучали въ двери и ставни, однако евреи никому не отпирали, и мы не могли ни на минуту уснуть.

Докшицы, 24-го іюля.

На другое утро мы выѣхали изъ города, и не видали ни одного еврея. Они или спали, или прикинулись спящими, хотя солнце уже взошло. Дорога была затруднительна по причинѣ частыхъ подъемовъ и спусковъ; шли песчаными рощами и, наконецъ, пришли въ Докшицы, городокъ точь въ точь такой же, какъ всѣ прочіе. И тутъ улицы были загромождены и не вымощены, и пыль, сдуваемая съ нихъ сѣвернымъ вѣтромъ, ослѣпляла насъ. Жители христіане ушли изъ своихъ домовъ, которые солдаты и заняли; а евреи заперлись въ своихъ домахъ и не показывались по случаю субботы. Вмѣсто обычнаго шума, производимаго ими при нашемъ появленіи, наступили молчаніе и тишина. Мы расположились внѣ города, и снова, для защиты насъ отъ зноя, разобрали изгороди и заборы садовые. Раздали намъ мясо, простой мѣстный хлѣбъ и водку. Но едва солнце сѣло, какъ евреи, проводивъ субботу, поспѣшили къ намъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, мясомъ и водкою, которую они дешево уступали людямъ, не получившимъ ее при раздачѣ...

Березина 25-го іюля.

Солнце уже давно взошло, когда мы выступили въ походъ. До перваго привала оставалось только шесть лье. Перейдя рѣчку Поню, мы подошли къ Березинѣ, расположенной на рѣчкѣ того же имени, вытекающей по сосѣдству съ Вилейкой. Этотъ городокъ похожъ былъ на прежніе; жители христіане вышли изъ него; остались одни евреи, которые тотчасъ же, по обыкновенію, атаковали насъ. Улицы до того были загромождены, что мы съ трудомъ пробилась впередъ, чтобъ итти на биваки за городомъ. Намъ указали мѣсто подлѣ кладбища, въ срединѣ котораго возвышалась часовня; около же послѣдней надъ могилами торчало множество деревянныхъ крестовъ. Мѣстность была не привлекательна. Въ сосѣдствѣ стояли, заброшенные отъ ветхости, деревянные дома безъ крышъ. Наши солдаты разобрали изъ нихъ балки, доски и двери и подѣлали намъ будки. Трудно было достать провизіи, и, вѣроятно, и у евреевъ ея не было, потому что они принесли намъ только водки да сквернаго пива. Наконецъ, отыскался складъ муки. Изъ этой муки спекли лепешки на угольяхъ, нѣчто похожее на тѣ хлѣбы, которые евреи приготовили при переходѣ черезъ Красное море. Словомъ, очень поздно раздали мясо и хлѣбъ.

Камень, 26-го іюля.

Переправились черезъ рѣчку Березину; поднялись и спустились съ нѣсколькихъ крутыхъ горъ; дорога была скверная, такъ что произошли несчастные случаи: повозки скатывались въ рвы, откуда ихъ съ трудомъ вытаскивали, и нѣсколько лошадей были искалѣчены. Взобравшись на вершину послѣдней, самой высокой и крутой горы, распрягли лошадей изъ фургоновъ и отвели ихъ внизъ, гдѣ запрягли въ оставшіяся назади повозки. Дальше дорога стала поправляться, мы прошли лѣса, поля еще не убраннаго хлѣба и пришли въ Камень въ сильнѣйшей зной. Какъ обыкновенно, и въ этомъ городкѣ все было загромождено, но жители христіане бѣжали, и даже евреевъ осталось немного. Почти ничего нельзя было достать. Мы прошли дальше и расположились биваками на большой равнинѣ, заставленной стогами сѣна; сѣномъ накормили лошадей, отчасти взяли его и на подстилки. Будокъ не изъ чего было сдѣлать, такъ какъ лѣсъ, да и всякое жилье было очень далеко, за то и пожгло насъ солнце. Гренадеры принуждены были идти далеко ломать избушки на дрова для нашей кухни, и даже деревья вдоль дороги были уже срублены. Военный комиссаръ велѣлъ привезти для насъ солдатскаго хлѣба, еще раньше заготовленнаго, такъ, какъ и быковъ. Наконецъ, солнце къ удовольствію нашему зашло, жаръ измучилъ насъ и, въ добавокъ, за водой надо было ѣхать очень далеко къ колодцамъ, которые скоро и изсякли, а на мѣсто чистой воды намъ привезли какую-то болотистую тину.

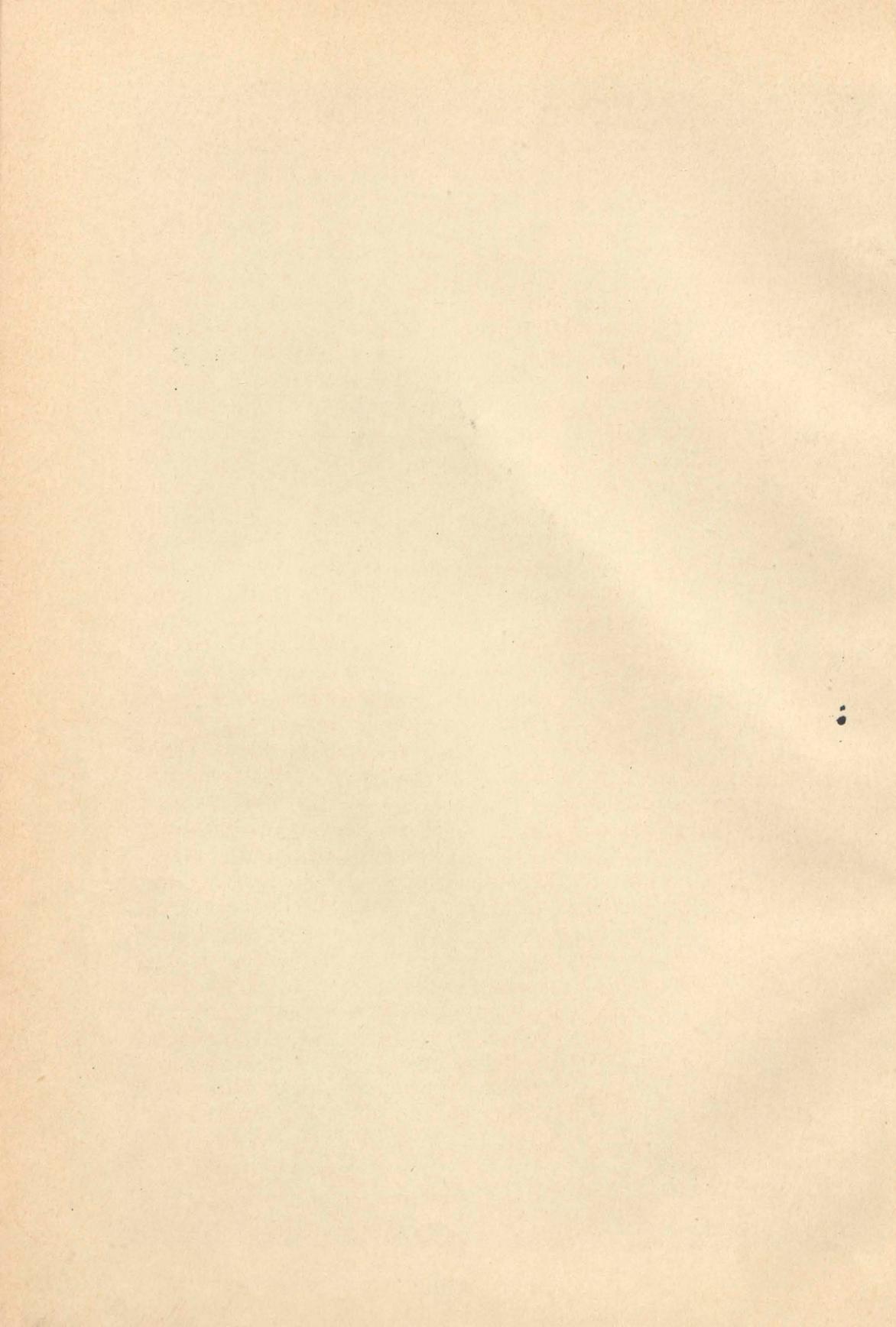
Будиловка, 27-го іюля.

Послѣ раздачи водки, еще до свѣта мы выступили въ походъ. Дорога была легче вчерашняго. Мы остановились отдохнуть у рѣчки (?), потомъ перешли черезъ нее по мосту, и затѣмъ еще рѣчку Swesza. Мы проходили все не сжатыми полями; наконецъ, пришли въ Будиловку (?),—городокъ, похожій на всѣ другіе, съ деревянными домами, крытыми соломой. По главной улицѣ проходила артиллерія, но съ непрерывными остановками, вслѣдствіе неисправностей въ упряжи, порядочно потертой въ продолженіе всего похода. Евреи, эти единственные жители, не оставлявшіе городовъ, черезъ которые мы проходили, не въ состояніи уже были удовольствовать эту массу войска; боясь насильственныхъ захватовъ, они прятали послѣднее, что могли отдать. Съ большимъ трудомъ успѣли мы выбраться изъ этого города, но едва вышли изъ него, какъ вспыхнулъ тамъ пожаръ, заставившій опа-

Бородино 26 августа. Кутузовъ со своимъ штабомъ.

Съ современной гравюры.

саться взрыва пороховыхъ ящиковъ, остановившихся посреди города. Дымъ горѣвшихъ зданій доходилъ до насъ, и вопли отчаянія слышались со всѣхъ сторонъ, такъ что мы рады были, когда увидѣли себя внѣ опасности. Остановились мы въ деревнѣ, положительно брошенной жителями, и помѣстились въ избушкѣ, гдѣ застали еще теплую печь,—доказательство, что хозяева незадолго передъ тѣмъ бѣжали. Тутъ нашли и провизію: муку, крупу и сало. Гренадеры наловили гусей и утокъ, и по милости всего этого, мы могли еще угостить линейныхъ офицеровъ, взглянувшихъ къ намъ. Конечно, намъ пріятнѣе было бы воспользоваться гостепріимствомъ обывателей, какъ было въ Германіи, гдѣ, не взирая на войну, съ нами обходились не по-непріятельски. На другой день намъ предстояло вѣхаться въ Витебскъ, и мы надѣялись встрѣтить тутъ пріемъ, который принесъ бы нѣкоторое облегченіе нашему измученному войску.

Витебскъ, 28-го іюля.

Выступили въ походъ до восхода солнца. Дорога была сносная и шла гдѣ полями, гдѣ лѣсомъ. Мы повстрѣчались съ длинными вереницами прусской артиллеріи, принадлежавшей тому корпусу, который король Фридрихъ-Вильгельмъ III отдалъ въ распоряженіе Наполеону. При видѣ этихъ пушекъ, прежде направленныхъ противъ насъ, нельзя было не подивиться такому повороту политики, который заставилъ ихъ теперь идти съ нами. Однако, судя по угрюмымъ лицамъ и молчаливости пруссаковъ, надо было заключить, что они не добровольно оказывали намъ свое содѣйствіе ¹⁾.

Мы обогнали этотъ корпусъ пруссаковъ на одинъ приваль, остановились въ деревнѣ, гдѣ въ магазинахъ нашлась кое-какая провизія. Отдохнувъ подъ деревьями вдоль дороги, снова пустились въ походъ по сильнѣйшему жару. Подошли къ Витебску; тутъ на открытомъ воздухѣ расположились линиями нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, съ многочисленною артиллеріею. Лошади были привязаны, костры разведены и варился супъ. Четыре большія колонны гвардейской пѣхоты образовывали каре, въ серединѣ котораго были раскинута три палатки, одна императорская, другія двѣ для свиты императора. Около нихъ караулъ въ двадцать человекъ гренадеръ съ офицеромъ и барабанщикомъ. Нашъ полкъ расположился между колоннами;

¹⁾ И они доказали это вскорѣ на самомъ дѣлѣ.

Прим. автора.

развели костры и послали за провизіей, которая раздавалась въ сосѣднемъ полѣ, куда свезены были мясо и хлѣбъ. Около палатки императора происходило большое движеніе: ежеминутно генералы и адъютанты то подъѣзжали къ палаткѣ, то во весь духъ разъѣзжались во всѣ стороны. Какъ это движеніе, такъ и сосредоточеніе почти всѣхъ корпусовъ арміи доказывали, что мы находились въ виду непріятеля, и точно ждали рѣшительнаго дѣла. Императоръ по нѣскольку разъ выходилъ изъ палатки съ зрительной трубой въ рукѣ и, опираясь на плечо офицера или солдата, разсматривалъ Витебскъ, съ его окрестными холмами. За городомъ виднѣлась обширная возвышенная равнина, на которой маневрировали русскія кавалерійскія и пѣхотныя войска. Говорятъ, будто Наполеонъ, глядя на нихъ, сказалъ:

— «Завтра они будутъ наши».

Каждому полку прочитано было слѣдующее воззваніе: «Солдаты! Насталь, наконецъ, желанный день. Завтра дадимъ сраженіе, котораго давно ждали. Надобно покончить этотъ походъ однимъ громовымъ ударомъ! Вспомните, солдаты, ваши побѣды при Аустерлицѣ и Фридландѣ. Завтра непріятель узнаетъ, что мы не выродились».

Армія съ восторгомъ выслушала это воззваніе, увѣрена будучи въ побѣдѣ; надѣялись, что этимъ дѣломъ кончится война, къ тому же всѣхъ утомилъ этотъ продолжительный походъ. Раздана была водка, и, послѣ ужина и разныхъ приготовленій къ утру, легли спать. Многіе, конечно, были убѣждены, что проводятъ послѣднюю ночь. Наутро встали до разсвѣта, приказано было надѣть парадную форму, какъ на праздникъ. Лишь только занялась заря, какъ всѣ глаза устремились туда, гдѣ наканунѣ маневрировала непріятельская армія; но вся эта равнина представлялась пустою, и, когда солнце взошло, оказалось, что дѣйствительно русская армія исчезла. Мы ждали готовые приказанія, но ихъ что-то не давали. Между тѣмъ, къ палаткѣ то и дѣло подъѣзжали генералы и адъютанты и потомъ быстро отъѣзжали; очевидно, императоръ отдавалъ приказанія различнымъ корпусамъ арміи. Вдругъ во всѣхъ полкахъ пробили сборъ. Унтеръ-офицеры подошли къ полковнику и получили приказаніе распорядиться изготовленіемъ обѣда. Это распоряженіе крайне насъ удивило. Значитъ, сегодня еще не будетъ пролита кровь, какъ было ожидали. Въ то же время забилъ барабанъ императорскаго караула, что значило, что гренадеры, бывшіе на караулѣ, смѣнялись. Я съ товарищемъ успѣли узнать отъ смѣнившиа-

гося офицера, не слыхалъ ли онъ чего новаго, такъ какъ тотъ, находясь такъ близко отъ палатки императора, могъ что-нибудь узнать. Онъ намъ разсказалъ, что Наполеона просто привело въ ярость извѣстiе о ночномъ отступленіи неприятельской арміи, тогда какъ онъ ждалъ отъ нея сраженія. Когда вошелъ въ палатку князь Понятовскій, имѣвшій порученіе перейти съ кавалеріею Двину, по ту сторону Витебска, чтобы не допустить неприятеля уйти, то караульный офицеръ могъ слышать, что говорилось внутри. Князь пришелъ доложить, что не было никакой возможности перебраться за Двину, такъ какъ нигдѣ не нашель брода, а вода, напротивъ, прибыла послѣ бывшей грозы, и что во всякомъ случаѣ онъ не могъ найти фуража для лошадей. Тутъ между императоромъ и Понятовскимъ произошла сцена, въ которой первый сильно выговаривалъ князю неисполненіе его приказаній. Но Понятовскій тоже не молчалъ.

— «Вы извиняетесь недостаткомъ фуража, князь», сказала Наполеонъ, «а я вамъ скажу, что въ Египтѣ я не разъ дѣлалъ походы безъ фуража...»

— «Не знаю, ваше величество», смѣло отвѣчалъ Понятовскій, «чѣмъ вы кормили тамъ лошадей; знаю только, что мои лошади не могутъ обойтись безъ сѣна. Тамъ, гдѣ мнѣ случалось пускать лошадей на подножный кормъ, за недостаткомъ пастбища, тамъ я хотя долженъ былъ отставать; но этимъ спасалъ кавалерію. Иначе я поставленъ былъ бы въ то же положеніе, въ какомъ вы очутились подъ Сень-Жанъ-д'Акромъ, гдѣ, за недостаткомъ лошадей, вы не могли подвезти артиллерію и принуждены были снять осаду крѣпости».

— Тутъ оба возвысили голосъ въ одно время; въ ихъ спорѣ вмѣшались голоса нѣкоторыхъ тутъ бывшихъ генераловъ, и шумъ поднялся такой, что я ничего не могъ ужъ разслышать, говорилъ офицеръ. Но какъ разговоръ тамъ еще до сихъ поръ продолжается, прибавилъ онъ, то если хотите подойти къ палаткамъ: можетъ быть и услышите что-нибудь и еще.

Подошедши съ товарищемъ, подъ видомъ прогулки, къ палаткамъ, мы могли различить голосъ Наполеона и Понятовскаго, но только и могли разслышать, что слова послѣдняго: «Нѣтъ в. в., въ этомъ краѣ, который мнѣ лучше вашего знакомъ, это невозможно, никакъ невозможно».—Оба часовые стали подъ ружье; значить императоръ собирался выдти, и мы удалились на нашъ бивакъ. Послѣ обѣда забили сборъ, войска встали въ колонны и мы съ удовольствіемъ выступили въ походъ, зная, что придемъ въ Витебскъ.

Витебскъ, 30-го іюля.

Подходя къ городу, мы увидали густой дымъ, знакъ пожара. Съ барабаннымъ боемъ и музыкой вступили мы въ прекрасную большую улицу, похожую на предмѣстье. Но каково было наше удивленіе, не встрѣтя въ городѣ ни души. Дома и окна были заколочены; все бѣжало изъ Витебска. Пришедши къ пожарищу, нашли сгорѣвшимъ мостъ, ведущій въ городъ и подожженный русскими. Мостъ этотъ перекинуть былъ черезъ глубокой сухой ровъ и опирался на двѣ высоты. Однако, уничтоженіе моста не помѣшало намъ перебраться на ту сторону, несмотря на крутизну мѣстности. Мы вышли на улицу, обстроенную кирпичными и деревянными домами. Кое-гдѣ только встрѣчались обыватели не евреи, да и жида, изъ расчета ли или изъ страха, не надѣдали намъ, какъ ихъ единовѣрцы въ другихъ городахъ. Нѣкоторые изъ нихъ представлялись нашимъ начальникамъ, въ качествѣ не то депутатовъ, не то капиталистовъ. Костюмъ ихъ былъ приличный, нарядный и даже опрятный. Казалось, они имѣли тайное порученіе къ нашимъ начальникамъ. Полковникъ сталъ ихъ спрашивать на счетъ отступленія русскихъ и бѣгства жителей города. Они отвѣчали уклончиво, приписывая все страху передъ французскою арміею; но нельзя было не замѣтить двоедушія этихъ израильтянь; они явно изучали насъ, съ цѣлью воспользоваться обстоятельствами, которыя могли бы принести имъ выгоды, все равно отъ русскихъ ли или французовъ. Осторожные начальники наши не говорили имъ, долго ли мы пробудемъ въ Витебскѣ, а потребовали отъ нихъ различныхъ припасовъ, которые тѣ и обѣщали доставить.

Мы долго стояли на мѣстѣ въ ожиданіи приказаній полку, межъ тѣмъ, какъ со всѣхъ сторонъ подходили кавалерійскіе и пѣхотные корпуса. Наконецъ, намъ велѣно отправляться въ отдаленный кварталъ города, и для этого намъ надлежало возвратиться черезъ тотъ ровъ, мостъ котораго былъ сожженъ; впрочемъ мостъ уже исправляли. Артиллерія же должна была ожидать окончательнаго исправленія моста. Послѣ не малыхъ затрудненій мы вышли въ длинную улицу, обстроенную низенькими деревянными домами, бывшими пустыми или, по крайней мѣрѣ, охраняемыми только слугами. Встрѣчались и еврейскіе дома, но хозяева ихъ молча смотрѣли на насъ, не двигаясь съ мѣста, точно имъ такъ приказано было. Мы помѣстились въ деревянномъ домѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ, въ углахъ которыхъ противъ дверей висѣло по иконѣ съ спускавшеюся передъ нею лампадкою.

Это напоминало римскихъ домашнихъ божковъ. Вся простая мебель осталась на мѣстѣ. Съ нѣкотораго времени шесть нашихъ офицеровъ условились поочередно завѣдывать нашимъ столомъ и лошадьми. Солдатъ отпустили на раздачу, происходившую не-вдалекѣ, и въ скоромъ времени кухня наша была готова. Послѣ бивачнаго обѣда, нашъ подполковникъ послалъ намъ объявить, что мы пробудемъ извѣстное время въ Витебскѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ передать брату, нашему товарищу, выписку изъ газеты слѣдующаго содержания.

«25-го іюня русскій императоръ манифестомъ объявилъ своему народу о предстоящей войнѣ, поручая ему спасти отечество и свободу и призывая Бога, заступника православія».

Я замѣтилъ, что Наполеонъ, хотя и христіанинъ, однако, при объявленіи войны, взывалъ къ судьбѣ.

Къ ночи разразилась сильная гроза съ ливнемъ и градомъ. Мы рады были, что находимся подъ крышею. На другое утро погода была ясная, но мы узнали, что ночная гроза понадѣлала бѣды обозамъ, испортивъ дорогу и образовавъ рывины. Словомъ, каждый день случались какія-нибудь непріятности съ лошадьми и артиллеріей. Сожженный мостъ совершенно исправили наши саперы и инженеры. Тутъ пошли дефилировать нескончаемая артиллерія, какъ гвардейская, такъ и армейская, фургоны и обозы, и продолжалось это нѣсколько дней сряду.

Императоръ тоже прибылъ въ Витебскъ и занялъ трехъэтажный домъ въ концѣ города, на небольшой площади, окруженной рвами, и напротивъ какихъ-то деревянныхъ лачужекъ. Городъ наполнялся войсками, изъ которыхъ одна часть проходила дальше и располагалась недалеко отъ предмѣстій. Совершенно новый и странный видъ представлялъ городъ, заключавшій въ себѣ прежде до 15,000 жителей и вдругъ опустѣвшій. Горсточка оставшихся обывателей пряталась запершись.

31-го іюля.

На третій день нашего прибытія, императоръ повелѣлъ быть параду каждый день, на площади противъ его дома. Чтобы расширить мѣстность, вѣрно было сломать стоявшіе кругомъ домишки, такъ что два полка, кавалерійскій и пѣхотный, могли свободно маневрировать въ глазахъ Наполеона. Каждое утро въ 8 часовъ, какая бы погода ни была, происходилъ парадъ, на который являлись полки, стоявшіе по близости. Только наши полки, принадлежавшіе къ гарнизону, ежедневно дефилировали передъ императоромъ. Начальники корпусовъ должны были подавать ему

рапорты; тутъ же онъ отдавалъ приказанія по дежурству, и почти постоянно былъ не въ духѣ, да упрекалъ въ чемъ-нибудь полковниковъ. Наступила дождливая погода, но императору это не мѣшало присутствовать на парадѣ, только, въ такомъ случаѣ, онъ молчалъ и, порядочно промокнувъ, уходилъ къ себѣ.

Въ нашемъ сосѣдствѣ стояли польскіе уланы. Я ходилъ туда повидаться съ однимъ нѣсколько знакомымъ мнѣ офицеромъ, хотя фамиліи его не припомню. Онъ жилъ у польскаго униатскаго священника, не оставившаго городъ, какъ прочіе жители, и обращавшагося съ уланомъ дружелюбно. Священникъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; папа дозволилъ бракъ и призналъ дѣтей. Римскій дворъ называлъ ихъ греко-униатами. Священникъ казался довольно свѣдущимъ и зналъ немного по-латыни, но языкъ его религіи славянскій. Жена его разливала намъ чай. Въ одномъ углу комнаты развѣшаны были иконы, какъ и у православныхъ, съ лампадкой передъ ними, а на столикѣ лежали трепки *in folio*, въ богатомъ переплетѣ, съ изображеніемъ Христа и святыхъ на эмали. На этихъ книгахъ я увидалъ нѣсколько нумеровъ русскихъ вѣдомостей, съ двухглавымъ орломъ въ заголовкѣ. Я попросилъ моего хозяина прочесть мнѣ содержаніе въ переводѣ. «Императоръ Александръ, писала газета, прибылъ въ Москву 14-го іюля и возбудилъ въ жителяхъ усердіе и готовность на всякую жертву. Митрополитъ Платонъ, 110 лѣтъ, прозванный русскимъ Златоустомъ, поднесъ его величеству икону св. Сергія Радонежскаго и сказалъ ему слѣдующее слово:—«Первопрестольная столица Москва, какъ новый Иерусалимъ, принимаетъ своего Христа въ свои материнскія объятія, и, сквозь подымающійся туманъ, предвидя божественное милосердіе, восклицаетъ радостно: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне! Пускай дерзкій Голиафъ, покинувъ предѣлы Франціи, грозитъ нашей землѣ смертельнымъ ужасомъ! Благочестивая вѣра, этотъ пращъ русскаго Давида, сразитъ кровожадную его гордыню. Прими, государь, икону св. Сергія, нашего заступника у престола Божьяго». Далѣе было сказано, что генералу Баркляю де Толли поручено командованіе первой западной арміи, а Торماسову велѣно принять начальство надъ резервной арміей.

7-го августа.

Сегодня на парадѣ намъ объявили, что перваго числа этого мѣсяца мы одержали двѣ побѣды. Генераль Рикаръ, командующій авангардомъ маршала Макдональда, занялъ Динабургъ, находящійся въ центрѣ Витебской губерніи, на правомъ берегу

Двины, и покинутый русскими. Тамъ нашли двадцать пушекъ и много боевыхъ запасовъ. Эту крѣпость русскіе считали неприступною; ее укрѣпляли четыре года сряду. Въ тотъ же день, маршалъ Удино разбилъ генерала Витгенштейна, подъ Obiazzona (?); русскіе потеряли отъ 6 до 7 тысячъ человекъ ранеными, плѣнными и убитыми, и четырнадцать пушекъ.

10-го августа.

Погода прояснилась и жаръ началъ понемногу спадать. На парадѣ, передъ тѣмъ, какъ намъ уходить, императоръ обратился къ группѣ офицеровъ и начальниковъ нашихъ съ такими словами:

— «Господа, служба у васъ идетъ плохо; у васъ слишкомъ много отсталыхъ. Офицеры останавливаются на походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ. Биваки ихъ утомляютъ, тогда какъ храбрость не беретъ въ расчетъ дурную погоду; и въ грязи сохраняется честь. Солдаты нарушаютъ дисциплину; подъ предлогомъ исканія припасовъ, не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Въ окрестностяхъ возникаютъ жалобы на ихъ насилія. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, господа, и строго наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся уйти, не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, полки наши не досчитались бы своихъ людей; наличный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться послѣ сраженія, тогда какъ мы еще не видали непріятели. Если корпуса маршаловъ Удино и Макдональда одержали побѣду, то потому, что полки ихъ были въ полномъ составѣ, когда они пришли на берега Двины и Дрисы; особенно храбрый 84-й пѣхотный полкъ, который такъ отличился и понесъ наибольшую потерю ранеными»¹⁾.

Потомъ императоръ потребовалъ барона Ларрея, но какъ тотъ былъ въ отсутствіи, то на мѣсто его явился докторъ Паулетъ, начальникъ походнаго госпиталя. Императоръ спросилъ его:

— «На сколько раненыхъ заготовлены у васъ перевязки?»

«На десять тысячъ», отвѣчалъ докторъ.

— «Скажите мнѣ», продолжалъ Наполеонъ, «сколько, примѣрно, необходимо дней для излеченія раненаго?»

«Тридцать дней», отвѣчалъ докторъ.

¹⁾ Я привожу буквально слова Наполеона. Меня удивила ссылка на полкъ, въ которомъ я служилъ. Императоръ далъ ему въ девизъ: «1 противъ 10». Мнѣ кажется, что рѣчь эта никогда не была записана исторіею.

Примѣч. автора.

— «Въ такомъ случаѣ», возразилъ Наполеонъ, «не изъ чего подавать помощь 400 человѣкамъ. Намъ понадобится гораздо болѣе».

Тутъ глухой ропотъ прошелъ въ нашей толпѣ, а кто-то замѣтилъ: «Сколько-жъ, по его мнѣнію, должно быть убитыхъ?» — Наполеонъ, повидимому, разслышалъ эти слова, но, не обративъ на нихъ вниманія, продолжалъ разговоръ съ докторомъ и спросилъ:

— «Гдѣ находятся госпитальные припасы и аптека?»

«Они остались въ Вильнѣ, за недостаткомъ средствъ къ перевозкѣ».

— «Слѣдовательно», вскричалъ Наполеонъ, «армія лишена медикаментовъ, и если бъ мнѣ понадобилось принять лекарство, то я не могъ бы его получить?»

«Въ распоряженіи вашего величества собственная аптека», возразилъ докторъ. Эти слова разсердили императора.

— «Я первый солдатъ въ арміи», сказалъ онъ, возвысивъ голосъ, «и я имѣю право на леченіе въ войскѣ въ случаѣ нездоровья». Потомъ онъ спросилъ: «гдѣ находится главный аптекаръ?» Ему отвѣчали: въ Вильнѣ.

— «Какъ?» возразилъ императоръ. «Одинъ изъ старшихъ по медицинской части не находится при арміи? Я приказываю отправить его обратно въ Парижъ. Пусть онъ отпускаетъ тамъ лекарства дѣвкамъ улицы Сентъ-Оноре. Назначить на его мѣсто другого, и чтобы вся госпитальная часть немедленно примкнула къ арміи».

Возвратясь на свои квартиры, мы принялись толковать обо всемъ, сказанномъ императоромъ. «Императоръ», сказалъ одинъ изъ насъ, «жалуется на войско, но войско имѣетъ болѣе причинъ жаловаться на него; онъ требуетъ многого, тогда какъ недостатокъ у насъ во всемъ. Развѣ онъ не видитъ, что здѣшній край не Австрія и не Италия! Мѣстность дикая, дороги непроходимыя; каждый день намъ приходится бороться со всевозможными затрудненіями, испытывать усталость, превосходящую силы человѣческія; оставаться каждый день голодными, не получать даже водки, которая точно такъ же полезна для французскаго солдата, какъ для всякаго другого. На походѣ у насъ нѣтъ палатокъ и никакой защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Придетъ солдатъ усталый и голодный въ мѣстность, гдѣ нѣтъ припасовъ; какъ ему запретить идти на поиски пищи? Не заставляйте дѣлать усиленные переходы; подвигайтесь медленно, какъ слѣдуетъ поступать въ дальнихъ походахъ, когда идешь въ неизвѣстныя страны,

гдѣ ничего не заготовлено для войска; оказывайте войску отеческое попеченіе, снабжая его исправно каждый день надлежащими припасами, а на ночь палатками, словомъ меньше опасайтесь издержекъ, а больше гибели солдатъ, тогда никто не подумаетъ бросить свое знамя, какъ это и было въ странахъ, гдѣ войско постоянно находило все необходимое. Что касается до обвиненія Наполеона, что офицеры заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, то надобно благодарить помѣщиковъ за ихъ гостеприимство, спасавшее отъ голода не только отдѣльныхъ офицеровъ, но даже цѣлыя роты. Странно забывать, что люди не могутъ существовать безъ пищи, ни проводить ночи, подобно звѣрямъ, безъ крыши. Наконецъ, что касается отставшаго госпитальнаго обоза, то виноватъ ли былъ нашъ главный аптекаръ, ученѣйшій парижскій химикъ Сюрро, что для него не хватило лошадей? Отставлять его было несправедливо. Но вотъ то-то и есть, что прежніе примѣры довольства и избытка въ цивилизованныхъ странахъ избаловали войско такъ, что уже трудно ему привыкать къ лишеніямъ, испытываемымъ въ краѣ, чуждомъ цивилизаціи. Человѣкъ, такъ сказать, рабъ привычки. Она-то и заставила Наполеона не обратить вниманія на разность климата. Здѣсь надо было подвигаться медленно, чтобы усиленными переходами не причинить столько же потери, сколько можетъ причинить неудачное сраженіе. Наконецъ, постоянное отступленіе русскихъ должно же надоумить насъ, что этимъ намъ готовятъ очевидную гибель, заманивая насъ все глубже въ страну, — страну, гдѣ на тысячу человѣкъ едва одинъ пользуется достаткомъ. Итакъ, не взирая на геній свой, Наполеонъ обмануть незнаніемъ того края, куда онъ перенесъ войну. Многіе его генералы не больше его свѣдуши. Только поляки могли бы съ успѣхомъ дѣйствовать на русское населеніе, и еслибъ императоръ поручилъ князю Понятовскому окончить этотъ походъ, то не сдобровать бы русскимъ (?!). Но Наполеонъ не довѣряетъ полякамъ; онъ помнитъ только ихъ революцію 1794 г., когда польскіе магнаты продавали русскимъ свою родину, а между тѣмъ времена уже не тѣ. Онъ такъ ошибается въ полякахъ, что говоритъ: «Еслибъ я возстановилъ Польшу, поляки продали бы меня русскимъ; храбрость ихъ не болѣе, какъ вспышка соломы». Вотъ къ чему ведетъ ложное мнѣніе великаго человѣка. Судя о польской націи по стариннымъ ея заблужденіямъ, Наполеонъ забываетъ, что ошибки польскихъ сеймовъ прошлыхъ столѣтій послужили націи урокомъ для будущихъ временъ; новое поколѣніе, понявъ это, не возоб-

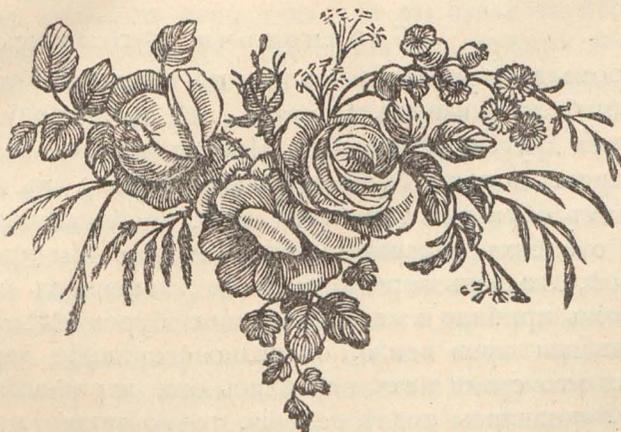
новить стараго; такъ точно, какъ невозможны ужасныя религіозныя войны, возбужденныя суевѣріемъ и іезуитствомъ».

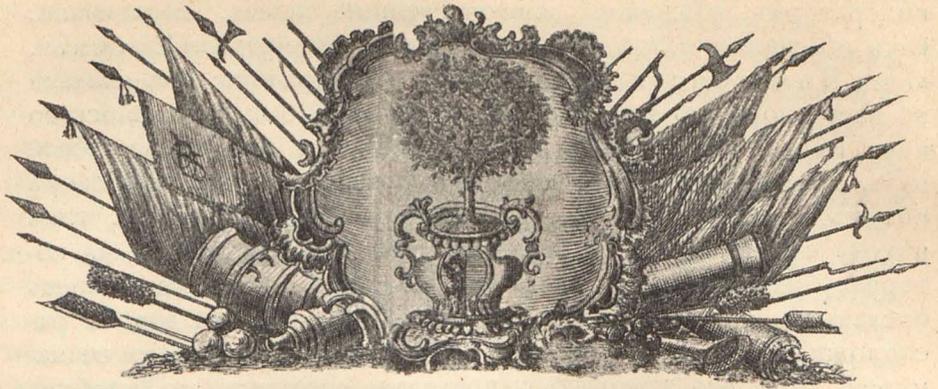
Однажды повстрѣчался я на улицахъ Витебска съ офицеромъ, у котораго на пуговицахъ я прочелъ номеръ 84. Его послали въ главную квартиру. Такъ какъ и я служилъ въ этомъ полку въ героическую эпоху, то я невольно заговорилъ съ офицеромъ, рекомендуя себя бывшимъ служащимъ этого полка, откуда я потомъ перешелъ въ императорскую гвардію. Я выразилъ ему мое желаніе повидаться съ моими бывшими товарищами, особенно съ докторомъ Трастуромъ, нѣкогда моимъ начальникомъ и благодѣтелемъ. Сперва я повелъ его къ себѣ, потомъ онъ вызвался проводить меня въ полкъ его, стоявшій миляхъ въ пяти отъ Витебска. Испросивъ позволеніе у полковника, я отправился съ этимъ офицеромъ и въ сопровожденіи солдата. Прежде всего я зашелъ къ моему старому начальнику, который принялъ меня радушно, да еще созвалъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ офицеровъ и далъ намъ обѣдъ по-бивачному. Позже г. Трастуръ и нѣсколько офицеровъ проводили меня верхомъ болѣе одного лье. Не могу довольно нахвалиться этимъ почтеннымъ военнымъ врачомъ; это честнѣйшій и ученый человѣкъ.

12-го августа.

Я воротился въ Витебскъ довольно рано; каково же было мое удивленіе, когда я не засталъ арміи, которая успѣла уже выступить въ походъ. Товарищи мои распорядились оставить у меня гренадера, который долженъ былъ оберегать мои вещи до моего прихода. Мы тотчасъ же отправились въ путь, хотя и не знали, въ какую сторону направилась армія. Вскорѣ, однако, мы нагнали наши фургоны, маркитанокъ и отставшихъ солдатъ. При выходѣ изъ города мы увидали двѣ дороги, обсаженныя березами, между которыми возвышались верстовые столбы. Мы пошли за обозомъ, повернувшимъ налѣво, что сдѣлали и экипажи, слѣдовавшіе за арміей. Пройдя нѣсколько верстъ по этому пути,— я ѣхалъ шагомъ, не торопясь, — я услыхалъ за поворотомъ дороги лошадиный топотъ, но не успѣлъ я повернуть туда, какъ вижу, навстрѣчу мнѣ скачетъ во весь духъ какой-то офицеръ. Кто же это былъ? Императоръ Наполеонъ. Я едва успѣлъ посторониться и приложить руку къ шляпѣ, какъ онъ уже пролетѣлъ, точно молнія, конечно и не взглянувъ на меня. Я сталъ, изумленный, пораженный этою личною встрѣчею съ вѣковымъ человѣкомъ! Вскорѣ цѣлое облако пыли возвѣстило мнѣ, что за

императоръ слѣдовалъ многочисленный штабъ, состоявшій, какъ обыкновенно, изъ короля Мюрата, вице-короля Евгенія, князя Понятовскаго, маршаловъ и генераловъ; они скакали во весь опоръ, но трудно было имъ догнать быстрого арабскаго коня Наполеона. Пропустивъ эту свиту, я продолжалъ свой путь. Я не понималъ, что значило это возвращеніе вспять. Вскорѣ потомъ я встрѣтилъ конныхъ гренадеръ гвардіи, егерей, тамъ пѣхоту и нашъ полкъ. Я узналъ, что та большая дорога, на которую было выступили, вела въ Петербургъ, но когда черезъ посланныхъ курьеровъ стало извѣстно, что на этой дорогѣ расположился съ арміею князь Багратионъ, Наполеонъ не намѣренъ былъ его атаковать и приказалъ отступить къ Витебску. Онъ располагалъ на другой день направить армію на Смоленскъ. Итакъ, мы вернулись въ городъ. Тутъ была раздача провизіи.

II.

Выступление изъ Витебска 13-го августа.—Бабиновичи.—Орша.—Красный.—Смоленскъ, 17-го августа.—Атака города, пожаръ.—Вступление въ городъ; множество раненыхъ.—Выступление изъ Смоленска, 25-го августа.

Августъ 1812 г.

Бабиновичи, 13-го августа.

Рано утромъ выступили въ походъ, по той же дорогѣ, по которой вышли было наканунѣ. Но тамъ, гдѣ въ сторону отъ нея, направо, идетъ другая, ведущая въ Москву, мы пошли по этой. По обѣ стороны дороги были посажены березы, въ два ряда, образуя такимъ образомъ тѣнистую алею, удобную для прохода пѣхоты. На столбахъ обозначены были версты. Мы прошли, по крайней мѣрѣ, двадцать верстъ посреди жатвенныхъ полей, на которыхъ рожь прибило къ землѣ бывшею бурей. Мѣстами виднѣлись дымящіяся кучи пепла, очевидно сгорѣвшіе деревянные дома, потому что среди нихъ виднѣлись еще кирпичныя печи съ трубами. Остановились подлѣ селенія, точно также истребленнаго огнемъ. Раздали сухари. Нѣсколько небольшихъ отрядовъ гренадеръ отправились въ селеніе, колокольня котораго виднѣлась вдаль, и привезли оттуда кое-какую провизію: хлѣба, муки, водки и гусей. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, снова пустились въ путь. На небольшомъ возвышеніи увидали вдаль Бабиновичи. Тамъ тоже былъ пожаръ, и когда мы подошли къ самому городу, оказалось опаснымъ проходить дальше; пламя перебѣгало изъ улицы въ улицу. Мы остановились поблизости садовъ и тамъ

расположились; въ этой сторонѣ нашлись избы внѣ опасности отъ огня, и въ одной изъ нихъ мы и помѣстились. Солдаты, однако, проникли въ городъ, и успѣли вынести оттуда припасы. Въ полѣ нашли разбѣжавшихся овецъ, которыхъ гренадеры подстрѣлили. Словомъ, ужинъ случился у насъ порядочный. Зарево пожара освѣщало горизонтъ. Только что мы легли, какъ пошелъ сильный дождь, шедшій всю ночь; но какъ мы были подъ кровлей, то онъ насъ и не беспокоилъ.

Орша, 14-го августа.

Къ утру дождь пересталъ и отчасти потушилъ пожаръ; за то насъ окружала невыносимо-дымная атмосфера. Мы пустились въ путь, проходя черезъ Бабиновичи. Печально было зрѣлище этихъ дымящихся развалинъ. Изъ кучи пепла торчали голыя стѣны и трубы кирпичныхъ домовъ. Выйдя изъ города, мы очутились на берегу рѣки Lutescza, и остановились, потому что русскіе сожгли на ней мостъ. Но черезъ нѣсколько часовъ успѣли устроить другой, благодаря тому, что рѣка была узка. Далѣе по дорогѣ мы встрѣчали сгорѣвшія отдѣльныя жилища, какъ накануне. Едва завидѣли мы издали Оршу, какъ въ то же время увидали ее въ пламени. На близкомъ отъ нея разстояніи вѣтеръ гналъ намъ дымъ прямо въ лицо, такъ что мы взяли въ сторону и расположились биваками въ отдаленной отъ пожара части города. Мы заняли нѣсколько домовъ; въ одномъ изъ нихъ нашли свиней, которыми и подѣлились между собою; но у насъ не было соли, а обойтись безъ нея невозможно было. Хотѣли было замѣнить соль порохомъ, какъ одинъ гренадеръ принесъ намъ большущій кусокъ неочищенной соли, найденный имъ въ стойлѣ—коровамъ и быкамъ даютъ соль, — и она пришлась очень кстати. Городъ горѣлъ во всю ночь; утромъ солнце взошло сквозь дымъ совершенно красное. И насъ дымъ душилъ и такъ пропиталось платье, что можно было подумать, что мы все время провели въ дыму.

15-го августа былъ день рожденія императора Наполеона. Несмотря на всѣ наши невзгоды, когда полкъ сталъ подъ ружье, раздакъ общій кликъ: «да здравствуетъ императоръ!» и одному изъ нашихъ подполковниковъ поручено было отъ имени всего полка поднести поздравленія императору, находившемуся еще въ Бабиновичахъ (?), гдѣ онъ ночевалъ. Потомъ послѣдовала раздачка мяса, хлѣба и водки. Нельзя было пока идти дальше, такъ какъ узнали, что русскіе сожгли мостъ на Днѣпрѣ, черезъ который лежалъ нашъ путь.

Орша—небольшой уѣздный городокъ на Днѣпрѣ. Она также почти вся выгорѣла. Изъ исторіи извѣстно, что въ 1514 году первый король польскій, Сигизмундъ I, одержалъ здѣсь значительную побѣду надъ русскими и побилъ войско царя Василя I.

Въ полдень пробили сборъ и мы прошли черезъ городъ посреди облака дыма, застилавшаго все пространство. Мы прошли черезъ Днѣпръ по вновь устроенному мосту, и вслѣдъ затѣмъ пошелъ дождь, который не переставалъ до приближенія нашего къ городку Kozianu (?), также объятому пламенемъ. Однако, мы прошли его весь, несмотря на испугъ лошадей; мы расположились биваками по ту сторону города, около рѣчки. Здѣсь намъ понадѣлали будки изъ разобранныхъ избушекъ, а изъ горящихъ домовъ нанесли головней и развели костры, около которыхъ мы и сушились. Другіе, шедшіе за нами, полки постарались и успѣли потушить пожаръ, и затѣмъ расположились въ городѣ. Раздали мясо и хлѣбъ, и приготовили намъ нашъ обычный обѣдъ, съ тою разницею, что мы сидѣли за столомъ и на стульяхъ, вынесенныхъ изъ города.

Красный, 16-го августа.

Погода прояснилась. Мы шли большимъ сосновымъ лѣсомъ, по дурной песчаной дорогѣ, перерѣзываемой болотами. По нѣскольку разъ останавливались, потому что шедшіе впереди насъ фургоны часто вязли въ тинѣ и загораживали путь. По выходѣ изъ лѣсу, былъ привалъ, и раздали сухари. Наконецъ, мы пришли къ мѣстечку Красному, которое не подверглось пожару, какъ всѣ прочіе города и села, потому что ночью атаквала его кавалерія, бывшая въ авангардѣ, и русскіе не успѣли поджечь Красный. Обыватели бросили свои дома, но войско такъ переполнило мѣстечко, что не было возможности проникнуть вовнутрь. Насъ заставили обойти Красный кругомъ, и мы расположились на возвышеніи, усаженномъ деревьями, подъ которыми мы и укрылись, какъ могли, за неимѣніемъ другой защиты, которую трудно было достать, по причинѣ большого числа собравшихся подъ Краснымъ полковъ. Также затруднительна была задача продовольствія; мы долго не могли ее дожидаться. Въ полночь мы выступили отсюда въ пасмурную погоду.

Смоленскъ, 12-го августа.

На разсвѣтъ я замѣтилъ, что мы слѣдовали не по большой дорогѣ. Мы прошли мимо нѣсколькихъ пустыхъ деревушекъ; въ одной изъ нихъ произошла остановка предъ узкимъ мостомъ,

сквозь который одна лошадь провалилась. Болѣе часа прошло, прежде нежели мостъ былъ исправленъ и намъ можно было перейти; а между тѣмъ, вдали слышались какъ бы пушечные выстрѣлы; повернувъ на проселочную дорогу, извивавшуюся между горъ, мы уже не сомнѣвались въ выстрѣлахъ,—такъ явственно вторило имъ эхо. Намъ пришлось проходить черезъ двѣ деревни, представлявшія не что иное, какъ груды раскаленныхъ угольевъ. Мы шли одни. Пушечный громъ слышался все ближе; наконецъ, мы узнали, что атакованъ Смоленскъ. Мы спустились съ горы, съ которой могли видѣть всю армію. Канонада не прекращалась. Нашъ полкъ сталъ съ резервомъ, невдалекѣ отъ гласиса крѣпости, позади разныхъ пѣхотныхъ корпусовъ и кавалеріи, имѣвшихъ впереди батареи. Передъ нами на горѣ лежалъ Смоленскъ, подъ нимъ протекалъ Днѣпръ.

Смоленскъ—городъ на границѣ Литвы—считался оплотомъ русской имперіи противъ Польши. Смоленскъ, подобно стариннымъ городамъ той эпохи, когда не знали еще артиллеріи, окруженъ толстыми и высокими каменными стѣнами. Позже къ нимъ пристроены тщательно выведенныя укрѣпленія. За стѣнами виднѣлись крыши различныхъ зданій и колокольни церквей. Въ этомъ городѣ находилась сильная русская армія подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли.

Атака началась до свѣта. Въ разныхъ мѣстахъ разставлены были грозныя батареи, и Наполеонъ самъ выдвинулъ впередъ осадную артиллерію. Поляки, предводительствуемые княземъ Понятовскимъ, отличились. Наполеонъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

«Поляки, этотъ городъ принадлежитъ вамъ»...

Маршалы Даву и Ней раздѣляли опасности этого дня. Городъ подвергался со всѣхъ сторонъ страшному бомбардированію, и подземными минами взорвало на воздухъ цѣлыя части стѣнъ. Непрiятельская артиллерія не въ состояніи была отразить это нападеніе и бросила свою позицію; русскіе рѣшились отступить, потерявъ 12,000 человекъ убитыми, ранеными и плѣнными, и передъ отступленіемъ зажгли городъ со всѣми его магазинами. Общій пожаръ охватилъ городъ. Канонада прекратилась. Мы двинулись впередъ и увидали императора; онъ слѣзъ съ лошади у воротъ города и стоялъ, окруженный нѣсколькими генералами. Онъ отдавалъ приказанія, какъ въ это время изъ города выѣхали три кареты, направляясь въ его сторону. Изъ каретъ вышли нѣсколько русскихъ въ свѣтло-зеленыхъ мундирахъ съ краснымъ воротникомъ; они держали шляпы въ рукѣ и низко кланялись

императору. Наполеонъ поговорилъ съ ними съ четверть часа. То были русскія гражданскія власти, и въ ихъ главѣ уѣздный предводитель дворянства. Они, какъ говорили, поднесли ключи города, объявляя, что армія русская выступила вонъ изъ города. Предавая его въ руки императора, они умоляли Наполеона приказать подать помощь тысячамъ раненыхъ, разбросаннымъ по городу, и затѣмъ возвратились въ городъ. Императоръ вызвалъ впередъ нѣсколько дивизій для занятія Смоленска и приказалъ немедленно образовать группы врачей и лекарей съ служителями изъ гвардіи, съ тѣмъ, чтобы всѣ они раздѣлились по кварталамъ города, лечили бы всѣхъ раненыхъ, безъ разбора, и свезли бы въ госпитали. Приказаніе это было немедленно исполнено.

Какъ скоро всѣ мы (врачи) собрались, баронъ Ларрей повелъ насъ въ городъ, гдѣ у самага входа пришлось нашимъ лошадямъ шагать черезъ трупы. Нельзя было проѣхать по главной улицѣ, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ ея горѣли дома; боковыми улицами мы выѣхали на главную площадь, обсаженную березами; дома на ней почти всѣ уцѣлѣли. Жаркое время еще усиливалъ раскаленный пожаромъ воздухъ. Пріѣхавъ на площадь съ нашими фургонами и солдатами-служителями, мы оказались числомъ до шестидесяти лекарей. Насъ раздѣлили на группы въ четыре человекъ и разослали по городу. Пройти по улицамъ было дѣло нелегкое, такъ какъ всѣ онѣ были въ огнѣ. Я чуть было не погибъ въ одной изъ нихъ, но спасся только благодаря сквозному ходу въ одномъ домѣ, который и вывелъ меня въ безопасную улицу. Мѣсто, которое должно было служить мнѣ и товарищамъ моимъ перевязочнымъ пунктомъ, находилось на одномъ углу городскихъ стѣнъ, противъ груды обрушившихся частей ихъ. Сквозь амбразуры стѣнъ виднѣлись предмѣстья Смоленска, лежавшія за Днѣпромъ, и еще занятія русскими, которые стрѣляли въ нашихъ солдатъ, когда эти приходили къ рѣкѣ поить лошадей. Въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, происходила жестокая атака, такъ какъ тутъ сосредоточено было множество народа, раненаго и убитаго. Судя по ихъ зеленымъ мундирамъ, я принялъ ихъ за русскихъ, особенно какъ увидаль у нихъ на шеѣ мѣдные крестики съ славянскою надписью. Мы подняли тѣхъ раненыхъ, у которыхъ проявлялись признаки жизни. Они обращались къ намъ на непонятномъ для насъ языкѣ. Ихъ понесли въ сосѣдніе дома, повидимому, казенные. Тутъ начали мы дѣлать операціи. Раны были по большей части опасныя, и ампутацій было сдѣлано много. Всего оказалось человекъ шестьдесятъ раненыхъ.

1812 годъ. Отступленіе французской арміи.

Съ картины Мейсонье.

Мнѣ хотѣлось идти съ рапортомъ къ барону Ларрею; но, не зная, гдѣ его квартира, я бродилъ изъ улицы въ улицу. Очутившись на площади, гдѣ расположилось много биваковъ, я узналъ офицеровъ 79-го полка, съ которыми мы года четыре тому назадъ занимали Рагузу и Катаро. Я подошелъ къ нимъ, они тоже меня узнали и удержали при себѣ. Странно было теперь встрѣтиться въ Смоленскѣ, близко къ полюсу (!), послѣ того, что мы видѣлись подъ благодатнымъ небомъ Далмаціи. Ночь я провелъ у нихъ подъ безедами площади. Послѣ дневного жара наступила холодная ночь.

На другое утро я поспѣшилъ къ барону Ларрею. Онъ жилъ въ улицѣ, не тронутой пожаромъ, и поблизости дворца, въ которомъ квартировалъ Наполеонъ. Только что я подалъ ему мой рапортъ о числѣ перевязанныхъ русскихъ, какъ онъ мнѣ возразилъ, что русскіе раненые были удалены оттуда ранѣе. Я долженъ былъ по его приказанію возвратиться къ раненымъ и узнать, къ какому корпусу войска они принадлежали? Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ отъ сторожей и товарищей моихъ, что то были морлаки (?) изъ Далмаціи, принадлежавшіе къ итальянской арміи.—Потеря французовъ простиралась до 5 или 6000 человекъ. Всѣ раненые были перенесены въ два большія зданія на площади, вѣроятно, бывшія судебныя мѣста. Залы были обращены въ лазаретъ, и все, что находилось тамъ, бумаги и дѣла, было выброшено за окно на площадь. Четверо изъ насъ, врачей, помѣстились въ небольшомъ уцѣлѣвшемъ домѣ.

20-го августа.

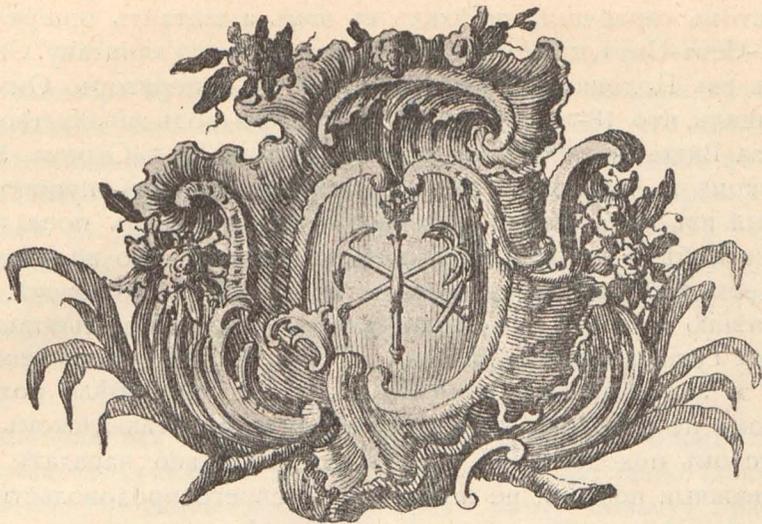
Узнали, что происходило убійственное сраженіе въ двухъ миляхъ отъ Смоленска. Русская армія, преслѣдуемая маршаломъ Неемъ, быстро отступала.—Лазаретная часть устроена правильнымъ образомъ, но какъ трудно бороться съ недостаткомъ въ самыхъ необходимыхъ госпитальныхъ вещахъ! Въ городѣ ничего нельзя было достать, все сгорѣло. Въ нѣкоторыхъ улицахъ, нетронутыхъ огнемъ, остались ряды лавокъ, даже съ товарами; но эти товары, въ родѣ посуды, зеркалъ, хрусталя, были намъ бесполезны; а все, что могло бы пригодиться солдату въ походѣ, было уничтожено заранѣе. Такое-то зрѣлище представлялъ Смоленскъ! Старинный городъ, строившійся вѣками, разоренъ въ нѣсколько часовъ. Тысячи людей, жившихъ мирно, ввергнуты въ нищету жестокостью людей, которые во взаимномъ умерщвленіи ставятъ свою славу, хотя и выдаютъ себя за послѣдователей ученія, которое гнушается убійства ближняго. Ихъ законы осужда-

ютъ на смерть ничтожныхъ поджигателей какого-нибудь гумна, а опустошителей цѣлаго края называютъ великими и славятъ!

Я ходилъ каждый день въ госпитали, туда же ежедневно приходилъ навѣдываться какой-нибудь старшій офицеръ, посланный императоромъ. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда, императоръ присылалъ маршала Дюрока раздать раненымъ по два наполеондора и записать ихъ имена. Какъ ни была заслужена эта награда, но Наполеонъ и тутъ ошибался. Онъ все воображалъ себя въ Австріи, въ цивилизованной странѣ, гдѣ солдаты имѣли возможность что-нибудь достать за деньги и гдѣ люди были настолько честны, что не покусились бы обокрасть несчастныхъ раненыхъ. Въ этой же выжженной странѣ, что можно было достать? Скорѣе надо опасаться, что если впоследствии узнаютъ, что у солдатъ есть деньги, то солдаты могутъ заплатить за это и жизнью. Лучше было бы помочь имъ вещами въ натурѣ, особенно платьемъ.

Выступленіе изъ Смоленска состоится весьма скоро и большая часть арміи уже двинулась въ походъ. Передъ выходомъ отсюда, хочу передать тѣ свѣдѣнія объ этомъ городѣ, которыя я успѣлъ собрать относительно его исторіи.

Смоленскъ долгое время считался республикою, но въ 883 году онъ былъ покоренъ новгородцами. Съ начала царствованія Владиміра I, и не одинъ разъ, этотъ городъ былъ столицею удѣла многихъ князей Рюрикава дома и назывался княжествомъ; но въ смутное время, причиненное нашествіемъ монголовъ и паденіемъ великаго княжества Кіевскаго, литовцы завладѣли Смоленскомъ и удерживали его за собою до 1514 г. Потомъ долгое время русскіе и поляки оспаривали его другъ у друга. Наконецъ, Сигизмундъ I вошелъ въ Смоленскъ въ 1611 г. и велѣлъ побить тамъ до 200,000 русскихъ; но въ 1655 г. (царь) Алексѣй (Михайловичъ) Романовъ отнялъ Смоленскъ у поляковъ. До пожара городъ считалъ, какъ говорятъ, до 15,000 жителей. Для всего края это какъ бы священный городъ. Въ немъ считаются два архіепископства, двѣ соборныя церкви, одна греческая, другая католическая, духовная семинарія, гимназія и военное училище. Торговля производилась шелковыми и полотняными товарами, шляпочная, чулочная, мѣховая, строеваго и корабельнаго лѣса, и т. д. Торговля сношенія съ Ригю, Данцигомъ и Украиною были очень дѣятельныя. Самый край производитъ зерновой хлѣбъ, пеньку, ленъ; богатъ дикими пчелами и дичью.

III.

Выѣздъ изъ Смоленска 25-го августа.—Пнева-Слобода.—Дорогобужь.—Шалковъ.—Семлево.—Вязьма.—Теплюшка.—Бородино.—Прокламація Наполеона.—Сраженіе при Бородинѣ или Можайскѣ.—Страшныя раны; врачевная организація на полѣ сраженія.—Слава военнымъ врачамъ.—Перевозка раненыхъ въ Можайскъ, отсюда въ Москву.—Кубинское.—Троцкое.—Московскій пожаръ.—Описаніе состоянія города.—Приказъ Наполеона относительно перевозки раненыхъ.

Пнева-Слобода ¹⁾, 25-го августа.

Мы вышли изъ Смоленска, и я поспѣшилъ присоединиться къ своему полку, который я догналъ только въ Пневѣ, городишкѣ, объятomъ пламенемъ и котораго жители были выгнаны русскими. Опасно было проникать въ городъ, такъ какъ въ узкихъ улицахъ, мощеныхъ досками, огонь быстро сообщался. Поэтому расположились биваками на краю дороги, гдѣ солдаты соорудили будочки, а намъ довольно просторный сарай, благодаря близости лѣсного склада. Ужинъ былъ далеко не гастрономическій; за то къ десерту намъ дали кофе съ ромомъ, вѣроятно отысканномъ въ городѣ, такъ какъ отъ евреевъ нельзя было его достать; имъ воспрещенъ входъ въ Россію ²⁾). Когда мы устроились въ нашемъ

¹⁾ Географическія названія сохранены вездѣ, какъ ихъ пишетъ, по-своему, авторъ.

Р е д.

²⁾ Сказываютъ, будто императрица Екатерина II выразилась такъ: «Я низачто не допущу въ свое государство убійцъ моего Бога».

Де-ла-Флизь.

досчатомъ сарайчикѣ, пріѣхалъ къ намъ адъютантъ генераль Гувіонъ-Сень-Сира, приходившійся сродни нашему капитану. Онъ пріѣхалъ изъ Полоцка, откуда послалъ его императоръ. Онъ намъ сообщилъ, что 18-го августа русская армія подъ начальствомъ генерала Витгенштейна была разбита Гувіонъ-Сень-Сиромъ, Удино, Мэзономъ и Леграномъ; что они отняли двадцать пушекъ, что первый изъ нихъ опасно раненъ и что императоръ послалъ ему за эту побѣду маршальскій жезлъ. Я замѣтилъ, что вообще наши офицеры жалѣли, что армія не остановилась въ Смоленскѣ. Тутъ, по мнѣнію многихъ, слѣдовало закончить походъ. Адъютантъ генерала Гувіона-Сень-Сира рассказывалъ, что какъ этотъ генераль, такъ и Удино писали императору, что послѣ побѣды подъ Полоцкомъ не слѣдуетъ идти дальше; если въ итальянскомъ и австрійскомъ походахъ ему удалось стремительно нападать на самыя важныя позиціи, не поджидая ни своего продовольствія, ни обозовъ, даже оставляя въ сторонѣ крѣпости, то эта система непримѣнима въ Россіи.

Дорогобужъ, 26-го августа.

Выступили въ походъ, обходя горѣвшую еще Пневу, и послѣ нѣсколькихъ приваловъ увидали городъ Дорогобужъ, на Днѣпрѣ. И въ немъ дома горѣли въ разныхъ концахъ. Мы расположились въ полѣ, подлѣ небольшого лѣса, а солдатъ разослали въ городъ отыскивать припасы. Намъ принесли сахару, чаю и муки. Ночь провели подъ кое-какою защитою при заревѣ пожара. Становилось очевиднымъ, что по мѣрѣ того, что мы будемъ подвигаться, мы встрѣтимъ одни пылающіе города; русскіе придерживаются той системы, чтобы заставить насъ идти по пустынямъ, гдѣ намъ не найти ни жилья, ни пищи, ни даже воды, потому что жители засоряли колодцы нечистотами и падалью. Прежде нежели поджечь жилые дома, они жгли запасные магазины, гумна и стоги сѣна; словомъ, не жалѣли ничего. 26-го числа, рано утромъ, мы отправились въ путь; прошли черезъ выгорѣвшій Дорогобужъ, представляющій обычное зрѣлище груды пепла и развалинъ. Пройдя большой лѣсъ, гдѣ, какъ обыкновенно, артиллерія и обозы загораживали путь кавалеріи и пѣхотѣ, мы выбрались на открытое мѣсто, откуда снова завидѣли пламя. Горѣло мѣстечко Шалково. Мы его обошли и расположились около большой дороги. Только и можно было достать, что плохого мяса, да сквернаго ржаного хлѣба. Но укрыться могли достаточно, такъ какъ лѣсу было довольно.

Семлево, 28-го августа.

Отправились въ путь, освѣщаемые заревомъ пожара, которое мы приняли за восходъ солнца. Дорога была та же, что наканунѣ, а, приближаясь къ Семлеву, мы увидали и этотъ городокъ въ пламени. Несмотря на то, мы принужены были пройти черезъ него, такъ какъ въ обходъ нельзя было; какъ ни пробирались черезъ улицы, еще не тронутыя огнемъ, однако подвергались затрудненіямъ и опасности. Стояли на бивакахъ подлѣ ручья, гдѣ устроили себѣ будки изъ обломковъ избъ.

Вязьма, 29-го августа.

Выступили изъ Семлева, освѣщаемые заревомъ пожара, который ночью еще усилился. Вскорѣ увидали Вязьму, также объятую пламенемъ. Проѣхавъ мостомъ черезъ рѣчку Вязьму, притокъ Днѣпра, мы старались проѣхать улицами, которыя еще не горѣли. Жителей не было ни души, такъ что огонь безпрепятственно распространялся. Мы стали въ предмѣстьѣ, отдѣленномъ отъ города рѣкою, гдѣ вѣтеръ относилъ дымъ и пламя въ сторону отъ насъ. Мы съ товарищами помѣстились въ небольшомъ домѣ. Намъ приготовили супъ изъ картофеля, которымъ были засѣяны большія сосѣднія поля.

Исторія говоритъ, что въ 1617 году Владиславъ, сынъ Сигизмунда III, отнялъ Вязьму у русскихъ, которые, однако, взяли ее обратно въ 1633 г. Потомъ этотъ городъ сталъ удѣломъ Смоленскихъ князей, а въ 1634 г. тутъ подписанъ былъ мирный договоръ между Владиславомъ, королемъ польскимъ, и царемъ Романовымъ, который отказался отъ всякихъ правъ на Польшу, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію.

Теплюшка, 3-го сентября.

Прежде чѣмъ выступать, велѣно было приготовить обѣдъ, такъ какъ извѣстно стало, что на дорогѣ сожженъ былъ мостъ, который начали исправлять. А городъ все еще горѣлъ. Около полудня выступили въ походъ. Вышедши на большую дорогу, мы повстрѣчались съ большими колоннами конницы, кирасирами, гренадерами и конною артиллеріею. Мы стали, выжидая промежутка, въ который могли помѣститься. Дорога была хорошая; прошедши лѣсомъ, увидали городокъ Теплюшку въ огнѣ. Въ недалнемъ разстояніи оттуда остановились въ деревнѣ, которая не горѣла, потому что ранѣе насъ пришедшій полкъ успѣлъ по-

гасить пожаръ. Нашли кое-какую провизію, въ особенности много картофеля, выгодно замѣнявшаго для арміи хлѣбъ.

Бородино, 5-го—10-го сентября.

Прежде чѣмъ отправляться въ путь, приготоили обѣдъ. Вышедши на большую дорогу, мы очутились въ центрѣ цѣлой массы кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи, обозовъ. Стеченіе такого количества войска предвѣщало близость непріятеля, и надо было ожидать важнаго дѣла. Пройдя песчаную мѣстность и луга, мы стали на бивакахъ на большой равнинѣ, поблизости села Бородина. Лѣсу не было, изъ чего бы устроить себѣ будки, и за дровами для огня нужно было посылать очень далеко. Деревню нельзя было трогать, такъ какъ въ ней расположилась свита императора, и если и ломали избышки, то для разведенія костровъ противъ палатокъ императора и другихъ генераловъ. Императоръ проѣзжалъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ съ своимъ штабомъ мимо насъ, и осматривалъ позицію. Большой оврагъ отдѣлялъ насъ отъ непріятельской арміи. За неимѣніемъ дровъ, мы разводили огонь соломою; наконецъ, и ночь провели самую непріятную, такъ какъ воздухъ былъ очень свѣжій.

6-го числа встали недовольные и утомленные; осеннее солнце едва грѣло насъ. Раздавали водку только нѣкоторымъ корпусамъ, потому что вообще фургоны отстали и гдѣ-то затерялись между длинными обозами, слѣдовавшими за арміею. Весь день мы стояли на мѣстѣ; но различные корпуса производили маневры. Передъ нами, за глубокими оврагами, на большой полянѣ двигалась непріятельская армія, а конные ихъ часовые, стоявшіе на склонѣ холмовъ, такъ близко отъ насъ находились, что мы явственно ихъ отличали. Наполеонъ въ теченіе дня нѣсколько разъ подымался на возвышенія, слѣзалъ съ лошади и смотрѣлъ на непріятеля въ зрительную трубку.

Къ вечеру пробили сборъ и войску прочитано было слѣдующее воззваніе: «Солдаты, близко сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда отъ васъ зависитъ... Она дастъ вамъ полное довольство, хорошія зимнія квартиры, а потомъ вы возвратитесь на родину... Отличитесь и тутъ, какъ отличались подъ Аустерлицемъ, Фридландомъ и Смоленскомъ ¹⁾». Эта прокламація не

---

¹⁾ Я приведу здѣсь статью изъ франкфуртскаго журнала, попавшуюя мнѣ въ руки гораздо позже: «Московское сраженіе, или, какъ русскіе его называютъ, Бородинское. Это сраженіе происходило въ 100 верстахъ отъ Москвы, на берегу Калочи, притока рѣки Москвы, и въ четырехъ верстахъ

произвела обычнаго восторга; люди слишкомъ много выстрадали нравственно, начиная отъ Смоленска. Походъ, сопровождаемый нескончаемыми пожарами, производилъ тяжелое впечатлѣніе даже на бывалыхъ служахъ, потому что они еще не видывали со стороны непріятели такого образа веденія войны.

Наконецъ, улеглись спать. Но многимъ не спалось, какъ по причинѣ холодной ночи, такъ и отъ понятнаго и не чуждаго даже храбрѣйшимъ военнымъ людямъ печальнаго предчувствія той гибельной и мучительной смерти, которая ожидаетъ ихъ на другой день.

7-го числа встали рано, одѣлись въ полную форму и стали строиться въ колонны. Войско двинулось, и мы стали на плоскогорьѣ, лицомъ къ непріятельской арміи. Въ сборѣ были корпуса маршала Макдональда и Нея, принца Евгенія Богарне и князя Понятовскаго; подъ начальствомъ неаполитанскаго короля Мурата четыре большіе кавалерійскіе корпуса: Нансути, Монбрюна, Груши и Латуръ-Мобура, наконецъ, императорская гвардія. Въ шесть часовъ утра огнемъ французской батареи поданъ былъ сигналъ къ сраженію, и генераль Компанъ, изъ корпуса маршала Даву, началъ атаку. Такъ какъ непріятель давно уже приготовилъ батарейную линію, снабженную грозною артиллеріею ¹⁾, то

отъ города Можайска. Бѣдственное отступленіе арміи подъ начальствомъ Баркляя-де-Толли заставляло русскихъ желать рѣшительнаго сраженія съ непріателемъ. Кутузовъ, старый воинъ, побившій турокъ, повидимому, достойный главнокомандующій; онъ способенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ далъ торжественную клятву прикрыть Москву и уничтожить французскую армію, впрочемъ, начальникъ и этой арміи жаждетъ встрѣчи, которая обнаружитъ передъ Европой заслуги обѣихъ сторонъ. Русскіе защищены окопами, которые, согласно съ офиціальнымъ донесеніемъ Кутузова, будто бы непреступны; кромѣ того, духъ ихъ окрыляютъ предсказанія ихъ священниковъ и видъ чудотворной иконы Пресвятой Дѣвы, которую проносятъ по войскамъ. Кутузовъ пророчитъ побѣду... Богъ сразитъ врага мечемъ архистратига Михаила, и прежде нежели наступитъ новое утро, на поляхъ отечества кровью супостата и его легионовъ будутъ начертаны вѣра и вѣрность русскихъ воиновъ. Въ военныхъ лѣтописяхъ едва ли встрѣчается сраженіе, равное ему по упорству и кровопролитію. Полагаютъ, что было сдѣлано 120.000 выстрѣловъ; потери русскихъ доходили до 30,000 человекъ; французовъ вышло изъ строя 20,000, они же потеряли двухъ дивизионныхъ генераловъ и шесть бригадныхъ. Ранены болѣе или менѣе тяжело дивизионные генералы: Компанъ, Нансути, Груши, Латуръ - Мобуръ, Рапъ, Моранъ, Фрианъ - ла - Гуссэ. Непріятельская армія лишилась князя Багратіона и пятидесяти старшихъ офицеровъ, не говоря уже о сильно порѣдѣвшихъ рядахъ». Де - ла - Флизъ. (Позднѣйшее примѣчаніе автора).

¹⁾ Въ исторіи войны 1812 г. М. М. Богдановичъ приводитъ доказательство совершенно противнаго. Т. II, гл. 21. Прим. перев.

это значило, что на этомъ мѣстѣ надлежало быть сраженію, съ цѣлью прикрыть Москву. Но всѣ эти батареи были сбиты одна за другою. Самую грозную изъ нихъ взяли кирасиры. Эта отважная атака стоила жизни генералу Монбрюну, командовавшему дивизіею, потомъ замѣнившему его генералу Коленкуру и большому числу офицеровъ и солдатъ. Русскіе хотѣли отнять взятые редуты, но они оставили только груды тѣлъ, пораженныхъ нашею картечью. Во все время сраженія Наполеонъ не садился на лошадь. Онъ шелъ пѣшкомъ со свитою офицеровъ и не переставалъ слѣдить за движеніемъ на полѣ битвы, ходя взадъ и впередъ по одному направленію. Говорили, что онъ не садился на лошадь оттого, что былъ нездоровъ. Адъютанты безпрестанно получали отъ него приказанія и отъѣзжали прочь. Позади Наполеона стояла гвардія и нѣсколько резервныхъ корпусовъ. Мы были выстроены въ боевой порядокъ, оставаясь въ бездѣйствіи и выжидая приказаній. Полковья музыки разыгрывали военные марши, напоминавшіе побѣдныя поля первыхъ походовъ революціи: *Allons, enfants de la patrie*, когда дрались за свободу. Тутъ же эти звуки не одушевляли воиновъ, а нѣкоторые старшіе офицеры посмѣивались, сравнивая обѣ эпохи. Я отдалъ лошадь свою солдату и пошелъ впередъ, къ группѣ офицеровъ, стоявшихъ за спиною императора. Передъ нами разстилалось зрѣлище ужаснаго сраженія; но ничего не было видно за дымомъ изъ тысячи орудій, гремящихъ непрерывно. Въ воздухѣ подымались густыя облака одни за другими, вслѣдъ за молніями выстрѣловъ. По временамъ у русскихъ взлетали ракеты, должно быть сигналы, но значеніе ихъ было для меня непонятно. Бомбы и гранаты лопались въ воздухѣ, образуя бѣловатое облачко; нѣсколько пороховыхъ ящиковъ взлетѣли на воздухъ у непріятеля, такъ что земля дрогнула. Такого рода случаи гораздо рѣже встрѣчаются у насъ, нежели у русскихъ, потому что ящики у нихъ дурного устройства. Я нѣсколько придвинулся къ императору, который не переставалъ смотрѣть въ трубку на поле сраженія. Онъ одѣтъ былъ въ свою сѣрую шинель, и говорилъ мало. Случалось, что ядра подкатывали къ его ногамъ; онъ сторонился, такъ же какъ и мы, стоявшіе позади.

Протираясь ближе къ императору, съ намѣреніемъ слышать его приказанія и изъ перваго источника узнать, что рѣшено будетъ Провидѣніемъ на этомъ ужасномъ полѣ сраженія, я мимоходомъ замѣтилъ на краю рва артиллериста, испускавшаго отъ боли пронзительные крики. Подошедши къ нему, я увидаль, что черепъ у него былъ раздробленъ ядромъ, такъ что смерть была

неминуема. Я и отошелъ отъ него. Но ко мнѣ подошелъ баронъ Ларрей и спросилъ меня, зачѣмъ я ушелъ отъ раненаго, не подавъ ему помощи? Когда я сказалъ ему причину, онъ шепнулъ мнѣ, чтобы я немедленно перевязалъ раненаго. Солдаты принесли мнѣ все необходимое, и я всталъ на колѣни, приступая къ дѣлу; несчастный не переставалъ громко кричать. Окончивъ перевязку, я подошелъ къ барону Ларрею, который повторилъ мнѣ, что какъ бы ни была смертельна рана, а слѣдуетъ тотчасъ перевязать ее, и замѣтилъ мнѣ, что крики раненаго заставили императора дважды обернуться въ мою сторону, покуда я занимался раненымъ, и что вѣроятно онъ не остался бы доволенъ, если-бъ меня тутъ не было.

Изъ всей императорской гвардіи, одной только артиллеріи Наполеонъ приказалъ принять участіе въ сраженіи. Онъ оставался все на томъ же мѣстѣ, внимательно слѣдя сквозь трубку за ходомъ сраженія, особенно же наблюдая за гвардейскою артиллеріею. Вдругъ онъ поворачивается, зоветъ барона Ларрея и говоритъ ему: «Баронъ, гвардейской артиллеріи плохо приходится. Батареи разставлены впереди этихъ деревьевъ, что направо. Прикажете же, не мѣшая, перевести туда гвардейскій лазаретъ». Баронъ тотчасъ же поскакалъ, и я за нимъ, чтобы предупредить военныхъ врачей. Фургоны были наготовѣ, и всѣ, собравшись, послѣдовали за своимъ начальникомъ. Мы пришли на указанное императоромъ мѣсто; это была березовая рощица, впереди которой устроены были гвардейскія батареи. На этомъ мѣстѣ валялось много раненыхъ, но ихъ было еще болѣе въ рядахъ сражающихся, которыхъ особыя походные носильщики должны были выносить вонъ, такъ какъ Наполеонъ запретилъ солдатамъ выходить изъ рядовъ. Носильщикамъ приказано было устроить носилки ¹⁾. Каждые два человѣка развязали другъ у друга ремень, об-

---

1) Въ сраженіяхъ крайне важно распорядиться такъ, чтобы тяжело раненые могли быть немедленно удалены съ поля сраженія въ болѣе безопасное мѣсто, гдѣ бы имъ можно было подать помощь. Главное затрудненіе заключается въ способѣ переноски, о чемъ, впрочемъ, не заботились ни въ какихъ войнахъ. Раненыхъ сами товарищи ихъ тащили, какъ умѣли, то на ружьяхъ, то на плащахъ, то на доскѣ, на чемъ попало. Не всегда есть время, ни возможность устроить порядочныя носилки, хотя бы изъ древесныхъ сучьевъ. Къ тому же, вынося раненыхъ, солдаты удаляются отъ своего поста, и въ большомъ числѣ, особенно, если раненый—офицеръ. Подъ этимъ предлогомъ, трусливые стараются избѣгать картечнаго огня и ядеръ. Такъ, въ Ваграмскомъ сраженіи ряды совсѣмъ порѣдѣли, потому что каждаго раненаго офицера шестнадцать человѣкъ солдатъ вызывались

мотанный на ранцѣ; развинтили желѣзко пики, потомъ продѣли дровки въ ременные петли, привязали къ нимъ свои холстинные пояса, и такимъ образомъ въ минуту готовы были до сорока носилокъ. Затѣмъ носильщики направились, съ ружьемъ на перевязи, къ полю сраженія. Между тѣмъ на мѣстѣ образовали нѣчто въ родѣ длинныхъ палатокъ изъ засмоленной парусины, прикрѣпленной къ деревьямъ; на землю постлали нарваннаго въ полѣ жнива съ колосьями. Подлѣ этой палатки устроили другую, поменьше, поставивъ въ нее столъ для совершенія надъ раненымъ операций. Вскорѣ носильщики пришли, неся съ собою раненыхъ ядрами артиллеристовъ. Начали операции надъ наиболѣе тяжело ранеными. Вскорѣ наступила ночь, слишкомъ ранняя для насъ, побѣдителей, и слишкомъ поздняя для русскихъ. Подъ покровомъ этой ночи они отступили къ Москвѣ; наша армія ихъ не преслѣдовала.

Бывало, въ прежнихъ войнахъ, какъ скоро наступала ночь, раненымъ нечего было ждать помощи ранѣ утра, если только они переживали это время; не то было въ ночь послѣ сраженія подъ Можайскомъ. Въ маленькой палаткѣ, кругомъ стола, вкопаны были въ землю четыре металлическіе подсвѣчника, съ вставленными въ нихъ толстыми свѣчами, на подобіе церковныхъ. Яркій свѣтъ этихъ свѣчей позволялъ производить самыя мелочныя опе-

---

вынести съ поля сраженія, а потомъ и не возвращались къ своимъ. Въ настоящемъ же сраженіи при Можайскѣ, раненыхъ уже не сражающіеся солдаты уносили прочь, а назначенные для того люди. Трудно себѣ представить, каковы должны быть страданія раненаго, у котораго или ляшка, или нога, или обѣ ноги оторваны, когда его поднимаютъ съ земли и кладутъ на скрещенныя ружья или на доски, и т. п. Малѣйшій толчекъ долженъ жестоко отзываться во всемъ организмѣ несчастнаго. Какъ часто я бывалъ свидѣтелемъ этого ужаснаго эрѣвша; какъ часто, отъ такого рода переноски, увѣчья и раны дѣлались смертельными! Всѣ эти неудобства устранены введеніемъ походныхъ носильщиковъ. Эти люди вооружены пикою, и на перевязи ихъ отпечатаны слова: помощь воинамъ. Посредствомъ этихъ пикъ, перевязи да холстиннаго пояса, два человѣка какъ разъ устраивали носилки, а вооруженные штуцеромъ, висѣвшимъ на ремнѣ черезъ плечо, они могли и защищать раненыхъ въ случаѣ нападенія. Для перевозки раненыхъ на дальнее разстояніе, въ гвардіи были заведены лазаретные фургоны въ два окна и на рессорахъ, везомые парю лошадей, съ кучеромъ верхомъ на одной изъ нихъ. Эти фургоны отпирались сзади; изъ фургона выдвигали кожаный матрацъ на колесцахъ и клали на землю. Потомъ легонько, не подымая раненыхъ, тащили по двое на матрацъ, который втаскивали въ карету съ другого конца. Эти фургоны, изобрѣтенія барона Ларрея, назначались для перевозки офицеровъ и солдатъ, вынесшихъ трудныя операции. Онъ же организовалъ походныхъ носильщиковъ.

Де-ла-Флизъ.

раціи. Работали всю ночь и всѣ раненые до одинаго были перевязаны, дѣло небывалое ни въ какихъ сраженіяхъ и относившееся къ чести барона Ларрея ¹⁾. Какъ скоро операція была кончена, раненаго относили въ большую лазаретную палатку и тотчасъ раздавали бульонъ и вино. Закололи быковъ и лазаретные повара занялись стряпнею. Впрочемъ, только раненые изъ гвардіи пользовались хорошею пищею, армія же терпѣла недостатокъ и голодь. Ночь была трудная, тѣмъ болѣе, что безпокоилъ холодный дождь, и войско, за неимѣніемъ лѣса, оставалось безъ защиты на открытомъ воздухѣ.

8-го числа встали утомленные отъ безпокойной ночи. Поработавъ полъ ночи около раненыхъ, мы легли спать передъ разсвѣтомъ.

Никто такъ коротко не знакомъ съ немощью человѣческою, какъ врачъ. Въ то время, когда другіе торжествуютъ побѣду хвалебными молебнами, увеселеніями, иллюминаціями и фейерверками, полковой лекаръ не отходитъ отъ торжествъ этой побѣды, оглушаемый криками и стопами раненыхъ, которые не прекращаются ни днемъ, ни ночью. Сколько разъ среди этой жалобной обстановки думалось мнѣ, какъ безумны люди въ этомъ стараніи не только истреблять другъ друга, но еще увеличивать и безъ того неизбѣжные недуги свои! Въ этотъ день ужасной памяти какихъ ни дѣлали мы жестокихъ операцій! Представить себѣ нельзя, что ощущаетъ раненый, когда операторъ вынужденъ объявить ему, что смерть его неминуема или что необходимо отнять у него одинъ или два члена. Онъ долженъ покориться своей участи и приготовиться къ жестокимъ страданіямъ. Невозможно передать того рева, того скрежета зубами, который исторгаетъ у раненыхъ боль отъ разбитія членовъ ядромъ, тѣхъ болѣзненныхъ криковъ, когда операторъ прорѣзываетъ покровы члена, разсѣкаетъ мускулы его, разрубаетъ нервы, пилитъ кости насквозь, обрѣзаетъ артеріи, кровью которыхъ забрызганъ самъ врачъ. Можно сказать, что мы буквально утопали въ крови, хотя мы не были виновниками ея пролитія, а, напротивъ, старались ее унять. Точно также трудно описать тѣ ужасныя раны, кото-

---

¹⁾ Наполеонъ сумѣлъ оцѣнить заслуги барона Ларрея, старавшагося объ облегченія тяжелыхъ послѣдствій побѣды, и любилъ его. Онъ завѣщаль Ларрею 100,000 франковъ, упомянувъ о немъ, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ. Въ Парижѣ ему воздвигли бронзовую статую, изображающую его съ завѣщаніемъ, написаннымъ императоромъ на островѣ Св. Елены, которое баронъ Ларрей прижимаетъ къ сердцу. (Позднѣйшее примѣчаніе).

рия наносятъ ядра, картечь, осколки гранатъ и бомбы. Я упомяну о нѣсколькихъ, которыя наиболѣе меня поразили. Одному артиллеристу ядромъ снесло три четверти лица; остался одинъ только глазъ, но онъ сохранилъ сознание и объяснялся знаками. Видь его былъ ужасенъ. Другому артиллеристу снесло обѣ лѣшки и одну руку, а другую разбило у плеча; онъ могъ говорить и просилъ у меня водки; я далъ ему выпить, послѣ чего онъ умеръ. Одинъ офицеръ, раненый въ обѣ ноги, далъ отнять одну, но на ампутацію другой не рѣшался. Когда я сталъ умолять его согласиться, онъ хотѣлъ выдернуть у меня саблю и заколоться. Но я не допустилъ его до этого, и только послѣ долгихъ убѣжденій онъ согласился на отнятіе и другой ноги. Молодой артиллерійскій унтеръ-офицеръ, стоявшій на часахъ подлѣ орудій, держалъ руки на сѣдлѣ, какъ внезапно ядромъ снесло ихъ обѣ. Онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, и призывалъ имя матери. Одному артиллеристу, носившему орденъ почетнаго легіона, я отнялъ разбитую руку. Онъ выдержалъ операцію съ большимъ мужествомъ. Какъ скоро она кончилась, онъ сталъ просить меня отдать ему отнятую руку, что я и сдѣлалъ. Взявъ ее здоровою рукою, онъ поднялъ ее и съ восторгомъ закричалъ: «Да здравствуетъ императоръ Наполеонъ!»

До сихъ поръ я говорилъ о людяхъ, но не могу умолчать и о товарищахъ нашихъ въ бѣдствіяхъ и славѣ, о тѣхъ невинныхъ животныхъ, которыя помогаютъ намъ въ нашихъ трудахъ и раздѣляютъ съ нами опасности. Наши бѣдныя лошади тоже во множествѣ и страшно были ранены. Иныя, пораженныя на смерть, валялись на мѣстѣ, испуская такіе болѣзненные крики, какихъ я еще не слыхивалъ у лошадей. Другія тащились на трехъ ногахъ, волоча четвертую подстрѣленную, едва державшуюся на клочкѣ мяса. Я видѣлъ лошадь съ застрявшимъ ядромъ въ животѣ. У другой морда насквозь была пробита ядромъ, она шла, испуская страшный ревъ. Эти несчастныя жертвы людскаго варварства, въ большомъ числѣ, подходили къ нашему походному лазарету, точно просили помочь имъ; но такъ какъ онѣ, подходя близко, топтали ногами нашихъ раненыхъ, лежавшихъ на землѣ, то мы вынуждены были застрѣлить многихъ лошадей, по крайней мѣрѣ, и ихъ страданія этимъ кончались.

Во весь день мы ухаживали за ранеными, въ числѣ ихъ были и русскіе. Ни мы ихъ, ни они насъ не понимали; поняли мы только, когда они цѣловали намъ руки, чѣмъ они благодарили насъ за попеченіе. Трудъ нашъ былъ очень тяжелъ. Мы почти весь день

простояли на колѣняхъ въ грязи, перевязывая распростертыхъ на землѣ раненыхъ.

9-го сентября я нѣсколько отдохнулъ, хотя ночью нѣсколько разъ навѣщалъ раненыхъ. Армія еще оставалась на бивакахъ на полѣ сраженія, но авангардъ двинулся на Можайскъ. Весь день мы не покидали лазарета; раненыхъ было 200 человекъ; изъ нихъ 75 гвардейскихъ артиллеристовъ и 15 офицеровъ.

10-го числа время было ясное; армія выступила въ походъ, и изъ нашей березовой рощи видно было, какъ потянулись по большой дорогѣ безчисленныя колонны. Баронъ Ларрей, посѣтивъ нашъ госпиталь, объявилъ намъ, что на другой день раненые будутъ перевезены въ Можайскъ, и велѣлъ приготовиться.

Можайскъ.

11-го числа подѣхали фургоны и рессорныя кареты, въ которые и уложили раненыхъ, хотя все это происходило очень медленно. Наконецъ, запрягли лошадей и мы поплелись по большой дорогѣ. Черезъ часъ мы пріѣхали въ Можайскъ.

Намъ указали для устройства лазарета большую каменную церковь; сюда навезли нѣсколько возовъ соломы, которую разостлали подъ ранеными. Перенести ихъ въ лазаретъ стоило такого же труда, какого стоило сажать ихъ въ фургоны. Раненые, не принадлежавшіе къ гвардіи, были развезены по другимъ лазаретамъ. Только что мы покончили съ нашими ранеными, какъ мнѣ подали записку отъ барона Ларрея, съ приказаніемъ принять двухъ раненыхъ польскихъ офицеровъ и позаботиться о нихъ. Помню, что одного изъ нихъ звали Бѣдлоскій. Я тотчасъ же уложилъ ихъ поблизости истопленной печки. Раздали хлѣба, мяса и стали готовить супъ. Устроивъ должный порядокъ въ лазаретѣ, мы могли подумать и о себѣ. Шестеро изъ насъ докторовъ заняли небольшой домъ подлѣ церкви. Столъ нашъ былъ лазаретный. 12-го числа, весь день черезъ городъ проходили армейскіе корпуса; это продолжалось и въ слѣдующіе дни. Въ Можайскѣ не было пожаровъ, должно быть, русскіе не успѣли поджечь городъ. За то въ немъ не было ни души, и всѣ дома, вообще, найдены нами въ цѣлости со всѣмъ, что въ нихъ находилось. Городъ этотъ въ старину былъ укрѣпленъ; улицы въ немъ прямыя и широкія, но немощеныя, какъ во всѣхъ пройденныхъ нами городахъ. Дома деревянные, за исключеніемъ одной церкви, гдѣ помѣщался нашъ лазаретъ, и казеннаго зданія, вѣроятно, судебной палаты, которую наши обратили въ госпиталь, выбросивъ за окно всѣ бу-

маги. Исторія говоритъ, что Можайскъ входилъ въ составъ Черниговскаго княжества, потомъ Смоленскаго, а въ 1341 г. присоединенъ къ Московскому великому княжеству; поляки неоднократно осаждали городъ.

Всѣ раненые, сколько ихъ ни было, перевезены въ Можайскъ, гдѣ ими были переполнены дома и церкви, обращенные въ лазареты. Первая перевязка, сдѣланная на важныхъ операціяхъ, была снята и раны оказались въ удовлетворительномъ состояніи. Между этими ранеными былъ канониръ, у котораго отняли ляшку въ мѣстѣ сочлененія; слѣдовательно, у него отнята была четвертая часть всего тѣла, и тѣмъ не менѣе онъ поправлялся.

Мы находились въ Можайскѣ уже пять дней, денно и ношно занятые своею службою, какъ дошла до насъ вѣсть, что 14-го сентября Наполеонъ вошелъ въ Москву и что эта столица горитъ. Мы этому не удивились, зная по опыту, что такова система русскихъ, но огорчились этимъ, какъ дурнымъ предвѣстникомъ, противорѣчащимъ обѣщанію Наполеона доставить намъ удобныя зимнія квартиры.

Одинъ изъ польскихъ офицеровъ, о которыхъ я упомянулъ выше, Бѣдлоскій, раненый въ пятку, но вылеченный мною безъ ампутаціи ноги, послалъ въ Москву своего крѣпостного чело-вѣка за разною провизією. Привезши ее дня четыре спустя, онъ рассказалъ намъ, что девять десятыхъ города горѣла. Но, несмотря на то, что русскіе сожгли много запасовъ, армія отыскала еще много нетронутыхъ и продовольствовала себя ими въ избыткѣ.

Наступило 25-е число, когда полученъ былъ приказъ отправить раненыхъ въ Москву. Раненые офицеры нетерпѣливо ждали прибытія своего туда. Мы выѣхали 27-го числа, размѣстивъ раненыхъ по фургонамъ и каретамъ. Насъ конвоировали три баталіона солдатъ, собранныхъ изъ разныхъ полковъ и всякаго оружія. Погода была прекрасная, солнце свѣтило такъ ярко, какъ бы весной. На пути мы объѣзжали только отсталыхъ людей и фургоны, которыхъ не въ силахъ были тащить измученныя лошади. Мѣстами, направо и налѣво, виднѣлись груды пепла, бывшія жилища, а въ пеплѣ я замѣтилъ обугленные кости человѣческія. Не живо ли сгорѣли тутъ люди?—подумалъ я. И кто они были,—русскіе или французы? Можетъ быть, тутъ погибли раненые, не въ силахъ бѣжать? Эти предположенія наводили на грустныя мысли, такъ какъ изъ всѣхъ мученій сгорѣть—самое ужасное. Ночь мы простояли въ мѣстечкѣ Кубинскомъ, выгорѣвшемъ

до тла. Раненыхъ перевязали и накормили. Всю ночь поддерживали огонь въ кострахъ, такъ какъ было довольно свѣжо.

28-го сентября встали очень рано; погода была хорошая. Послѣ обычнаго завтрака и перевязки отправились въ путь. На дорогѣ встрѣчались съ группами солдатъ, догонявшими свои полки; они пошли съ нами. Встрѣчались пустыя, брошенные на дорогѣ телѣги. Проходя лѣсами, по песчаной и неудобной почвѣ, услышали ружейные выстрѣлы. Тотчасъ дано было конвою приказаніе готовиться къ отраженію непріятеля, но по мѣрѣ того, что мы подвигались, выстрѣлы стали рѣже и наступила тишина. Вышедъ изъ лѣсу, очутились въ выжженномъ до тла мѣстечкѣ Триоцкомъ, гдѣ и остановились провести ночь. Кромѣ насъ, тутъ стояли на бивакахъ солдаты, конвоировавшіе полковые фургоны.

29-го числа продолжали путь, солнце свѣтило ярко и тепло, какъ въ лѣтній день. Мы встрѣтили нѣсколькихъ офицеровъ, сопровождаемыхъ уланами; то были парламентары, посланные къ русскимъ генераламъ. Путь нашъ шель мимо богатыхъ дачъ, окруженныхъ тѣнистыми садами. Наконецъ, вдали Москва; подойдя ближе, увидали надъ нею мѣстами столбы дыма. Тысячи куполовъ и колоколенъ отражали лучи ярко блиставшаго солнца. Зрѣлище это было такъ ново, что можно было вообразить себя въ Азіи. Какъ ни радовала насъ мысль, что, наконецъ-то, прекратятся наши бѣдствія вступленіемъ въ Москву, а какое-то тревожное чувство отравляло эту радость. Едва прошли мы городскія ворота, какъ навстрѣчу намъ на дрожкахъ подкатилъ лазаретный чиновникъ, который имѣлъ порученіе вести насъ въ шереметевскій госпиталь, назначенный для императорской гвардіи. Мы послѣдовали за этимъ офицеромъ по длиннымъ улицамъ, обстроеннымъ красивыми домами, но все это выгорѣло, представляя однѣ стѣны, съ выбитыми окнами. Наконецъ, вышли на большую площадь, гдѣ находится шереметевская больница: прекрасное строеніе съ колоннами, скорѣе похожее на дворецъ. Военные врачи госпиталя тотчасъ же вышли принять насъ. Мы передали имъ нашихъ раненыхъ, которыхъ они и размѣстили по палатамъ, такъ хорошо расположеннымъ, какъ нельзя ожидать лучше въ первыхъ европейскихъ столицахъ. На ту пору баронъ Ларрей прислалъ за мною офицера, который и повелъ меня къ нему въ Кремль. На внутренней площади этой крѣпости, передъ арсеналомъ, императоръ только что кончилъ смотръ войскамъ. Войска уже прошли, но Наполеонъ еще оставался на мѣстѣ, окруженный генералами и штабомъ. Замѣтивъ въ группѣ офицеровъ ба-

рона Ларей, я слѣзъ съ лошади и подошелъ къ нему. Выслушавъ мой рапортъ о состояніи раненыхъ, онъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе и тотчасъ же пошелъ доложить императору, опасавшемуся за раненыхъ, что они благополучно привезены. Я видѣлъ, какъ баронъ вступилъ въ кругъ офицеровъ, стоявшихъ въ виду императора; какъ послѣдній казался доволенъ докладомъ, даже взглянулъ въ мою сторону, когда баронъ указалъ на меня; но я не могъ слышать, что они говорили. Все же я долженъ признаться, что, хотя Наполеонъ нерѣдко обращался съ вопросами къ простымъ солдатамъ и велъ съ ними разговоръ, однако, что до меня касается, никогда мнѣ не случилось сказать хотя единое слово лично великому человѣку. Баронъ Ларрей передалъ мнѣ одобрительныя слова императора, опасавшагося было для раненыхъ встрѣчи съ казаками, и затѣмъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

Баронъ помѣщался въ прекрасномъ домѣ, очевидно знатнаго человѣка, въ богато меблированныхъ покояхъ. Кромѣ меня, приглашены были еще два линейные полковника и комендантъ гвардейской артиллеріи. Столъ былъ уже накрытъ, когда баронъ, извиняясь передъ гостями, увелъ меня съ собою въ кабинетъ. Тутъ онъ мнѣ объявилъ, что, по его представленію, четыре мои товарища и я пожалованы орденомъ почетнаго легіона; но какъ мнѣ еще не скоро придется получить знаки ордена, а между тѣмъ, я уже имѣю право носить ихъ, то онъ дастъ мнѣ покуда кончикъ ленты орденской. И съ тѣмъ вмѣстѣ самъ привязалъ ее къ петлицѣ моего мундира. Я не могъ приискать выраженій для моей благодарности. Баронъ представилъ меня потомъ своимъ гостямъ, какъ новаго кавалера ордена. Обѣдъ, которымъ угостилъ насъ баронъ, былъ отличный, далеко не бивачный. Я не понималъ, откуда достали столько разной провизіи. Винъ было много, и между ними и шампанское. Давно я не обѣдалъ такъ вкусно. Къ ночи я воротился въ шереметевскій госпиталь, гдѣ мнѣ отвели великолѣпную квартиру. Товарищи мои тоже были отлично помѣщены.

На другое утро, 30-го сентября, когда я, проснувшись, увидѣлъ себя на богатомъ диванѣ, въ свѣтлой комнатѣ съ большими окнами и картинами на стѣнахъ, я не вѣрилъ что нахожусь въ Москвѣ, что, сѣвъ на лошадь въ Парижѣ, я проѣхалъ на ней около 3,000 верстъ, и слѣзъ съ нея уже въ столицѣ Россіи, въ этомъ священномъ городѣ Русской имперіи. Этой части города, гдѣ мы теперь квартировали, пожаръ не коснулся. Послѣ зрѣлища жалкихъ городовъ, обстроенныхъ деревянными домами и съ не-

Галантность казака.

Съ современной карикатуры.

Казацкая услуга.

Съ современной карикатуры.

мошеними улицами, въ грязи которыхъ вязли ноги, пріятенъ былъ видъ красивыхъ домовъ, дворцовъ, церквей, площадей и чистыхъ вымощенныхъ улицъ. Когда я прошелся по улицамъ Москвы, я нашель, что она не походить ни на одинъ изъ европейскихкихъ городовъ. Архитектура зданій представляла смѣсь всевозможныхъ стилей: татарскаго, китайскаго, индійскаго, византійскаго, греческаго, итальянскаго, готическаго. Улицы широкія, прямыя, чистыя, хорошо вымощенныя. Въ центрѣ города было много садовъ. Во многихъ домахъ окна были изъ цѣльнаго стекла. Безчисленное множество церквей представляли изъ себя группы колоколенъ, башенъ, башенокъ, куполовъ самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ и самыхъ разнообразныхъ формъ, красиво рисовавшихся на горизонтѣ. Подлѣ богатыхъ домовъ вельможъ странно было видѣть деревянныя невзрачныя домишки, жилища ихъ крѣпостныхъ слугъ. Такого рода контрастъ не встрѣтишь въ другихъ европейскихкихъ городахъ. Кремль отстаивали отъ огня нѣсколько гвардейскихихъ батальоновъ. Наполеонъ велѣлъ снять большой крестъ съ колокольни Ивана Великаго, намѣреваясь поставить его на куполь дома инвалидовъ въ Парижѣ¹⁾. Воспитательный домъ, основанный Екатериной II въ 1763 г., тоже остался цѣль. Наполеонъ приказалъ охранять его стражею, и поручилъ барону Ларею наблюдать за заведеніемъ. Многія больницы тоже были спасены отъ пожара усиліями французовъ. Но московскій университетъ, основанный въ 1755 г. императрицею Елисаветою, сгорѣлъ съ содержавшимися въ немъ библіотекою, физическимъ кабинетомъ и анатомическимъ музеемъ. Въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, можно было вообразить себя въ Помпѣи и Геркуланумѣ. Цѣлыя улицы, по обѣ стороны, представляли развалины выгорѣвшихъ домовъ, въ которыхъ укрывались несчастные, воротившіеся въ городъ и не нашедшіе своихъ домовъ. Приладивъ кое-какъ къ стѣнѣ навѣсъ изъ досокъ, эти люди со всею семьею скучивались около разведеннаго огня, на которомъ варили отысканную въ погребахъ пищу. Богатый, изобиловавшій всякимъ добромъ, городъ въ короткое время сдѣлался пребываніемъ тысячи бѣдствій. Магазины, содержавшіе въ себѣ всѣ богатства Европы и Азіи, обратились въ груды пепла. Купцы, еще наканунѣ богачи, впали въ ужасную нищету. Жены и дѣти ихъ, замѣнивъ дорогое платье рубищемъ, плакали на своемъ пепели-

¹⁾ Этотъ крестъ былъ обратно взятъ русскими во время нашего отступленія. Де-ла-Флизь. (Позднѣйшее примѣчаніе).

щѣ. Говорятъ, когда жителей изгоняли изъ города, то дѣти за-
прягали себя въ кресла, въ которыя сѣли ихъ старики-дѣды,
и вывозили ихъ вонъ. За недостаткомъ лошадей, разобранныхъ
въ этомъ громадномъ бѣгствѣ, больныхъ, параличныхъ тащили на
доскахъ. Беременные женщины разрѣшались на улицахъ и по-
гибали вмѣстѣ съ новорожденными. А если правда, что подо-
жжены были и больницы, наполненныя больными, то можете себѣ
представить ужасы, которые затѣмъ послѣдовали. Жители Мос-
квы не были подготовлены къ бѣгству; ихъ торжественно увѣ-
ряли, что французская армія разбита при Бородинѣ; въ церквахъ
служили молебны по случаю этого пораженія; народъ увѣряли,
что генераль Кутузовъ, награжденный за побѣду чиномъ фельд-
маршала, спасъ Москву, согласно данному имъ обѣщанію, и все
на этомъ успокоилось. Только 14-го сентября, когда русскія зна-
мена стали покидать городъ и на горизонтѣ показались француз-
скіе орлы, тогда только народъ догадался, что его обманывали.
Тутъ, застигнутый врасплохъ, всякъ бѣжалъ искать убѣжища въ
лѣсахъ. Съ тѣхъ поръ, что люди себя помнятъ, еще не случа-
лось, чтобы населеніе, изъ 500,000 жителей, цѣликомъ бѣжало
изъ своей столицы, на подобіе стада барановъ, преслѣдуемыхъ
хищными звѣрями. Всѣ до одинаго, отъ старика до младенца
должны были бѣжать, какъ были, на чемъ попало, не запасшись
ничѣмъ. За то тысячи этихъ несчастныхъ на вѣки простились съ
родною кровлею. Понятно, къ какимъ несчастнымъ эпизодамъ по-
вело это намѣренное умолчаніе Кутузовымъ отступленія русскихъ
послѣ бородинскаго сраженія. Подробности московскаго пожара
многими были описаны. Поэтому извѣстно распоряженіе москов-
скаго губернатора графа Ростопчина. Велѣвъ отобрать изъ
всѣхъ частей города пожарныя трубы и огнегасительные инстру-
менты, графъ заказалъ зажигательные снаряды, которые выдѣ-
лывались въ его домѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и выда-
вались за адскую машину, которою намѣревались будто взорвать
на воздухъ французскую армію. Извѣстно также, что графъ ве-
лѣлъ раздать эти ракеты выпущеннымъ изъ тюремъ преступни-
камъ. Наконецъ, по вступленіи французовъ въ Москву, какъ скоро
наступила ночь, городъ былъ подожженъ одновременно въ нѣ-
сколькихъ мѣстахъ. Двадцать два поджигателя были пойманы на
дѣлѣ; ихъ судили военнымъ судомъ, по кодексу Наполеона, и въ
двадцать четыре часа разстрѣляли. Судебное надъ ними произ-
водство было напечатано на русскомъ и французскомъ языкахъ,
и прибито на всѣхъ московскихъ улицахъ. Я не былъ свидѣте-

лемъ всѣхъ этихъ злополучныхъ происшествій; поэтому не могу ничего прибавить отъ себя къ тому, что слышалъ въ Москвѣ. Но едва ли Россія разореніемъ своей столицы выкупила себѣ другія выгоды.

Прогуливаясь по Москвѣ, я встрѣтилъ родственника моего, старшаго врача 45-го линейнаго полка. Онъ квартировалъ въ окрестностяхъ города, за нѣсколько верстъ, и просилъ меня навѣстить его. Онъ жилъ съ полковникомъ своимъ на прекрасной дачѣ, окруженной садомъ и оранжереею. Полковникъ угостилъ общество офицеровъ отличнымъ обѣдомъ, винъ было множество. Но удивили меня поданные ананасы, найденные въ хозяйской оранжерей. Въ первый разъ отвѣдалъ я этого плода, обыкновеннаго въ Россіи, рѣдкаго во Франціи и неизвѣстнаго въ Италіи. Мы были такъ веселы въ этомъ обществѣ, какъ будто находились въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, о будущемъ не помышляли. Возвращаясь домой довольно поздно въ темную ночь, я едва не заблудился въ выгорѣвшихъ пустынныхъ улицахъ и порядочно утомилъ лошадь, прежде нежели добрался до дому.

Баронъ Ларрей, издавъ еще въ Парижѣ двѣ части медицинскаго труда, подъ заглавіемъ «Походная хирургія», продолжалъ собирать матеріалы для слѣдующихъ томовъ. Съ этою цѣлью онъ поручилъ мнѣ составлять замѣтки, по части дѣлаемыхъ въ походѣ операций, и для того освободилъ меня отъ дежурства, перечисливъ въ мой полкъ.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля, когда огонь и сюда проникъ, и помѣстился въ загородномъ дворцѣ, но каждый день пріѣзжалъ въ городъ къ смотру войскъ. Запасные магазины снабжались со всѣхъ сторонъ всякимъ продовольствіемъ. Собрано было и сложено въ погреба большое количество картофеля. Словомъ, мы вели гарнизонную жизнь, ходили даже слухи, что мы проведемъ въ Москвѣ зиму.

Императоръ приказалъ устроить театральныя представленія, съ помощью оставшейся въ городѣ французской труппы. Каждый день къ стѣнамъ домовъ прибывались новыя афиши, на манеръ парижскихъ. Но видъ ихъ, среди развалинъ и бѣдствій цѣлаго народа, возбуждалъ очень невеселыя чувства, и я не рѣшился ходить въ театр.

Получены были нами и письма изъ Парижа, — письма, отправленные съ мѣста за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Говорили, что Наполеонъ отправилъ изъ Москвы генерала Лористона къ императору Александру, въ качествѣ парламен-

тера. Онъ воображалъ, что восторжествуетъ въ этой столицѣ и вынудить миръ, какъ было при занятіи Вѣны и Берлина. Однако, время уходило; Александръ не давалъ положительнаго отвѣта, а Наполеонъ оставался въ напрасномъ ожиданіи.

Я передамъ здѣсь то, что рассказываетъ исторія о Москвѣ, въ доказательство, какъ дорогà эта столица русскому народу. Было время, когда она испытывала несчастія, подобныя настоящимъ.

Москва считается у русскихъ священнымъ городомъ. Относительно торговли, она есть складочное мѣсто между западомъ и востокомъ. До Юрія Долгорукаго, основавшаго городъ въ 1147 г., Москва была ничтожною деревнею. Съ паденіемъ Кіева въ 1233 г., одновременно съ вторженіемъ монголовъ и занятіемъ золотою ордою всей южной части Россіи, Москва возвысилась, а съ нею и московскіе князья, начиная съ Ярослава II. Съ 1300 года Москва становится столицею русскихъ царей. Она испытала нѣсколько осадъ: отъ Ольгерда въ 1339 по 1370 годъ, отъ Тохтамыша въ 1382 г., отъ Седигея въ 1408 г., отъ Димитрія Шемяки въ 1605 г., отъ поляковъ при Сигизмундѣ III въ 1611 г. Въ 1688 г. заключенъ такъ называемый московскій миръ между Россіей и Польшею, которымъ Собѣскій сдѣлалъ большія уступки Россіи, взамѣнъ ея защиты Польши противъ татаръ и турокъ.

Понемногу народъ возвращался въ Москву; открылся рынокъ, на которомъ производился торгъ между солдатами и чернью. Тутъ продавались и покупались вещи, награбленныя изъ брошенныхъ или выгорѣвшихъ домовъ. Такимъ грабежомъ многіе изъ чернаго народа нажились, благодаря отсутствію полиціи. Мнѣ случилось видѣть большіе погреба, полные крупной мѣдной монеты, состоящей изъ пятаковъ, равнымъ нашимъ четыремъ су. Чеканъ этой монеты былъ такъ аляповатъ, что я счелъ ее за негодную, которую бросили тутъ за недостаткомъ средствъ къ перевозкѣ. Никто изъ нашихъ не подумалъ воспользоваться ею; но русскіе крестьяне вывозили ее вонъ возами, что продолжалось безостановочно нѣсколько дней и никто не помѣшалъ ихъ работѣ.

О Наполеонѣ говорили, что онъ очень занятъ, что онъ постоянно работаетъ. Но дѣло въ томъ, какъ стало извѣстно, что цѣль его была издать какъ можно болѣе декретовъ изъ столицы Русской имперіи въ доказательство французамъ, что онъ и на дальнемъ рубежѣ Европы не перестаетъ пещись о своемъ государствѣ, какъ вездѣсущее провидѣніе. Къ сожалѣнію, предметы, избранные имъ для реформъ, касались самыхъ ничтожныхъ частей

внутренней администраціи Франціи. Напримѣръ, онъ составилъ правила театральнаго управленія, да разныхъ промысловъ, какъ-то: булочнаго, аптекарскаго и т. д. Этими мелочами онъ хотѣлъ выказать всеобъемлющій геній свой. Между тѣмъ, все это, въ сравненіи съ прежнею дѣятельностью Наполеона, дѣлало его неузнаваемымъ. Не пустяшными дѣлами внутренней администраціи Франціи слѣдовало ему заниматься, а вникнуть въ свое положеніе въ Россіи, настолько критическое, что мѣры выхода изъ него могли бы занять его мысли. Эти неумѣстные декреты изъ столицы Россіи напоминали мнѣ тѣ мистическія ссоры, которыя затѣвали между собою жители Византіи, во время осады города турками и передъ тѣмъ, какъ имъ подпасть подъ иго мусульманъ. Ошибки Наполеона въ эту кампанію были различныя и неисправимыя. Онъ вступилъ войною въ страну, не имѣя понятія ни о нравахъ, ни о характерѣ русскихъ. Въ Египтѣ, напримѣръ, онъ оказывалъ столько почтенія магометанству, что можно было ожидать его перехода въ эту вѣру. Въ Италіи, Австріи и Испаніи, вездѣ онъ покровительствовалъ мѣстному духу религіи и казнилъ святотатцевъ. Но въ Москвѣ онъ точно не зналъ, что и русскіе привязаны къ своей вѣрѣ, онъ не обратилъ вниманія на то, какъ глубоко почитали русскіе своихъ святыхъ, какъ дороги для нихъ церкви и важенъ санъ священника. Едва ли онъ признавалъ ихъ за христіанъ. И что же вышло? Не предупредивъ войска, строгими приказаніями, имѣть должное уваженіе къ церквамъ, иконамъ и духовенству, онъ навлекъ этимъ упущеніемъ ненависть народа на французовъ. Въ глазахъ русскихъ они хуже мусульманъ, потому что обращали церкви въ конюшни (1812 г.). За то ужъ горе французу, когда онъ попадался въ руки народа, жаждавшаго мести! Такихъ жертвъ было множество. Слѣдовательно, не лучше ли было бы внушить своему войску вѣрныя понятія о русскомъ народѣ и о ихъ вѣрѣ, столь схожею съ нашею?

Не менѣе важною ошибкою былъ безпечный взглядъ на близкое будущее. Наполеонъ какъ будто не предвидѣлъ зимы, обманутый, можетъ быть, продолжительною осенью. Онъ не зналъ, что немного пройдетъ дней, какъ наступятъ морозы, пойдетъ снѣгъ и такъ покроетъ землю, что ѣзда на колесахъ окажется невозможною, а затѣмъ недалеко и истребленіе арміи. Обо всемъ этомъ не догадывались. Не подумали даже о теплой одеждѣ, объ обуви солдатъ; ни о ковкѣ лошадей, о возобновленіи упряжи, наконецъ, о перестановкѣ обозовъ на полозья, и т. д.

Положеніе нашей арміи, маневрировавшей около Москвы,

было довольно выгодное, покуда не опомнился Кутузовъ отъ послѣдняго пораженія при Бородинѣ. Тутъ онъ сталъ возбуждать народонаселеніе противъ французовъ, не допуская подвозить въ Москву припасовъ, и принуждалъ наши корпуса сдвигаться къ городу.

22-го октября пришло извѣстіе, что наканунѣ въ Winskowo, разбить Кутузовымъ авангардъ арміи, подъ начальствомъ короля Мюрата. Кутузовъ хотѣлъ помѣшать соединенію арміи съ корпусомъ маршала Виктора, выступавшаго изъ Смоленска. По этому случаю Наполеонъ счелъ нужнымъ отступить къ Смоленску, и отдалъ приказъ готовиться къ выходу изъ Москвы.

Несчастныхъ больныхъ и раненыхъ вытаскивали изъ госпиталя и снова размѣстили по фургонамъ и походнымъ каретамъ. Ихъ отправили впередъ съ конвоемъ и врачами. Я не могъ безъ содроганія смотрѣть на это распоряженіе. вмѣсто покоя, который такъ необходимъ былъ для заживленія ранъ, несчастные снова подвергались мученіямъ, сопряженнымъ съ дальнимъ путешествіемъ, а можетъ быть и смерти ¹⁾.

Въ тотъ же день, въ нѣкоторыхъ частяхъ города, мы замѣтили нападеніе казаковъ на нашихъ, въ минуту ихъ отступленія. Я готовился къ отъѣзду и вышелъ уже изъ шереметевской больницы, какъ изъ-за угла улицы, противъ стоявшаго тутъ караула стрѣлковъ, выѣхалъ русскій офицеръ въ сопровожденіи казака. Часовой прицѣлился въ него, а стрѣлки подбѣжали къ нему и загородили дорогу; капитанъ же схватилъ лошадь его за узду, а солдаты окружили казака. Офицеръ этотъ былъ русскій генераль. «Вы русскій»,—закричалъ ему капитанъ—«я васъ арестую».—«Да развѣ»,—возразилъ тотъ, «французы не вышли изъ Москвы?» И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынулъ изъ кармана бѣлый платокъ, что это парламентерскій флагъ и что онъ имѣетъ порученіе къ французскому генералу. Однако, капитанъ арестовалъ его и велѣлъ вести къ маршалу Мортье.

По приказанію барона Ларрея, я долженъ былъ присоединиться къ своему полку, котораго не видалъ со дня Можайскаго сраженія и который наканунѣ оставилъ окрестности Москвы.

23-го октября, съ наступленіемъ ночи, я отправился въ Кремль, приказавъ солдату моему слѣдовать за мною. Въ Кремлѣ стояли

---

¹⁾ Эта смерть, какъ узналъ я впоследствии, застала ихъ очень скоро. Недалеко за Москвою наткнулись на раненыхъ казаки, которые и убили ихъ, переколовъ пиками въ фургонахъ. Д е - л а - Ф л и з ъ. (Позднѣйшее примѣчаніе).

на бивакахъ нѣсколько полковъ, которымъ надлежало выступить въ три часа ночи. Тутъ я узналъ, что подъ Кремль проведена мина, которую взорвутъ, какъ только мы удалимся отсюда.

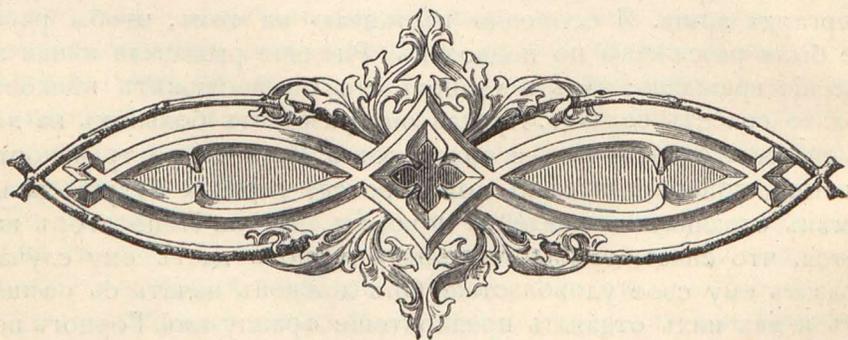
Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы, Наполеонъ занялся распоряженіями о перевозкѣ раненыхъ. Вотъ его приказъ по этому предмету, данный маршалу Мортье, герцогу Тревизскому.

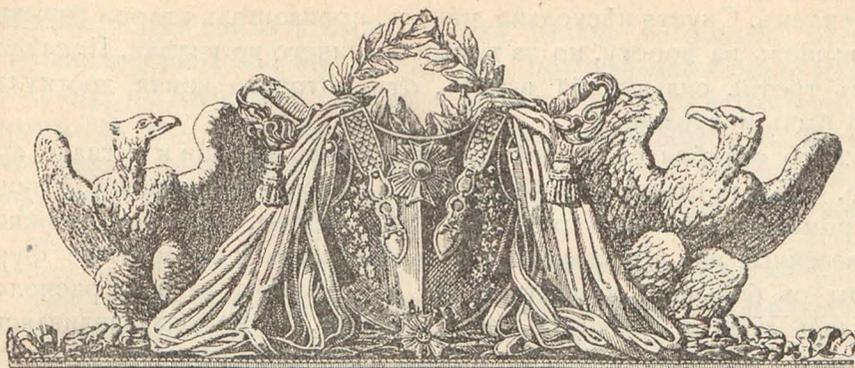
«Какъ скоро герцогъ Тревизскій кончитъ свои операціи въ Москвѣ, т.-е. 23-го числа, въ три часа утра, онъ выступитъ отсюда, а 24-го придетъ въ Кубинское; отсюда, минуя Можайскъ, онъ направится на Верею, куда вступить 25-го. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ служить посредникомъ между герцогомъ Абрантесомъ, стоящимъ въ Можайскѣ, и армію, находящуюся въ Боровскѣ. Нелишнимъ будетъ отправлять офицеровъ на Фоминское для извѣщенія насъ о своемъ походѣ. Герцогъ возьметъ съ собою баварцевъ и испанцевъ, стоящихъ въ домѣ Голицына; всѣхъ вестфальцевъ, какихъ только соберетъ, соединитъ ихъ и направитъ на Можайскъ. Если число ихъ недостаточно велико, то онъ дастъ имъ въ прикрытіе кавалерію. Герцогъ Тревизскій передастъ герцогу Абрантесу все, что касается очищенія Москвы. Необходимо списаться съ нами завтра 22-го, по тракту на Фоминское; 23-го герцогъ напишетъ намъ въ Можайскъ. Адъютантъ его у Кубинскаго повернетъ на Фоминское, такъ какъ главная квартира 23-го числа, вѣроятно, будетъ находиться въ Боровскѣ или Фоминскѣ. Въ какой бы день ни выступилъ герцогъ—23-го ли или 24-го, распоряженія его должны быть одни и тѣ же. Такимъ образомъ, герцогъ Тревизскій съ войсками своими образуетъ арьергардъ арміи. Я особенно настаиваю на томъ, чтобы раненые были разсажены по подводамъ. Римляне раздавали вѣнки за спасеніе гражданъ; такъ и герцогъ столько заслужитъ вѣнковъ, сколько спасетъ солдатъ. Пускай онъ разсадитъ больныхъ на лошадей, какъ своихъ, такъ и солдатскихъ. Какъ скоро транспортъ больныхъ присоединится къ арміи, войску герцога будутъ даны, взамѣнъ отданныхъ лошадей и повозокъ, другія. Императоръ надеется, что спасеніемъ 500 человекъ герцогъ дастъ ему случай выразить ему свое удовольствіе. Онъ долженъ начать съ офицеровъ и изъ нихъ отдавать предпочтеніе французамъ. Герцогъ потрудится представить всѣмъ генераламъ и офицерамъ необходимость этихъ мѣръ, такъ какъ и то, какъ велика будетъ сія заслуга передъ императоромъ, когда они спасутъ ему 500 человекъ.

Наполеонъ 1).

1) Я нашелъ этотъ приказъ и въ печати, въ исторіи похода 1812 г. Де-ла-Флизы. (Позднѣйшее примѣчаніе).

Читая этотъ приказъ, можно подумать, что онъ отданъ въ Италиі или Австріи, странахъ, гдѣ армія постоянно проходила черезъ мѣстечки, села и города, которыхъ жители принимали у себя французовъ какъ своихъ, и гдѣ, снесясь съ бургомистрами и старостами, можно было получить всякое продовольствіе. Вездѣ арміи очищали мѣсто. Но какая же разница въ Россіи! Развѣ Наполеонъ не зналъ, что по выходѣ изъ Москвы, мы вступимъ въ пустыню, которую уже разъ проходили; что бѣжавшіе отовсюду жители теперь готовы были ринуться на насъ всею массою, или убивать отдѣльныхъ солдатъ, которые отважились бы идти въ сосѣднія деревни на фуражировку? Какъ императоръ, обыкновенно столь предусмотрительный, не размышлялъ, что за неимѣніемъ ежедневнаго продовольствія, армія подвергалась внутреннему разложенію, нарушенію дисциплины, а затѣмъ страшной неурядицѣ? Какъ онъ не предвидѣлъ, что если въ лѣтнее время лошади наши питались только подножнымъ кормомъ, то чѣмъ же ихъ придется кормить зимою, по опустошенной дорогѣ? Не явно ли, что пропадутъ обозы, кавалерія и артиллерія? Во время этого похода, Наполеонъ часто сравнивалъ его съ походомъ въ Египетъ. Но едва ли пески знойныхъ степей были болѣе утомительны, нежели тѣ пустыни, черезъ которыя предстояло арміи пройти, или та узкая, выжженная дорога по неприятельской землѣ, съ которой уже нельзя было никуда свернуть по всей ея безконечной длинѣ.

IV.

Выѣздъ изъ Москвы 24-го октября.—Кубинское.—Можайскъ.— Человѣческая гекатомба.— Можайское (Бородинское) поле сраженія.— Ghiat (Гжатскъ). Встрѣча съ польскими офицерами.—Вязьма.— Описаніе отступленія.—Страшныя картины бѣдствія солдатъ.—Семлево.—Славково.—Дорогобужъ.—Пнева-Слобода.—Ужасное зрѣлище отступленія.— Смоленскъ и жестокое положеніе французовъ въ этомъ городѣ.— Встрѣча съ дядею, командиромъ Уланскаго полка.— Полковникъ Марбефъ раненъ.—Разсужденія и предчувствія по поводу отступленія.

Октябрь—1812 г.—ноябрь.

Я выѣхалъ изъ Москвы 24-го октября 1812 г., въ полночь, въ сопровожденіи солдата, который впрочемъ за темнотою вскорѣ потерялъ меня изъ виду и отсталъ. Я ѣхалъ по Можайской дорогѣ, и повстрѣчался тутъ съ обозомъ, который съ трудомъ двигался. Небо было покрыто тучами и шелъ мелкій дождь, еще болѣе затруднявшій шествіе. Послѣ привычки идти постоянно впередъ, люди скучали и досадовали на этотъ обратный походъ по той же дорогѣ, по которой нашу еще недавно шли побѣдителями, подгоняя впередъ непріятеля; а близость зимы заставляла еще пуше задумываться. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, я сквозь темноту различилъ на краю дороги какое-то строеніе, и когда прошли обозы, я отправился къ этому дому; я нашелъ его пустымъ. Введя лошадь въ комнату, я привязалъ ее къ дивану, первой мебели, на которую я впотьмахъ наткнулся, а самъ прилегъ и заснулъ. Но немного погодя, я былъ разбуженъ страшнымъ грохотомъ и сотрясеніемъ; это былъ взрывъ мины подь

Кремлемъ. Спустя нѣсколько минутъ, произошелъ второй взрывъ. Я вышелъ на дорогу, но за туманомъ ничего не видѣлъ. Послѣдовалъ третій, сильнѣйшій взрывъ, отъ котораго земля дрогнула; это былъ послѣдній.

25-го октября съ разсвѣтомъ я поѣхалъ дальше и нагналъ армію. Сдѣлали привалъ въ безлюдной и выжженной деревнѣ. Улицу загромоздили всякаго рода повозки, кареты, коляски, дрожки, вывезенныя изъ Москвы; телѣги съ багажемъ и лазаретные фургоны съ больными солдатами. Въ уцѣлѣвшихъ избахъ расположились люди и стряпали себѣ кушанье. Я, не останавливаясь, поѣхалъ далѣе по большой дорогѣ и настигъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ на ходу, сквозь которые я долженъ былъ проѣхать. Кромѣ ихъ, тянулись нескончаемыя вереницы артиллеріи, да мѣстныя телѣги въ огромномъ числѣ, нагруженныя багажемъ и везомыя парюю лошадей, которыхъ наши солдаты называли конями (*des conias*). Если бывало запрягутъ ихъ въ пушки, то одну пушку ташать четыре коня, да два или четыре запряженные на выносъ. Много стоило труда и времени пробираться сквозь это множество телѣгъ и обозовъ ихъ, наконецъ, я продолжалъ путь по большой дорогѣ, и вскорѣ пріѣхалъ къ почтовой станціи, какъ я догадался по двумъ верстовымъ столбамъ у входа. Домъ былъ уже занятъ солдатами разныхъ полковъ. Какъ же я удивился, встрѣтивъ тутъ и моего денщика, Летурнера, славнаго смѣтливаго малаго, чрезвычайно мнѣ преданнаго. Онъ уже поджидалъ меня тутъ. Послѣ того, что мы разѣхались съ нимъ, онъ успѣлъ поймать лошадь, бродившую въ полѣ; нашелъ въ какой-то лавкѣ двѣ большія корзины, которыя наполнилъ разною провизіею и навьючилъ на лошадь; напекъ хлѣба въ печи, застрѣлилъ свинью, да еще въ Москвѣ запасся сахаромъ, чаемъ и боченкомъ водки. Почтовая станція, гдѣ мы расположились, была пустехонька; въ конюшняхъ нашлось еще сѣна для нашихъ лошадей. Обоюдными силами состряпали мы изрядный столъ. Вскорѣ весь домъ наполнился солдатами.

25-го числа погода прояснилась. Поѣхавъ далѣе, мы нагнали нѣсколько пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ императорской гвардіи, шедшихъ въ порядкѣ. Я поѣхалъ съ ними. Такъ какъ Наполеонъ въ продолженіе всего похода берегъ насъ, и въ Можайскомъ сраженіи мы присутствовали только какъ зрители, то и комплектъ нашъ былъ полнѣе. Къ тому же гвардія составляла отборное войско. Наши солдаты, рослые и видные собою, сохранили свою воинственную осанку, но лица ихъ показались мнѣ

мрачными. Не слышать было въ ихъ рядахъ побѣдныхъ пѣсень прежнихъ походовъ; шутки и смѣхъ, потрясавшій бывало цѣлую колонну, не нарушали общаго молчанія. Понятно было, что не нравилось это отступленіе отъ Москвы, гдѣ обѣщаны были удобныя квартиры и всякое довольство. Впрочемъ ни откуда не слышалось жалобъ, и будущее, казалось, никого не тревожило.

26-го октября, Кубинское.

Мы объѣхали всѣ эти полки и къ ночи пришли въ Кубинское. Тутъ расположился отрядъ польскихъ уланъ, и я узналъ между ними нѣсколько старыхъ знакомыхъ. Они радушно предложили мнѣ у себя помѣщеніе. Я замѣтилъ, что у поляковъ организація войска была совершеннѣе нашей. Они какъ будто находились не на чужой землѣ; съ ними были ихъ фургоны, полные всякой провизіи; за отрядомъ слѣдовало стадо быковъ, изъ которыхъ многіе были запряжены въ фургоны. Зная русскій языкъ, они могли требовать въ деревняхъ всего, что имъ нужно было. Лошади ихъ были въ хорошемъ состояніи и хорошо подкованы, тогда какъ лошади французской арміи были истощены, дурно подкованы, не говоря уже о негодной сбруѣ. И веселья было болѣе между поляками, нежели между французами. Вообще ихъ менѣе тревожило отступленіе и близость зимы. Намъ подали отличный ужинъ, благодаря искусству хорошихъ поваровъ. Послѣ ужина, нѣсколько офицеровъ сѣли играть въ карты, точно мы вели гарнизонную жизнь. Я предался сну, а разбудилъ меня на другое утро звукъ трубы.

27-го октября, Можайскъ.

Напившись чаю и водки, по обычаю этихъ офицеровъ, мы сѣли на лошадей и отправились. Я принялъ съ удовольствіемъ ихъ предложеніе сопутствовать имъ. Мы то ѣхали верхомъ, то спѣшивались, чтобъ лошадямъ дать отдохнуть. Дѣлали нѣсколько приваловъ, въ ожиданіи отстававшаго обоза, который не могъ всегда поспѣвать за нами, по причинѣ испорченной дороги. Наконецъ, къ вечеру, а дни становились уже короче, мы пришли въ Можайскъ, уже занятый войсками. И тутъ помѣщеніе наше было хорошее, и, какъ наканунѣ, хорошо поужинавъ, легли спать на мягкихъ постеляхъ. Слѣдующее утро было ясное, и обѣщало хорошій осенній день. По ночамъ, впрочемъ, бывали уже заморозки. Собирались уже въ путь, какъ отъ полковника былъ данъ приказъ оставаться, потому что, неизвѣстно по какой причинѣ, пребываніе въ Можайскѣ должно было продлиться нѣсколько дней. Въ то же

время мы узнали, что 24-го октября (нов. стили) тринадцать тысячъ челоѣкъ, подѣ начальствомъ принца Евгенія Богарне, отразили у Малоярославца генерала Кутузова, командовавшаго силами втрое болѣе, и что городъ этотъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Это дѣло, продолжавшееся съ пяти часовъ утра до 10 вечера, стоило неприятелю отъ 8 до 10 тысячъ людей, а намъ съ лишнимъ 5 тыс. Генераль К о м п а н ѣ покрылся славою въ этомъ дѣлѣ. Эта встрѣча съ русскою арміею и ея усилія бороться доказывали, что неприятель далеко не обезсиленъ и не утратилъ мужества.

Пришедшіе наканунѣ въ Можайскъ различные полки и многіе солдаты различныхъ корпусовъ, кавалеристы безъ лошадей, все это скученное въ беспорядкѣ, стали собираться въ путь. Улицы были загромождены повозками. Я проѣхалъ весь городъ, съ цѣлю встрѣтиться съ своимъ полкомъ. Увидавъ въ полѣ артиллерійскій паркъ и множество пѣхоты, расположенной на бивакахъ, я направился туда, и дѣйствительно нашелъ тамъ и полкъ свой. Повернувъ назадъ, я взялъ другую, кратчайшую дорогу. Проѣзжая мимо поля, примыкавшаго къ городскимъ садамъ, я усмотрѣлъ вдали что-то въ родѣ пирамиды, неопредѣленнаго цвѣта. Изъ любопытства я подѣхалъ туда. Но съ какимъ ужасомъ увидѣлъ я, что эта куча обнаженныхъ труповъ, сложенная четыреугольникомъ и нѣсколько туазовъ въ вышину. На мои глаза, тутъ было до 800 тѣлъ. Они были собраны въ одно мѣсто по распоряженію коменданта города, для сожженія, такъ какъ они заражали улицы. А между тѣмъ, несмотря на сорокадневный промежутокъ времени со дня сраженія, трупы сохранились. Тутъ были русскіе и французы. Раненые русскіе были брошены отступавшею арміею, отъ чего болѣшая часть изнемогла отъ ранъ, или отъ голода. Мнѣ еще не случалось видѣть подобные ужасы. Несмотря на то, я обошелъ этотъ курганъ со всѣхъ сторонъ. Трупы, благодаря стужѣ, не издавали никакого запаха и не испортились; только глаза у нихъ вытекли. Каждый трупъ остался въ томъ положеніи, въ какомъ пришлось челоѣку испустить духъ; некому было дать имъ горизонтальное положеніе, какъ обыкновенно дѣлаютъ съ покойниками. Отъ того всѣ они лежали другъ на другѣ какъ попало. Я смотрѣлъ на кучу этихъ несчастныхъ жертвъ, чтобъ убѣдиться, какъ ужасна иногда смерть. Какія страшныя раны обнаружились на этихъ тѣлахъ. Многія были точно искрошены ударами сабли, другіе обожжены взрывами пороховыхъ ящиковъ. Я различилъ также двѣ женскія головы

съ длинными черными волосами, но, повидимому, онъ не были ранены.

Таковъ-то пьедесталь, на которомъ воздвигаются военные трофеи! Какъ же виновны государи, которые хладнокровно жертвуютъ столькими людьми изъ-за лживой политики; заставляютъ ихъ умирать въ мученіяхъ, не сказывая имъ иногда даже зачѣмъ имъ приходится умирать!

Я возвратился въ городъ, и нашелъ моихъ офицеровъ веселыми и безпечными. Поэтому я и не хотѣлъ сообщать имъ о томъ, что видѣлъ; но аппетитъ у меня совершенно пропалъ.

1-го ноября рано утромъ мы выѣхали изъ Можайска. Въ этотъ день мнѣ пришлось видѣть зрѣлище столько же ужасное, какъ то, которое представилось мнѣ въ послѣднемъ городѣ. По крайней мѣрѣ, на нашемъ пути убитые не лежали въ кучѣ, а были разбросаны на большомъ пространствѣ и раны ихъ были прикрыты одеждою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы очутились на Бородинскомъ полѣ, черезъ которое лежала большая дорога. Нѣкоторые офицеры пожелали видѣть эту обширную равнину, мѣсто одного изъ самыхъ упорныхъ и кровавыхъ сраженій. Мы направились къ тремъ редутамъ, изъ которыхъ одинъ, самый грозный, былъ взятъ нашими кирасирами. Около этихъ редутовъ валялись въ большомъ числѣ трупы, также сохранившіеся отъ стужи, но лишенные глазъ. Большая часть ихъ, судя по мундирамъ, были русскіе. Рассказываютъ, что Наполеонъ, проѣзжая по мѣсту сраженія, при видѣ большого числа русскихъ, сказалъ: «въ этомъ родѣ я люблю поле сраженія». По полю валялись во множествѣ ядра, осколки гранатъ, разбитые зеленые фургоны, содержащіе въ себѣ патроны и взорванные французскою артиллеріею. Наши же фургоны, съ такимъ же содержаніемъ, уцѣлѣли, потому что они длинные, узкіе и темнаго цвѣта, незамѣтные издали, какъ зеленые пушечные лафеты у русскихъ, служившіе своимъ блестящимъ видомъ мишенью для непріятели. Подлѣ рва мы увидѣли нѣсколько труповъ русскихъ, у которыхъ головы буквально были расчѣнены пополамъ; сильны же были удары сабель, которые ихъ сразили. На землѣ валялось бѣлье и разное тряпье, вытасканное изъ солдатскихъ ранцевъ при обыскѣ ихъ крестьянами. Замѣчательно, что, спустя два мѣсяца послѣ сраженія, на этомъ полѣ кое-гдѣ еще бродили раненныя лошади.

Вернувшись на большую дорогу, по которой слѣдовало войско, мы стали въ центрѣ обозовъ. Въ каретахъ и коляскахъ, взятыхъ въ Москвѣ, сидѣли офицеры и генералы, очевидно раненые,

судя по ихъ страдальческимъ лицамъ. Торопясь догнать уланскій полкъ, намъ приходилось проѣзжать мимо кавалерійскихъ корпусовъ, въ которыхъ солдаты вели исхудалыхъ лошадей своихъ подъ уздцы, и мимо пѣхоты, состоявшей изъ весьма порѣдѣвшихъ батальоновъ. Много людей отстало во время этого похода. Въ войскѣ встрѣчались солдаты, лишившіеся не только лошадей, но даже оружія; иной вооруженъ былъ простою палкою. Наконецъ, мы застали уланскій полкъ на привалѣ. Продолжая съ нимъ путь по трудной песчаной дорогѣ, мы къ вечеру увидали въ отдаленіи мѣстечко Ghiat (Гжатскъ). Но такъ какъ оно было выжжено еще въ первый походъ нашъ въ Москву, то полковникъ велѣлъ здѣсь сдѣлать привалъ. Вправо отъ насъ виднѣлась деревенская колокольня. Полковникъ отрядилъ въ эту деревню нѣсколько солдатъ съ офицерами и трубачемъ, давъ имъ на польскомъ языкѣ какое-то приказаніе. Простоявъ еще нѣсколько времени на мѣстѣ, мы отправились по направленію къ колокольнѣ. Подойдя къ ней на разстояніе пушечнаго ядра, мы остановились. Отсюда мы увидали, что нашихъ улановъ разставили вокругъ домовъ, чтобы не допустить крестьянъ бѣжать, когда мы подойдемъ. Вскорѣ протрубили сигналъ и мы двинулись впередъ. Пришедши въ деревню, мы остановились противъ церкви; къ намъ подвели нѣсколько крестьянъ, какъ видно запуганныхъ тѣмъ, что имъ не дали бѣжать. Но когда съ ними заговорили, они успокоились, и начались переговоры. Понимая все, что имъ было сказано, они на каждый вопросъ единодушно отвѣчали: хорошо, хорошо. Имъ объявили, что полкъ проночуетъ въ деревнѣ, что никого изъ населенія не тронуть, съ условіемъ, что никто не убѣжитъ, и что на другое утро мы уйдемъ. А до тѣхъ поръ пусть они дадутъ намъ все, что нужно для людей и для лошадей. Дѣйствительно, на каждое отдѣльное требованіе сѣна, овса, мяса, водки и т. д. крестьяне отвѣчали: хорошо. Полковника и нѣкоторыхъ офицеровъ повели въ большой господскій домъ, гдѣ и отвели всѣмъ по комнатѣ. На балконѣ поставленъ былъ караулъ изъ нѣсколькихъ уланъ съ ружьями и трубачъ, на случай тревоги, и лошадей не всѣхъ разсѣдлали.

Мнѣ нравилась эта предусмотрительность. Какая разница въ преимуществахъ польскаго и французскаго войска. Поляки знаютъ языкъ и обычаи края; они знаютъ, какъ обращаться съ народомъ. Во все время похода, я видѣлъ у насъ совершенно противное. Когда мы входили въ деревни, народъ бѣжалъ отъ насъ, потому что никто не умѣлъ обойтись съ нимъ. Намъ пригото-

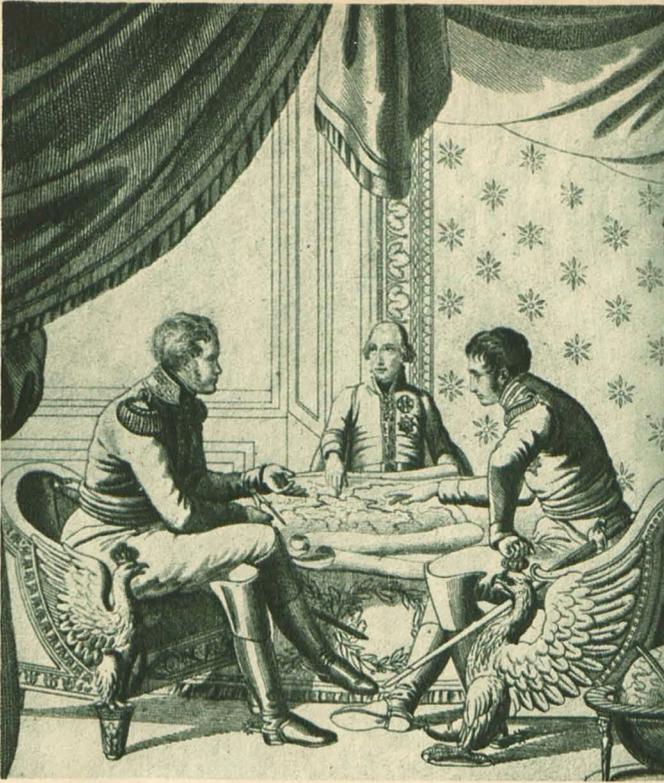
ли отличный ужинъ; полковникъ и офицеры потчивали меня, какъ бы я былъ ихъ товарищемъ.

2-го ноября послѣ завтрака, и нашего и солдатскаго, мы отправились далѣе. Во время похода дѣлали нѣсколько приваловъ, а въ три часа пополудни обыкновенно отыскивали мѣсто для ночлега, чтобы успѣть засвѣтло сварить обѣдъ и накормить лошадей. Выйдя на большую дорогу, встрѣтились опять съ арміею и обозами. Въ одной изъ городскихъ каретъ я замѣтилъ русскаго генерала и съ нимъ французскаго офицера. Это былъ тотъ самый генералъ, котораго взяли въ плѣнъ въ Москвѣ, чему я былъ свидѣтелемъ; но фамиліи его не упомяну. Снова дорога пошла песчаная, а потомъ лѣсомъ, мимо болотъ. Подлѣ деревни Теплоушки (?) сдѣлали привалъ, но какъ она была выжжена, то ничего не могли тамъ достать. Далѣе дорога стала сноснѣе: въ недалекомъ разстояніи отъ Вязьмы, которая тоже выгорѣла, полковникъ нашъ, справившись на картѣ, велѣлъ взять въ сторону по проселочной дорогѣ ¹⁾. Когда завидѣли колокольню, онъ велѣлъ остановиться, и, какъ обыкновенно, отрядилъ людей въ деревню на развѣдку. Вскорѣ поданъ былъ сигналъ подходить. Деревня оказалась на половину пустою. Оставшіеся же крестьяне дали намъ все, чего мы требовали. За неимѣніемъ господскаго дома, четыре офицера помѣстились въ домѣ священника, пригласивъ и меня съ собою. Сначала священникъ обошелся съ нами непривѣтливо; когда же стали оказывать ему почтеніе, онъ постарался намъ услужить, чѣмъ только могъ. Полковникъ помѣстился въ лучшей деревенской избѣ. Недостатка у насъ ни въ чемъ не было и ночь провели спокойно.

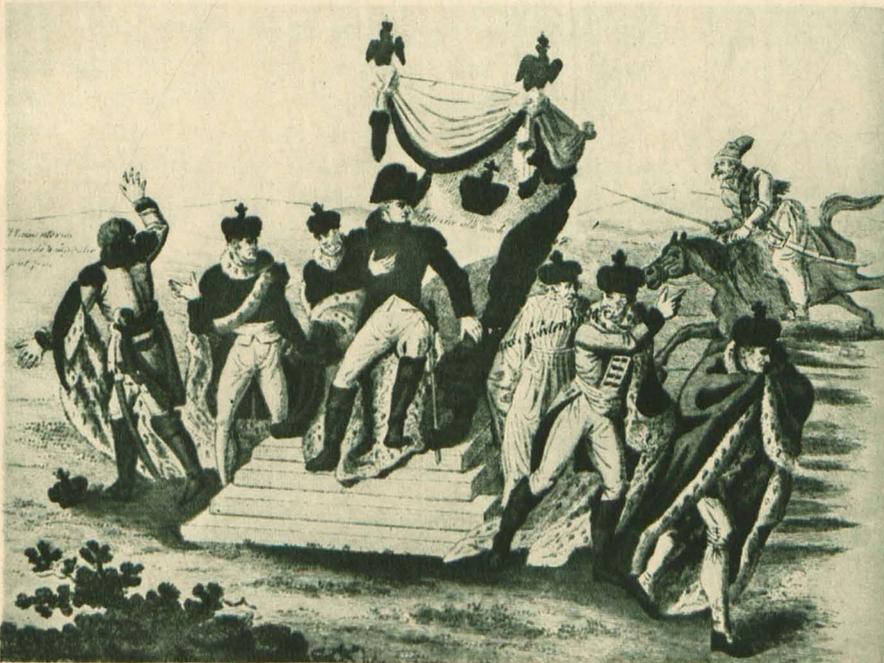
4-го ноября, съ разсвѣтомъ, послѣ чаю, отправились въ путь на Вязьму, загроможденную экипажами и войсками, стоявшими тутъ на бивакахъ. Пробираясь сквозь эту давку, я замѣтилъ кареты, въ которыхъ сидѣли женщины и дѣти, и провожали ихъ не военные люди. Зная, что это не могутъ быть офицерскія жены, я сталъ разспрашивать и мнѣ сказали, что то была труппа французскихъ актеровъ, жившихъ въ Москвѣ, но бѣжавшихъ оттуда изъ страха быть убитыми. Кромѣ нихъ, и другіе французы, жившіе долго въ Москвѣ, присоединились къ арміи. За Вязьмой дорога шла песчаная, тяжелая для обоза, который началъ отставать;

1) Въ архивѣ редакціи «Русской Старины» имѣется одинъ изъ экземпляровъ тогдашнихъ картъ Россіи,—карта, бывшая во французской арміи и отбитая Донскими казаками въ числѣ прочихъ вещей отступавшихъ непріятелей. Карта подарена намъ, нынѣ покойнымъ, войска Донскаго ген.-лейт. Ад. Петр. Чебо-таревымъ.
Р е д.

по этой причинѣ пришлось поголодать на стоянкахъ. Около полудня мы услышали пушечные выстрѣлы. Навстрѣчу намъ прискакали офицеры съ разными порученіями войску, и они рассказали, что нашъ арьергардъ, предводительствуемый принцемъ Евгеніемъ, атакованъ русскими, что было жаркое дѣло, въ которомъ дѣйствовали маршалы Ней, Даву и генераль Компанъ. Мы встрѣтили на дорогѣ большое количество палыхъ лошадей, и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ, что солдаты вырѣзывали лошадиное мясо и варили изъ него супъ. Прошли нѣсколько погорѣлыхъ деревень. Вообще весь этотъ походъ полонъ былъ тяжелыхъ картинъ страданій. И раны, и голодъ, и усталость давали себя чувствовать людямъ. Эта песчаная дорога, по которой плелась армія, по словамъ старыхъ служившихъ, видавшихъ пирамиды, походила на египетскія пустыни. Если положеніе солдатъ было тяжело, то еще мучительнѣе было положеніе не военныхъ, какъ на примѣръ тѣхъ французовъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Между ними былъ 70-ти лѣтній старецъ, прожившій тридцать лѣтъ въ Москвѣ въ качествѣ наставника; съ нимъ шла и жена его, не столь еще старая, и ухаживала за нимъ какъ за ребенкомъ; старалась усадить его въ проѣзжавшія кареты, вымаливала для него хлѣба. Наконецъ, старика посадили въ телѣгу, а она поплелась за нимъ пѣшкомъ. Даже платья на нихъ не было теплаго. Вѣроятно, эта чета не далеко уѣхала. Тяжелая дорога заставила уланскій полкъ засвѣтло остановиться въ мѣстечкѣ Семлево, также выгорѣвшемъ, но сохранившемъ еще нѣсколько домовъ, которые уже всѣ были заняты. И такъ полкъ отошелъ далѣе, и, пройдя нѣсколько верстъ, наткнулся на пустую деревеньку, которую и заняли. Видно было, что крестьяне недавно только и внезапно бросили свои дома, потому что печи были еще теплыя. Въ избѣ, въ которой мы помѣстились, найденъ былъ на лавкѣ мертвый ребенокъ. Солдаты наши тотчасъ принялись за стряпню; кромѣ того, они нашли нѣсколько чашекъ съ борщемъ, который пришелся имъ по вкусу. А по мнѣ одинъ запахъ его былъ отвратителенъ. Въ каждой избѣ былъ чуланъ со всякою провизіею, такъ что полкъ ни въ чемъ не нуждался. Я поужиналъ съ моими офицерами, послѣ чего мы всѣ расположились спать на лавкахъ, придѣланныхъ къ стѣнамъ горницы. Утромъ въ 8-мъ часовъ затрубили походъ. Выйдя изъ избы, я засталъ полковника верхомъ, погоняющаго впередъ обозы. Ночью шелъ дождь и обратилъ землю въ глинистую грязь. Выѣхали мы на большую дорогу и встрѣтились опять съ вереницами обозовъ и плетущимся войскомъ. Дорога была такъ испорчена

Конгрессъ трехъ ИМПЕРАТОРОВЪ.

Приближеніе русскаго казака.

Карриатура.

ждемъ, что лошади вязли въ грязи; обозы останавливались и загораживали дорогу. По обычаю страны, лошадей понукали, крича: ну! ну! но это не помогало. Всего хуже бывало на мостахъ, грубо сколоченныхъ изъ бревень, отчасти сгнившихъ, такъ что лошади проваливались въ образовавшіяся дыры и ломали себѣ ноги. Подобные случаи загораживали дорогу цѣлой колоннѣ. Кончалось тѣмъ, что повозки сбрасывали съ моста, чтобъ очистить дорогу. Всѣ эти затрудненія, при постоянной ходьбѣ, почти безъ отдыха, недостатокъ въ пищѣ, все это способствовало распушенности солдатъ. Торопясь въ Смоленскъ, войско еще болѣе утомлялось. Словомъ, ничего не было хуже этого отступленія.

Подѣзжая къ мѣстечку Славково, увидали повѣшенными на березѣ двѣ отрубленныя головы, очевидно, французовъ. Мы не могли понять, по какому случаю совершенно это варварство и почему эти головы не убраны, такъ какъ онѣ производили дурное впечатлѣніе на солдатъ. Умирать на полѣ сраженія не удивительно, но подвергнуться такого рода безпричинной жестокости значить имѣть дѣло съ варварами. Такими варварами были черногорцы, съ которыми мы воевали въ Далмаціи. Они тоже рубили головы всѣмъ плѣннымъ. Опять же повторю, что виновато было во всемъ невниманіе Наполеона къ религиозному духу русскаго народа. Изъ неуваженія французовъ къ русскимъ церквамъ русскіе заключили, что французы посягаютъ на вѣру, и, конечно, не знали за то предѣловъ своей ненависти къ непріятелю. Такимъ образомъ умерщвлено было множество плѣнныхъ.

Въ Славковѣ, вполонину выгорѣвшемъ, всѣ уцѣлѣвшіе дома были заняты военными всѣхъ чиновъ и всякихъ полковъ. Полковнику отвели стоянку версты за двѣ отъ мѣстечка, въ небольшой деревушкѣ. Тутъ уже расположился польскій пѣхотный полкъ, потерявшій половину своихъ ратниковъ въ разныхъ дѣлахъ, особенно подъ Смоленскомъ, гдѣ поляки въ нашихъ глазахъ такъ мужественно дрались, что когда, по взятіи города, они проходили по нашимъ рядамъ, мы встрѣтили ихъ восклицаніями: «да здравствуютъ храбрые поляки!»

Покуда мои спутники офицеры исполняли разныя порученія своего полковника, я, по ихъ просьбѣ, оставался съ багажемъ, до приисканія ими помѣщенія для всѣхъ насъ. Вскорѣ, проходя мимо меня къ полковнику, они указали мнѣ на стоявшій въ отдаленіи домъ, гдѣ было готово для насъ помѣщеніе, и я съ людьми и обозомъ направился туда. Вошедши въ домъ, я крайне былъ удивленъ встрѣчею съ двумя красивыми женщинами, въ прилич-

номъ нарядѣ. Сначала я принялъ ихъ за хозяекъ дома, и не зналъ какъ съ ними объясниться; но онѣ первыя заговорили по-испански (а я понималъ этотъ языкъ), рекомендуя себя женами польскихъ офицеровъ, прибывшихъ съ полкомъ своимъ до насъ, и занявшихъ этотъ домъ пополамъ съ знакомыми имъ уланскими офицерами. Мужья этихъ дамъ участвовали въ испанскомъ походѣ, и въ бытность свою въ Испаніи женились. Жены послѣдовали за мужьями и въ Россію. Одна изъ нихъ отличалась необыкновенной красотой. Пришли мои офицеры, а тамъ и мужья этихъ дамъ, и всѣ заговорили по-польски: дамы успѣли выучиться этому языку. Подали чай, и бесѣда продолжалась по-польски; но, по незнанію этого языка, я въ ней не участвовалъ. Зато, глядя на двухъ прекрасныхъ женщинъ, я подумалъ, какая странная судьба выпадаетъ иногда на долю человѣка! Какъ знать, куда превратности счастья занесутъ прахъ человѣка. Эти женщины родились подъ прекрасномъ небомъ, первая молодость ихъ протекла въ тѣни померанцевыхъ и оливковыхъ рощъ,—и нежданно, негаданно судьба внезапно переноситъ ихъ съ одного конца Европы на противоположный, въ полунощный край, въ центръ опустошительной войны! Что будетъ съ ними дальше, подумалъ я, когда застанетъ ихъ стужа и снѣгъ? Вспомнивъ объ Испаніи, гдѣ Наполеонъ также велъ опустошительную войну, я подумалъ, что было бы благоразумнѣе направить всѣ силы наши къ Россіи; ихъ было бы болѣе, нежели достаточно для побѣды надъ русскими. Я предавался этимъ печальнымъ мыслямъ, покада общество поляковъ, напротивъ, проводило время въ веселой дружеской бесѣдѣ. Подали ужинъ, за которымъ выпито было за здоровье прекрасныхъ дамъ. Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

6-го ноября встали въ обычный часъ. Распростившись съ дамами и ихъ мужьями (имъ, какъ пѣхотѣ, вѣрно было слѣдовать за кавалеріею часомъ позже), наши офицеры и я съ ними отправились въ путь. Но едва мы выѣхали на большую дорогу, какъ разразился надъ нами ливень. Этого достаточно было для умноженія затрудненій съ обозами. Повторились тѣ же сцены что происходили въ прошлые дни. Пѣхота едва плелась; телѣги и лошади вязли въ грязи, столько же отъ трудности выбраться, сколько отъ истощенія силъ. Нѣсколько каретъ, полная ранеными, завязнувъ, оставались такъ безъ помощи, не взирая на крики этихъ раненыхъ. Всѣ проходили мимо, не зная, какъ помочь имъ. Сначала исполнялся приказъ Наполеона, по которому каждый, у кого была карета, обязывался усадить у себя одного

раненаго, и у каждой маркитантки въ телѣжкѣ находился одинъ раненый; но это продолжалось недолго. Потомъ стали ихъ выбрасывать на дорогу. Говорятъ, что Наполеонъ, выѣзжая изъ Москвы, намѣревался отправить заразъ всѣхъ раненыхъ, во избѣжаніе мести русскихъ, и сказалъ:—«Я отдамъ всѣ сокровища Россіи за жизнь одного раненаго».

Сегодня солдаты рѣзали многихъ палыхъ лошадей, и изъ мяса ихъ варили супъ.

Дорогобужъ,

Послѣ нѣсколькихъ приваловъ, мы вошли въ городъ Дорогобужъ, отчасти погорѣлый; онъ занятъ былъ пѣхотными полками, въ которыхъ замѣтна была большая убыль. Мы прошли черезъ городъ, не останавливаясь. Черезъ нѣсколько верстъ завидѣли деревню; послали туда людей, которые воротились съ извѣстіемъ, что въ деревнѣ все цѣло, но жители бѣжали, и занята она эскадрономъ французскихъ гусаръ. Мы туда отправились, побратались и раздѣлили между собою квартиры. Солдаты другъ другу помогали, начальникъ эскадрона (повидимому, изъ всего полка одинъ этотъ эскадронъ уцѣлѣлъ) пригласилъ польскаго полковника раздѣлить съ нимъ квартиру въ господскомъ домѣ, а насъ, офицеровъ, два французскіе офицера пригласили въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ. Радужно принявъ насъ, они предложили намъ свой скудный обѣдъ. Мы приняли предложеніе, только съ условіемъ, что они, въ свою очередь, не откажутся отъ нашего стола, по счастью, болѣе сытнаго. Польскіе офицеры, дѣйствительно, угостили какъ нельзя лучше своихъ новыхъ знакомцевъ. Потомъ общество сѣло играть въ карты. Въ комнатахъ затопили печи, и ночь мы провели въ теплѣ и спокойствіи.

7-го ноября на утро, выйдя изъ теплыхъ комнатъ на улицу, нашли воздухъ холоднымъ. Ночью сдѣлался морозъ, отъ котораго колеи грязи на дорогѣ затвердѣли какъ камень. Гусары уже встали и собирались въ путь. Эти люди показались мнѣ измученными и печальными; лошади ихъ тоже отощали и почти куда не годились. Спустя часъ и мы отправились въ путь, и на большой дорогѣ встрѣтились съ арміею. Повторилось то же, что и въ прошлые дни, съ обозами и экипажами. Къ обыкновеннымъ неудобствамъ дороги прибавилась гололедица; лошади скользили и падали; возчики не жалѣли кнута, но, несмотря на всѣ ихъ удары и понуканія, они не могли ничего добиться, кромѣ болѣзненныхъ криковъ несчастныхъ животныхъ. Такъ многихъ и бро-

силы тутъ, на дорогѣ. И не однѣ лошади; множество солдатъ, больныхъ и раненыхъ, которые не въ состоянїи были идти, принуждены были остаться на дорогѣ; между ними были женщины и дѣти, истощенныя голодомъ и продолжительною ходьбою. Тщетно упрасивали они насъ помочь имъ, но на то у насъ не было средствъ. Артиллерія съ трудомъ подвигалась по кочкамъ и рытвинамъ. Кавалерійскіе корпуса слѣдовали одинъ за другимъ, но въ самомъ жалкомъ положенїи, какъ люди, такъ и лошади. Трудно описать подробно всѣ бѣдствія людей, мимо которыхъ мы проѣзжали. Мундиры на солдатахъ были изорваны, въ лохмотьяхъ; отъ обуви почти не осталось и слѣда. Всѣ побросали свое оружіе, замѣнивъ его палками. Раненые плелись какъ умѣли, кто на костыляхъ, кто съ перевязанной рукой, или головой; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливались и садились на край дороги. Тамъ и сямъ валялись на землѣ сброшенныя кирасы, которыхъ солдаты уже не въ силахъ были носить на себѣ. Я встрѣтилъ также артиллерійскіе ящики, оставленные на дорогѣ за потерю лошадей; артиллеристы выбрасывали изъ нихъ и топили въ водѣ патроны, чтобы они не достались неприятелю. Столько страданій заставляли насъ проѣзжать мимо, не останавливаясь, потому что самый жестокой человекъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Довольно рано пришли въ Пневу-Слободу (?), мѣстечко, растянувшееся вдоль равнины и окруженное садами. Дома въ немъ отчасти сгорѣли, также и церковь, колокола которой были растоплены огнемъ, такъ что расплавленная мѣдь вытекла на паперть. Но прочіе дома были не тронуты. Главная улица была запружена тѣми повозками, которыя мы уже раньше встрѣчали. Онѣ остановились тутъ въ ожиданїи возможности проѣхать мостъ, на которомъ что-то приключилось съ переднимъ обозомъ. Напрасно повторять, въ какомъ жалкомъ видѣ представлялись эти повозки со скученными въ нихъ людьми. Можно только сказать, что съ каждымъ днемъ страданія этихъ людей принимали новый видъ. Покуда польскій полковникъ распоряжался проѣздомъ полка съ фургонами и каретами сквозь эту сумятицу, нѣсколько офицеровъ поѣхали на розыски за городъ. Въ двухъ верстахъ отъ него они наткнулись на строенія, показавшіяся имъ фермою. Они увѣдомили о томъ полковника, который и направился съ полкомъ туда. Жителей не оказалось. Полковникъ и старшіе офицеры заняли главное строеніе, а прочіе, и я въ томъ числѣ, помѣстились въ избѣ. Такъ какъ еще не смерклось, то мы пошли осматривать ферму. Тутъ были конюшни, амбары, гумна, моло-

тильный токъ, телѣжки, плуги, бороны и большое количество другихъ земледѣльческихъ орудій. Можно было различить по остаткамъ колосевъ мѣста, на которыхъ разставлены были скирды хлѣба, ржи и гречихи. Судя по всему видѣнному, я заключилъ, что земледѣліе въ Россіи вовсе на такъ плохо, какъ мы думаемъ. Меня удивила одна пристройка къ гумну, въ которой подѣланъ былъ родъ подземной печки. Офицеры объясняли мнѣ, что ее топятъ для сушки зерна. Солдаты, обыскивавшіе ферму, нашли стойла, въ которыхъ лежали до тридцати околѣвшихъ быковъ. Очевидно, ихъ заперли, и тутъ за недостаткомъ корма, они излохли, кромѣ двухъ, которые еще шевелились. Солдаты взяли этихъ и зарѣзали на мясо. Небольшія толпы солдатъ всякаго войска, оставившихъ свой полкъ, и большею частію безъ оружія, послѣдовали за нами въ деревню; поляки подѣлились съ ними этимъ мясомъ. Казалось, жители деревни недавно только вышли изъ нея. Вѣроятно, они возвратились было сюда послѣ перваго нашего пріѣзда, но вторичное наше посѣщеніе заставило ихъ снова бѣжать. Всмотриваясь въ бѣдствія, причиняемыя населенію войною, какъ сказать, что она ведется по желанію націи? Земледѣлецъ, потрудившійся надъ землею въ потѣ лица, вдругъ, вмѣсто ожидаемой жатвы, лишается всего своего добра по милости не то своихъ же освирипѣвшихъ соотечественниковъ, не то мести непріятели. Какъ объяснить войну между христіанами? Они тогда уже не христіане, а антихристы, потому что Христосъ предписалъ намъ миръ и проклялъ мечъ.

Сидя въ своей избѣ, мы замѣтили, что солдаты, проходя мимо, штыками ощупывали землю. Это они искали—не запрятали ли чего крестьяне, такъ какъ у русскаго народа обычай зарывать въ землю то, чего имъ нельзя унести съ собою. Офицеры велѣли раскопать землю, и на небольшой глубинѣ открыли родъ деревяннаго погреба. Спустившись туда съ огнемъ, вытаскали оттуда разныя вещи: овчинные тулупы, цвѣтные пояса, картофель, пшеницу и штофы съ водкою. Все это раздѣлили между собою солдаты.

8-го ноября, послѣ спокойной ночи, непріятно поразилъ насъ видъ выпавшаго за ночь снѣга. Водворялась зима, а наши французы какъ будто не предвидѣли ея. Поляки, болѣе догадливые, да и знакомые съ краемъ, заранѣе, еще въ Москвѣ, запаслись шубами, набранными ими въ магазинахъ и рядахъ, такъ какъ никто не помѣшалъ имъ въ этомъ, и фургоны ихъ были полны этого добра. Крайне заблуждаются, полагая, что бывшіе

въ арміи французы, итальянцы, испанцы и португальцы погибли отъ холода, какъ непривычные къ нему жители юга. Природа человѣка вездѣ одна и та же, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Онъ въ теченіе года подвергается всякимъ атмосферическимъ измѣненіямъ. Русскій мужикъ, выросшій въ теплой, даже душной избѣ, оттого такъ чувствителенъ къ холоду; но, закутанный въ свой теплый мѣхъ, онъ выноситъ даже сибирскую стужу.

Павель I, будучи великимъ княземъ, въ бытность свою въ Римѣ, чуть не заболѣлъ отъ холода, несмотря на самый легкій морозъ итальянской зимы. А отъ чего? Оттого, что въ мраморномъ дворцѣ, въ которомъ онъ жилъ, не было печей, подобныхъ петербургскимъ; да, кромѣ того, забыты были въ Россіи его шубы.

Французы и итальянцы, напротивъ, приучены къ холоду въ своихъ нетопленныхъ комнатахъ; даже переносятъ 5, 6° мороза въ легкомъ платьѣ, что болѣе нестерпимо, чѣмъ переносить 30° въ теплой шубѣ. Главная причина гибели французовъ въ наступившіе морозы заключалась въ отсутствіи теплой одежды, въ недостаткѣ питательнаго кушанья и водки, безъ которой нельзя обойтись, находясь постоянно на морозѣ.

Сѣвъ на лошадь, я невольно впадалъ въ уныніе отъ этого снѣга, который валилъ на насъ безостановочно и предвѣщалъ новыя напасти. Поляки, напротивъ, равнодушно смотрѣли на бѣлѣвшуюся дорогу. По выѣздѣ изъ города въ одно время съ арміей, я замѣтилъ, что лица у людей еще болѣе измѣнились и выражали тревожное состояніе ихъ духа. Лошади съ своими гладкими подковами не въ силахъ были подниматься въ гору. Сидѣвшіе въ телѣгахъ и экипажахъ раненые и слабые принуждены были высаживаться, и долго стоять на снѣгу, въ ожиданіи возможности снова сѣсть. Раненые офицеры и генералы подталкивали колеса, тѣмъ не менѣе лошади не двигались съ мѣста. Я видѣлъ эти сцены только мимоѣздомъ, такъ какъ уланскій полкъ шелъ впередъ, не останавливаясь. Въ этотъ день пало такое количество лошадей, какого еще не бывало въ прошлые дни.

Наконецъ, подошли къ Смоленску и вступили въ предмѣстье ¹⁾. Эта часть города почти вся выгорѣла, особенно лавки, и товаръ въ нихъ обратился въ пепель; сохранились только большіе склады желѣза, которое въ Россіи очень хорошаго качества. Мы про-

*) Это должно было быть 8-го или 9-го ноября новаго стиля. Наполеонъ пришелъ въ Смоленскъ 29-го октября ст. стиля (10-го ноября нов. стиля).

стояли нѣсколько времени у воротъ города, пока не приказано было комендантомъ отворить ихъ. Надъ городскими воротами висѣла икона Спасителя, вся прострѣленная. Тутъ (въ августѣ мѣсяцѣ) русскіе упорно защищались, прикрывая переходъ отступавшей арміи черезъ Днѣпръ въ предмѣстья, гдѣ они оставались еще два дня по взятіи нами Смоленска и откуда безпрестанно стрѣляли въ нашихъ, когда они подходили къ рѣкѣ поить лошадей. Напротивъ воротъ устроены колодезь съ обширнымъ отверстіемъ. Вода въ немъ ключевая и превосходная. Народъ считаетъ этотъ ключъ священнымъ, и воду его употребляютъ только для питья и приготовленія пищи. Такъ было мнѣ передано. Въ сторонѣ отъ воротъ поставленъ былъ караулъ, который и вышелъ отдать намъ честь, на что уланы отвѣчали, держа сабли наголо и протрубили маршъ.

Мы пошли по улицѣ, поднимавшейся въ гору. Дома на ней уцѣлѣли отъ пожара, но обыватели скрылись; мостовая была разобрана, вѣроятно съ цѣлю ослабить дѣйствіе ядеръ. Влѣво отъ насъ, на горѣ, стоялъ монастырь съ нѣсколькими церквями, которыхъ синіе купола были усѣяны золотыми звѣздами. Въ монастырь вела высокая лѣстница, на подобіе *monte cavallo* въ Римѣ. Не знаю, оставались ли тамъ монахи. Пожаръ его не тронулъ. И вообще русскіе не поджигали церквей; это было бы святотатствомъ, на которое они, по набожности своей, не способны. Русскіе даже мимо церкви проходятъ не иначе, какъ осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и кланяясь въ землю.

Полкъ вошелъ въ городъ въ боевомъ порядкѣ, съ распущенными знаменами и музыкаю. На большой площади полкъ остановился: подѣхалъ комендантъ и указалъ начальнику отдаленный кварталъ, гдѣ дома были цѣлы. Отправились туда и размѣстились, какъ могли. Наши офицеры заняли флигель того дома, въ которомъ помѣстился полковникъ со старшими офицерами. Вслѣдъ затѣмъ дали знать о раздачѣ продовольствія. Это случилось въ первый разъ по выѣздѣ изъ Москвы. Солдаты наши возвратились съ навьюченными всякими припасами лошадыми, которымъ досталось тоже сѣна и овса. Эта раздача нѣсколько ободрила войско. Такъ какъ было еще свѣтло, то я пошелъ бродить по улицамъ и наткнулся на рядъ чайныхъ магазиновъ, полныхъ нераскрытыми еще цыбиками. Наши солдаты увидѣли ихъ тоже и раскрыли одинъ или два ящика, но, какъ не любители чая, бросили. Я однако велѣлъ снести къ себѣ два цыбика, чтобы подѣлиться съ моими товарищами. На квартирѣ я засталъ моихъ

офицеровъ съ гостями, офицерами другихъ пришедшихъ полковъ. Между ними были два брата, которые считали другъ друга убитыми, и, свидѣвшись тутъ нечаянно, плакали отъ умиленія и радости. Поужинавъ, оставались еще долго вмѣстѣ.

9-го ноября и слѣдующіе дни приходили различныя армейскіе корпуса, и городъ переполнялся. Каждый день происходила раздача провизіи; но такъ какъ въ Смоленскѣ не впускали разрозненныхъ отрядовъ, то они оставались въ предмѣстьяхъ, за Днѣпромъ, или же принуждены были обходить городъ по узкой гористой дорогѣ, чтобы попасть въ предмѣстья на противоположномъ концѣ его. Эти несчастные почти ничего не получали при раздачѣ, да и раздача дѣлалась неправильно. Магазины осаждали толпой и только самые ловкіе люди добыли себѣ нужное. И здѣсь, въ Смоленскѣ, повозки и кареты съ трудомъ плелись по замерзшей дорогѣ; многія стали на мѣстѣ, между тѣмъ какъ сидѣвшіе въ нихъ раненые зябли и не могли вылѣзть изъ экипажа. Военные, прибывшіе изъ Москвы, рассказывали, что на обогнавшіе насъ корпуса часто съ фланга нападали русскія партіи. Но мы, къ счастью, не встрѣчали ихъ. Съ тѣхъ поръ, что наступила зима, всѣ бѣдствія обрушились на армию и росли съ каждымъ часомъ. Прошли четыреста верстъ безъ хлѣба и фуража, и каждую ночь дохли лошади на бивакахъ. Отдѣльныя колонны часто подвергались нападеніямъ казаковъ, тревожившихъ ихъ и днемъ и ночью. Отсталыхъ солдатъ они раздѣвали донага и закалывали, а одежду похищали.

13-го ноября я встрѣтилъ въ городѣ нѣсколько французскихъ улановъ того полка, въ которомъ дядя мой д'Арандъ служилъ капитаномъ. Эти солдаты конвоировали повозки съ хлѣбомъ и овсомъ, которыми ихъ снабдили въ магазинахъ для ихъ полка, стоявшаго въ предмѣстьѣ. Эти люди сообщили мнѣ, что полкомъ командовалъ мой дядя, такъ какъ командиръ полка, графъ Марбей, тяжело былъ раненъ подъ Можайскомъ. Отецъ графа нѣкогда былъ губернаторомъ острова Корсики. Утверждали не разъ, будто Наполеонъ былъ сынъ его, а самъ графъ былъ сыномъ Людовика XV. Если бы это была правда, то Наполеонъ былъ бы внукомъ французскаго короля и слѣдовательно изъ рода Бурбоновъ. Извѣстно только то, что по ходатайству графа у королевы Маріи-Антуанеты, молодой Бонапартъ былъ принятъ въ бріенскую военную школу.

Солдаты говорили мнѣ, что полкъ потерялъ очень много людей, какъ рядовыхъ, такъ и офицеровъ, не говоря уже объ убиты

лошадей, словомъ, остался одинъ эскадронъ или нѣсколько болѣе. Они указали мнѣ и квартиру моего дяди. Возвратясь къ своимъ спутникамъ офицерамъ, я ихъ предупредилъ о моемъ желаніи навѣстить дядю. Мы такъ успѣли сдружиться, что новые мои знакомые просили меня непременно воротиться къ нимъ. Они должны были прождать въ городѣ еще два дня. Я ихъ оставилъ, надѣясь свидѣться съ ними скоро. Меня сопровождалъ мой денщикъ, запасшійся всякаго рода провизіею, благодаря гостепріимству моихъ офицеровъ. Я везъ ее дядѣ, на случай недостатка у него.

Проѣхавъ порядочное разстояніе городомъ по тѣмъ же улицамъ, по которымъ я въ первый разъ проѣзжалъ, когда дома по обѣ стороны горѣли, я, наконецъ, очутился у квартиры моего дяди. Появленіе мое было для него и неожиданно и пріятно. Мы не видѣлись съ нимъ съ 1800-го года. Въ тотъ походъ мы жили въ благословенномъ краѣ, если сравнить его съ настоящимъ, и въ то время Наполеонъ блисталъ славою. Дядя мой занималъ двѣ низенькія комнаты. Въ одной изъ нихъ полковой орелъ былъ прислоненъ къ стѣнѣ, такъ какъ стоймя его поставить не позволялъ низкій потолокъ. Дядя мой былъ высокій мужчина подъ пятьдесятъ лѣтъ, рябой, черноволосый съ просѣдью. Звѣзда почетнаго легіона украшала его грудь. Вскорѣ накрыли столъ, т.-е. просто сказать поставили на него миску съ солдатскимъ супомъ. Кромѣ меня, были приглашены къ обѣду еще два офицера. Всѣ мы ѣли изъ этой миски, черпая каждый своею деревянною ложкою, по-солдатски. Это было уже не похоже на столъ въ польскомъ полку, гдѣ у cadaго былъ свой приборъ. За супомъ, въ такомъ же порядкѣ, поѣли и говядины. По крайней мѣрѣ, мы были сыты. Послѣ обѣда, я объявилъ, что приготовлю чай и пуншъ, чему дядя мой разсмѣялся, какъ небылицѣ. Въ одномъ углу дома я усмотрѣлъ самоваръ, вещь незнакомую для французовъ, но я уже знакомъ былъ съ этимъ сосудомъ въ Москвѣ, и встрѣчалъ его у поляковъ. Вскорѣ самоваръ закипѣлъ; потомъ я заварилъ чай въ простомъ глиняномъ горшкѣ. Разливъ его въ стаканы, я угостилъ имъ дядю и его гостей; вмѣсто рому, поднесъ имъ водки для приправы, и всѣ остались очень довольны.

Когда гости ушли и послѣ разговора о семейныхъ дѣлахъ, я припомнилъ дядѣ его походы въ Италиі и разные эпизоды его службы, въ которыхъ онъ подвергался опасностямъ. Съ 1805 года дядя мой находился въ постоянныхъ походахъ, или стоялъ съ гарнизономъ въ Римѣ, Флоренці, Моденѣ, Миланѣ и т. д.

— «Опасности той эпохи, рассказывалъ мнѣ дядя, ничто въ сравненіи съ тѣми, которымъ мы подвергаемся здѣсь. Конецъ славы Наполеоновой! Вся наша кавалерія уничтожена. Я сдѣлалъ все, что могъ для сохраненія моего полка, замѣняя нашихъ лошадей здѣшними конями (kopias); наши лошади или убиты или подошли отъ недостатка фуража, а тѣхъ, которыя остались цѣлыми, я велѣлъ полякамъ подковать. Полкъ мой отличился во всѣхъ дѣлахъ. Надо было его видѣть при переправѣ черезъ Нѣманъ. Словомъ, съ самаго начала похода не было дѣла, въ которомъ бы полкъ мой не участвовалъ. Я дѣйствовалъ какъ только могъ, но вѣдь отъ насъ требуютъ сверхъестественнаго. Императоръ не тотъ, что былъ въ Италіи и Австріи. Не разсудивъ, привелъ насъ въ этотъ ужасный край. Онъ не понялъ, что непріятель, отказавшись подъ Витебскомъ отъ сраженія и отступая съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, хотѣлъ насъ утомить долгими переходами. Онъ не предвидѣлъ того, что многимъ было понятно, что, направляясь на Москву, мы и тамъ найдемъ все въ огнѣ, а не обѣщанныя (имъ, Наполеономъ) удобныя квартиры и избытокъ. Но я не ожидалъ отъ Наполеона этой ужасной и неисправимой ошибки, держать насъ въ Москвѣ на пылающихъ развалинахъ цѣлыя шесть недѣль; потомъ предпринять позднее уже отступленіе не на Калугу и Кіевъ, а по той же опустошенной дорогѣ, мимо погорѣлыхъ городовъ и селъ. Меня огорчаетъ это неуваженіе къ арміи, храбрѣ которой еще никогда не бывало, потому что никогда еще не вели войны съ большею отвагою, бѣльшимъ мужествомъ и бѣльшимъ знаніемъ дѣла. Кромѣ того, Наполеонъ даже не отблагодарилъ насъ. Со дня вступленія въ Вильну, онъ не далъ намъ ни одного сантима звонкою монетою, а роздалъ жалованье какими-то векселями, на которыхъ должны были расписываться получатели; но изъ нихъ нельзя было сдѣлать никакого употребленія, и касса моя съ самаго начала была пуста, такъ что, когда представлялись случаи закупить что-либо нужное для полка, я не могъ ими воспользоваться, за неимѣніемъ звонкой монеты.

«Только съ бою, да заставляя бѣжать жителей, успѣвали мы добывать себѣ прокормленіе. Скупость и жадность Наполеона, вотъ что было причиною этого недостатка въ деньгахъ. Онъ хотѣлъ пополнить кассу полугодовымъ жалованьемъ людей, которые будутъ убиты.

«Я лично оскорбленъ его несправедливостью; давно слѣдовало мнѣ быть полковникомъ, такъ какъ я никогда нигдѣ себя

не жалѣль. Онъ забыль насъ наградить за побѣды. Кровь наша текла понапрасну, никто не повышенъ чиномъ, не пожалованъ орденомъ ни въ какомъ полку. Впрочемъ, теперь не время говорить о наградахъ; подумаемъ, что станетъ съ нашею арміею? Будущее мрачно. Мы уже не способны принять сраженіе; русскіе идутъ по пятамъ нашимъ, и все потеряно. Однако, какъ ни значительны ошибки Наполеона, а онъ не могъ избѣжать этой войны. Ему приходилось, какъ онъ говорилъ, выбирать между войною и безчестіемъ: понятно, что выборъ палъ на первую. Къ тому же эту войну, какъ и всѣ предыдущія, возбудила Англія. Пускай же пролитая кровь падеть на эту націю».

Я отвѣчалъ дядѣ: «Все, что вы говорите, вполне справедливо. Въ прежніе походы Наполеонъ былъ не тотъ, что нынче. Тогда онъ не забывалъ своихъ храбрецовъ. Но я согласенъ съ вами, что какъ ни велики его ошибки, а онъ не могъ избѣжать теперешней войны».

— «Правда,—продолжалъ дядя,—всѣ войны Наполеона имѣли основаніемъ справедливость, за исключеніемъ испанской. Какъ война въ Испаніи, такъ и настоящая война возбуждена подкунами англичанъ, чего Наполеонъ въ ослѣпленіи своемъ не видѣль. Здѣсь онъ не соглашался выждать время, необходимое для организаціи Польши, и легкомысленно (изъ Польскаго края) удался. Началъ походъ на Москву слишкомъ поздно по времени года; пренебрегъ промедленіемъ, которое требовалось для охраны тыла арміи, особенно въ случаѣ отступленія, изъ опасенія отложить завоеваніе столицы до другого похода. Наполеонъ воображалъ, что покончить съ этою войною такъ же скоро, какъ съ прусскою, и не понималъ, что русскіе, отступивъ за Москву, тѣмъ далеко не будутъ обезсилены, а напротивъ, когда Наполеонъ кончитъ походъ, они начнутъ свой, и надежды Наполеона, мирными переговорами загладить неосторожное движеніе въ центръ Россіи, не сбудутся.—Однако, что происходитъ во Франціи? Я встрѣтилъ вчера курьера, посланнаго къ императору; онъ говорилъ мнѣ, что въ Парижѣ вспыхнулъ мятежъ ¹⁾, который едва не рушилъ его трона. Не заставитъ ли это извѣстіе посѣшить отступленіемъ ²⁾, такъ какъ Наполеонъ позаботится скорѣе о сохраненіи своихъ коронъ во Франціи и Италіи, нежели о

1) 23-го октября; во главѣ заговора былъ нѣкто Маллэ.

(Позднѣйшее примѣчаніе автора).

2) Дядя мой никакъ не полагалъ, что Наполеонъ броситъ свою армію, какъ сдѣлалъ въ Египтѣ. (Позднѣйшее примѣчаніе).

спасеніи своей храброй арміи. Что должны были сказать французы при полученіи въ одно время извѣстія о пожарѣ Москвы и декретовъ, относящихся до мелочей внутренней администраціи Франціи? Я не постигаю этого человѣка; не могу согласить всѣ эти превратности съ его первыми успѣхами и побѣдами. Это противорѣчіе смущаетъ меня и вызываетъ самыя грустныя предчувствія.—Я ожидалъ найти въ Смоленскѣ всевозможные запасы; думалъ, что изъ Франціи прибылъ свѣжій корпусъ, который поможетъ намъ совершить отступление въ безопасности. Въмѣсто того, я очутился среди величайшаго опустошенія и нищеты, и поэтому собирался выйти вонъ отсюда съ остатками моего полка, какъ получилъ приказъ выжидать принца Евгенія. Все-таки я вывелъ людей изъ города сюда въ предмѣстье, гдѣ, по крайней мѣрѣ, ни они, ни лошади не умрутъ съ голоду. Меня ужаснуло все то, что я видѣлъ въ Смоленскѣ. Страданій нашихъ людей невозможно себѣ представить! Въ госпиталяхъ недостатокъ во всемъ. Несчастные раненые сдѣлались людодѣлами, они отрубали члены у человѣческихъ труповъ, варили мясо и съѣдали его. Ихъ ничѣмъ не снабжали изъ магазиновъ. Всѣ запасы были запорты и сберегались для арміи. Только третьяго дня была раздача; за то ужъ и грабятъ магазины такъ, что въ скоромъ времени наступитъ общій голодъ».

Я слушалъ дядю съ грустнымъ чувствомъ; мнѣ нравились его здравыя сужденія, но то, что онъ такъ краснорѣчиво предсказывалъ, возбуждало страхъ и тревогу. Оба мы долго не могли уснуть; а мнѣ и во снѣ грезились ужасы.

15-го ноября, только что мы встали, какъ вошелъ офицеръ и сообщилъ моему дядѣ, что у троихъ солдатъ ноги отморожены и три лошади пали отъ жестокаго мороза, хотя солнце ярко освѣщало горизонтъ и все небо представляло подобіе итальянскаго. Дядю огорчило это извѣстіе; онъ накинулъ на себя шинель и вышелъ обойти полкъ. Въ его отсутствіе пришелъ мой денщикъ, жалуясь на морозъ, который лошади съ трудомъ переносятъ, и требуя для нихъ попонъ. Самъ онъ тоже весь продрогъ, и сталъ къ печкѣ, чтобы согрѣться. Я далъ ему выпить водки, а онъ, шутя, говорилъ, что это гусарскій кофе. Я замѣтилъ, что наши солдаты, при всѣхъ своихъ страданіяхъ, не упускали случая пошутить.—Дядя мой возвратился, говоря, что каждое утро онъ выслушиваетъ прискорбный рапортъ. «Что мнѣ дѣлать съ этими людьми?»—прибавилъ онъ.—«Они такъ мнѣ жалки: вѣдь это храбрый народъ! Теперь чуть солдатъ отморо-

зять себѣ членъ, онъ уже потерянный человѣкъ; взять его съ собою нельзя, перевозить не на чѣмъ, такъ остается его бросить и подвергнуть ужаснѣйшей смерти, развѣ непріятель убьетъ его сразу. Страшно подумать, что такова участь, которая ожидаетъ армію; зима только что начинается, а въ этомъ краю она жестока».

Когда чай, который я, между тѣмъ, велѣлъ денщику моему заварить, былъ готовъ, дядя велѣлъ подать себѣ трубку. Только что мы кончили свой завтракъ, какъ пришелъ поваръ доложить, что онъ не знаетъ изъ чего сготовить обѣдъ, такъ какъ у него есть только картофель, а мяса нѣтъ. Какже я удивился, когда дядя приказалъ ему зарѣзать жеребенка отъ кобылы, находившейся при полку. «Ты еще не ѣлъ конины,—сказалъ онъ мнѣ потомъ;—но ты увидишь, что она вовсе не такъ противна, какъ ты думаешь. Я не въ первый разъ угощаю этимъ мясомъ моихъ офицеровъ. Печенка этого животнаго очень вкусна, ты это самъ испытаешь».

Потомъ дядя снова повелѣлъ рѣчь о непредусмотрительности Наполеона. «Благоразуміе требовало,—говорилъ онъ,—остановиться у Смоленска, и далѣе не двигаться. Говорятъ, что многіе генералы такъ и совѣтовали ему, и болѣе всѣхъ князь Понятовскій, которому край знакомъ, что и видно на польскихъ дивизіяхъ: онѣ и въ отношеніи дисциплины, и въ отношеніи содержанія ничего не потеряли. Наполеонъ не послушался ничьихъ совѣтовъ. Я знаю, впрочемъ, его стратегію: это вызывать на рѣшительное сраженіе, собравъ лучшія массы войска на самой крѣпкой позиціи непріятеля, потомъ, или окружить его, или охватить фланги, вторгнуться въ центръ, привести все въ смятеніе, отыскивать самые удобные пункты для атаки и стремительно нападать; и при этомъ не заботиться ни о продовольствіи, ни объ обозахъ, какъ случалось во многихъ сраженіяхъ, и также подъ Можайскомъ. Наполеонъ не понимаетъ другой системы, кромѣ стратегической, — вотъ отчего онъ и не взялъ въ соображеніе здѣшнихъ мѣстныхъ условій. Онъ злоупотребляетъ жизнью людей, и если правда, что онъ говорилъ, что солдаты не что иное, какъ пушечное мясо, то судя по его адской тактикѣ надобно полагать, что такова мысль его на самомъ дѣлѣ. Слѣдовало бы дать такое сраженіе, которое заставило бы непріятеля прекратить преслѣдованіе насъ во время нашего отступленія; но армія наша лишена всякой возможности сосредоточиться».

«Однако,—сказалъ я дядѣ,—если намъ въ настоящемъ жестокомъ положеніи остается только погибать, т.-е. неминуемо попасть въ руки непріятеля и подвергнуться отъ него еще варварскому истязанію, то не лучше ли предупредить эти страданія самоубійствомъ?»

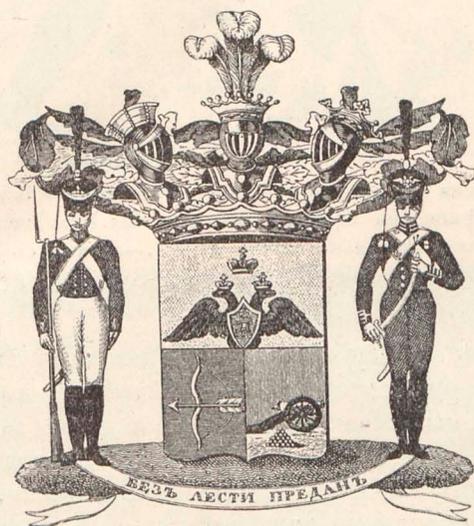
Тутъ дядя перебилъ меня: «Самоубійство, сказалъ онъ, дѣло малодушныхъ, не отличающихся крѣпкимъ умомъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни необходимы мужество и покорность Провидѣнію. Кто говорить! Мы находимся въ критическомъ положеніи, насъ ожидаютъ большія опасности, пусть даже страдальческая смерть; но вѣдь мы воины. Смерть насъ не пугаетъ. Каждый солдатъ, вступая въ службу, знаетъ, что ему придется или убивать, или быть убиту. Что касается до меня, то я уже встрѣчался со смертью, и видѣлъ, какъ умирали мои товарищи въ мукахъ отъ ранъ. Сколько разъ случалось мнѣ быть въ крайностяхъ, изъ которыхъ, казалось, мнѣ не выйти, а, между тѣмъ, я избѣгъ ихъ. Точно также я никогда не былъ раненъ, хотя вкругъ меня ядра и картечь побивали много народу. Слѣдовательно, если угодно Провидѣнію, оно избавитъ насъ и изъ настоящей опасности; если же нѣтъ, то умирать удѣлъ каждому смертнаго».

Въ это время пришелъ офицеръ доложить, что изъ Смоленска пріѣхалъ полковой лекаръ, состоявшій при раненыхъ въ тамошнемъ госпиталѣ, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ и лекаръ. Этотъ молодой еще человѣкъ сообщилъ намъ, что Наполеонъ прибылъ наканунѣ въ Смоленскъ и сегодня же утромъ выѣхалъ далѣе. Пріѣзжалъ же лекаръ собственно затѣмъ, чтобы просить командира полка о перевозкѣ раненыхъ, и именно на саняхъ, которыя, какъ онъ высмотрѣлъ, хранятся въ домахъ обывателей, и которыя такъ легки, что достаточно запрячь по одной лошади въ каждыя сани. Дядя обѣщалъ обо всемъ позаботиться.

Сѣли обѣдать съ офицерами, какъ наканунѣ, и ѣли изъ той же общей миски. Я отъ себя угостилъ общество бывшею у меня водкою. Никто изъ офицеровъ не догадался, что супъ былъ изъ конины, а печенка жеребья; офицеровъ нарочно объ этомъ и не предупреждали.

Всѣ наши столъ отличномъ.—Вскорѣ послѣ обѣда пріѣхалъ адъютантъ дивизіоннаго генерала, съ приказаніемъ отъ послѣдняго выступить на утро въ походъ. Адъютантъ говорилъ также, что гвардія прошла наканунѣ въ Смоленскъ, и что она послѣдуетъ за императоромъ. Между прочими, пришелъ и мой полкъ.

Это заставило меня проститься съ дядею, и, какъ оказалось потомъ, навѣки. Въ Смоленскѣ я представился моему полковнику, который сообщил мнѣ, что всѣ военные лекаря, кромѣ одного, замѣнявшаго меня, причислены къ госпиталямъ, и что генераль приказалъ на время прикомандировать меня къ 1-му гренадерскому полку, вышедшему наканунѣ изъ города. Поэтому мнѣ надобно было спѣшить догнать его. Сперва хотѣлось мнѣ повидаться съ моими сопутниками доселѣ поляками, но я уже не засталъ ихъ,—полкъ ихъ ушелъ въ то утро. И съ ними не пришлось мнѣ болѣе увидѣться.

V.

Выѣздъ изъ Смоленска 15-го ноября 1812 г.—Красный. — Встрѣча съ полковникомъ и старшими офицерами 84-го линейнаго полка Италіанской арміи, отъ котораго остались только нѣсколько сотенъ людей.—Снятіе съ древка орла и знамени полковаго.—Сраженіе подъ Краснымъ.—16-го ноября я раненъ и взятъ въ плѣнь.

Я пустился въ дорогу съ своимъ денщикомъ въ сильный морозъ и при нестерпимомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Во весь день только и видѣли, что самыя жалкія сцены: брошенныя повозки, замерзшихъ лошадей, несчастныхъ пѣшеходовъ, опиравшихся на палку, съ продранною обувью или замѣненною тряпками. Не было сомнѣнія, что всѣ отставшіе раненые давно погибли отъ стужи и голода или подъ ударами казаковъ. Въ этомъ общемъ бѣдствіи чувство жалости и состраданія притупилось; равнодушіе замѣняло всякое обыкновенное и естественное въ человѣкѣ участіе. Люди равнялись звѣрямъ, готовымъ растерзать другъ друга, чтобъ утолить свой голодь. Едва ли, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ войнахъ встрѣчались ужасы, подобные тѣмъ, которыми отмѣчено наше отступленіе изъ Москвы. Я могу упомянуть только о томъ, что видѣлъ собственными глазами. Особенно поражали меня толпы невоенныхъ людей съ женами и дѣтьми, тащившихся по глубокому снѣгу. Кто были эти люди? Вѣроятно, французы, жившіе постоянно въ Москвѣ, но бѣжавшіе поневолѣ, отъ стра-

Народныя картины на событія Отечественной войны.

ха быть убитыми. Слѣдуя за французскою арміею, они попали изъ огня да въ полымя ¹⁾).

Вечеру я съ денщикомъ своимъ пріѣхалъ въ выгорѣвшую деревню. Пріискали уголокъ въ развалинахъ, развели огонь и стали стряпать кушанье. У денщика моего было взято съ собою хлѣба, муки и сальныя свѣчи, добытыя въ Смоленскѣ. Изъ этой муки денщикъ состряпалъ какую-то кашу, въ которой распустилъ сальную свѣчку намѣсто масла. Мы съѣли эту спартанскую похлебку, не поморщась, и, несмотря на холодъ, заснули около огня, защищеннаго отъ вѣтра заборомъ.

16-го ноября, денщикъ мой приготовилъ такую же похлебку, что наканунѣ. Потомъ онъ пошелъ къ рѣкѣ напоить лошадей, взявъ съ собою топоръ, которымъ необходимо было пробить ледъ. Безъ этого орудія невозможно бы достать воды. Выпивъ остатокъ водки, отправились далѣе. Мы повстрѣчались съ полками, которыхъ видъ не представлять ничего воинственнаго. Солдаты и офицеры большею частію были закутаны въ байковыя одѣяла, взятыя изъ лазаретныхъ фургоновъ. По дорогѣ все тѣ же печальныя сцены. Нельзя забыть нѣкоторыя изъ нихъ.

Вотъ трое дѣтей: старшему лѣтъ пятнадцать, онъ несетъ на рукахъ трехлѣтнюю сестру, мальчикъ восьми лѣтъ идетъ за нимъ. При нихъ ни родителей, никого. Мать и отецъ, навѣрное, ужъ не существуютъ. Никто не позаботится помочь дѣтямъ; да и имѣлъ ли кто на это возможность! Я даже опасался взглянуть на нихъ, потому что не въ состояніи былъ имъ помочь. Не забуду также красиваго молодаго офицера, въ чистенькомъ мундирѣ, но безъ шинели. Раненый въ ногу, онъ несъ ее на перевязи, опираясь на костыли, и съ трудомъ подвигаясь по снѣгу. Со слезами на глазахъ умолялъ онъ о помощи и мѣстечкѣ въ проѣзжавшихъ саняхъ. Но ему не отвѣчали. Сколько такихъ раненыхъ погибло въ снѣгу въ мучительной смерти!

Вскорѣ я увидаль впереди на большой дорогѣ нѣсколько остановившихся колоннъ войска. Я узналъ, что это были полки 4-го корпуса, которыми командовалъ принцъ Евгеній. Ихъ ставили влѣво въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ непріятель собирался насъ атаковать, чтобы отрѣзать намъ путь къ Березинѣ. Я объѣхалъ полки и прибылъ въ Красный. Этотъ городъ не горѣлъ,

---

1) Эти несчастные погибли на берегу рѣки Березины, павъ или отъ ядеръ, или отъ голода и стужи, потому что въ роковую ночь не позволено было разводить огонь.

и лишь только мы въѣхали въ него, какъ за нами послышались пушечные выстрѣлы. Городъ былъ уже переполненъ войсками. Я направился на край города отыскивать себѣ квартиру, и нашелъ ее въ уединенной избѣ. Въ ней были двѣ комнаты, съ печкою въ одной изъ нихъ, тутъ же въ углу стояла ручная мельница. Денщикъ мой, убравъ лошадей въ конюшню, затопилъ печь, потомъ пустился шарить по избѣ, и, найдя гдѣ-то пшеницы, принялся молотъ ее. Я помогаль ему въ этомъ дѣлѣ, что случилось въ первый разъ въ моей жизни. Покуда мы по-очереди вертели мельницу, вошли къ намъ два солдата 84-го линейнаго полка, въ которомъ я служилъ въ Италіи. Они намъ рассказали, что полкъ ихъ дрался въ теченіе всего дня, что онъ потерялъ много солдатъ и офицеровъ и что остальная часть его идетъ на Красный. Эти солдаты помогли намъ въ нашей работѣ, выпросивъ за то долю хлѣба, который спеченъ изъ намолотой муки. За печенье этого хлѣба принялся мой денщикъ, не хуже булочника. Спустя нѣсколько часовъ, когда хлѣбъ спекся и вынуть былъ изъ печи, вдругъ на улицѣ появились войска, и вслѣдъ затѣмъ въ избу нашу вошли три сапѣра и объявили мнѣ, что квартира эта назначена полковнику 84-го полка и его штабу. Когда я имъ сказалъ, что я принадлежалъ прежде къ ихъ полку, они меня узнали и увѣряли, что, конечно, полковникъ не выпуститъ меня изъ этой квартиры. Затѣмъ вошли три офицера; изъ нихъ одинъ былъ полковникъ, который извинился передо мною, что принужденъ занять мою квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ уступилъ мнѣ часть ея. Прибывшій вслѣдъ за нимъ докторъ Трастуръ, мой прежній начальникъ, отрекомендовалъ меня этому новому обществу. Выставленные только что испеченные хлѣбы обратили на себя вниманіе офицеровъ. Я успѣшилъ предложить имъ нѣсколько, отъ чего они не отказались, такъ какъ хлѣбъ становился рѣдкостью. Гренадеры внесли въ комнату полковое знамя съ орломъ, на которомъ значился девизъ: і противъ ІО, данный полку послѣ славнаго похода 1809 г. Я еще былъ свидѣтелемъ, когда девизъ этотъ отдѣлывали въ Герцѣ, въ Штиріи.

Одинъ изъ капитановъ полка былъ раненъ въ ногу въ бившемъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дѣлѣ. Онъ едва могъ ходить, и случай этотъ огорчалъ офицеровъ. Докторъ Трастуръ сообщилъ мнѣ, что 84-й полкъ потерялъ въ этотъ день почти всѣхъ своихъ людей. Онъ назвалъ мнѣ имена многихъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, павшихъ на полѣ битвы. Армія въ 25.000 человекъ, подъ командою принца Евгенія съ товарищами, марша-

лами Даву и Неемъ, была атакowana неприятелемъ второе ея сильнѣе; потеряно множество орудій, и три четверти кавалеріи погибли; тѣмъ не менѣе, наши дрались съ успѣхомъ и генералы выказали столько неустрашимости и военного искусства, что количественное превосходство неприятеля не послужило ему въ пользу.

Погода внезапно смягчилась и наступила оттепель. Солдаты развели на дворѣ дома огонь и готовили ужинъ для полковника и офицеровъ. Кушанье было не важное, отварной рисъ, который мы и поѣли изъ общаго блюда, по-солдатски.

Послѣ обѣда, поразсказавъ многія подробности послѣдняго дѣла и назвавъ многихъ убитыхъ, полковникъ сказалъ, что при такомъ маломъ числѣ оставшихся отъ полка невозможно держать полковое знамя развернутымъ. Поэтому онъ послалъ звать къ себѣ старшихъ офицеровъ на военный совѣтъ. Они пришли въ числѣ восьми человекъ. Я хотѣлъ было удалиться, но полковникъ оставилъ меня въ качествѣ бывшего офицера полка. Когда кромѣ насъ никто не остался въ комнатѣ, а къ дверямъ поставленъ былъ часовой, полковникъ всталъ и объявилъ, что намѣреніе его—спасти знамя отъ опасности попасть въ руки неприятеля; потомъ онъ началъ говорить такъ:

— «Храбрые мои товарищи! Я созвалъ васъ сюда для совѣта. Съ тѣхъ поръ, что я имѣю честь вами командовать, вы постоянно поддерживали славу нашего полка. Изъ сердца Италіи я привелъ васъ въ Россійскую имперію. Отъ самаго города Бергама вы совершали исполинскіе походы, переносили небывалые труды, терпѣливо, не жалуясь, не ропща. Я только удивлялся вамъ. Нашъ славный орелъ сопровождалъ насъ, и подъ сѣнью его крыльевъ вы одерживали побѣды. Когда предшественникъ мой, графъ Гамбэнъ, вами командовалъ, императоръ, въ благодарность за Ваграмское дѣло, далъ вамъ девизъ, начертанный золотыми буквами на вашихъ знаменахъ: «1 противъ 10». Вы оправдали этотъ девизъ во всѣхъ битвахъ съ русскими, начиная отъ береговъ Нѣмана, и не въ одномъ полку не было такой убили людей, какъ въ нашемъ. Вчера и сегодня насъ поразили роковые удары, но слава осталась за нами. Кровь ваша лилась рѣкою, много вашихъ пало, все же мы отразили неприятеля. Теперь, что остается намъ дѣлать съ уцѣлѣвшею горстью людей? Прежде всего, надо позаботиться о сохраненіи императорскаго орла съ его славнымъ девизомъ. Ему уже нельзя развѣваться надъ нашими головами: я предлагаю вамъ, мои товарищи, снять орелъ

съ дrevка и спрятать въ солдатскій ранецъ, который я надѣну на себя; также и знамя снимемъ и я накрою имъ грудь свою. Тогда вы будете постоянно меня окружать, зная, что я ношу на себѣ славу полка, и если меня убьютъ, вы тогда только меня покинете, когда возьмете у меня этотъ императорскій трофей. Я спрашиваю вашего согласія на это потому, что не считаю себя вправѣ одинъ рѣшить это дѣло. Вы получили знамя и девизъ безъ меня, заслуживъ его собственнымъ мужествомъ; слѣдовательно, оно вполне принадлежитъ вамъ».

На это всѣ офицеры отвѣчали: «Мы довѣряемъ вамъ знамя, полковникъ; вы такъ же храбры, какъ былъ мужественъ графъ Гамбэнъ, который сохранилъ всѣ баталіонныя знамена ¹⁾, и мы будемъ вашими тѣлохранителями во всѣхъ опасностяхъ».

Затѣмъ стали отвинчивать орелъ, отвязали знамя, а дrevко бросили въ огонь въ топившуюся печь. Многіе изъ офицеровъ исполняли это со слезами на глазахъ. Одинъ офицеръ нарвалъ ельнику на дорогѣ и, принеся его, сказалъ: «Нашему орлу приличнѣе было бы покоиться на лаврахъ, но какъ здѣшній край не производитъ ихъ, то мы завернемъ его хотя въ вѣтви вѣчнозеленаго дерева». Сдѣлавъ это, положили орелъ въ ранецъ; полковникъ примѣрилъ ранецъ на себѣ; потомъ, сложивъ знамя, покрылъ имъ грудь. Съ этимъ сокровищемъ на сердцѣ, полковникъ обошелъ офицеровъ и обнялъ cadaго. Офицеры ушли; затѣмъ всѣ улеглись спать по лавкамъ, устроеннымъ вдоль стѣнъ горницы. Только раненый капитанъ не могъ уснуть, и стоны его по нѣскольку разъ будили насъ ²⁾.

17-го ноября въ воздухѣ носился туманъ и была сильная оттепель. Когда мы встали, полковникъ приказалъ сварить кофе; мы пили его съ ромомъ. На ту пору пришли намъ сказать, что слышны пушечные выстрѣлы. Полковникъ велѣлъ тотчасъ же готовиться къ отъѣзду. Полкъ ушелъ и я одинъ остался въ квартирѣ, не зная, ѣхать ли изъ Краснаго или выждать свой полкъ. Я вышелъ на улицу и прислушивался къ пальбѣ, а между тѣмъ послалъ денщика верхомъ узнать, что происходитъ въ городѣ.

1) Передъ походомъ, въ полку каждый баталіонъ имѣлъ по одному знамени, но потомъ велѣно оставить одно на весь полкъ, такъ какъ большее число знаменъ требовало лишнихъ солдатъ для ихъ охраны.

Авторъ.

2) Мнѣ говорили, будто на могилѣ Кутузова въ одной изъ петербургскихъ церквей выставлены французскіе орлы и на одномъ изъ нихъ девизъ: «I противъ 10».—Это требуетъ подтвержденія.

Позднѣйшее примѣчаніе автора.

Онъ скоро возвратился съ извѣстіемъ, что 1-й гренадерскій полкъ только-что вступилъ въ городъ и направляется въ нашу сторону. Нѣсколько минутъ спустя, подошелъ полкъ, но безъ музыки и барабана, такъ какъ запрещено было во время отступленія давать знать о себѣ такимъ образомъ. Я поспѣшилъ навстрѣчу полковнику, который очень радъ былъ видѣть меня при полку; я повелъ его въ мою квартиру. Солдатамъ велѣно было размѣститься по домамъ, но быть наготовѣ выступить при первой тревогѣ. Къ вечеру пальба стихла. Когда настали сумерки, солдаты, за неимѣніемъ свѣчей, зажгли лучины, которыя горѣли всю ночь. Мы легли спать, не раздваяясь, въ ожиданіи тревоги.

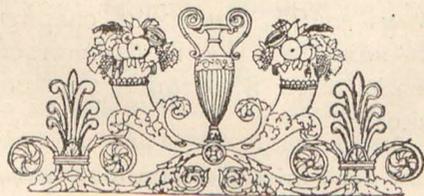
18-го ноября встали задолго до разсвѣта, раздѣлили между собою испеченный наканунѣ хлѣбъ, и отправились. Туманъ и темнота не позволяли различать предметы; встрѣчаясь съ другими полками, мы натыкались другъ на друга. Когда разсвѣло, туманъ стоялъ такой густой, что не видать было въ четырехъ шагахъ отъ себя; это очень затрудняло выходъ изъ города по извилистымъ улицамъ. Однако выбрались. На большой дорогѣ снова встрѣтились толпы, которыя встрѣчались въ прошлые дни, повторялись тѣ же сцены страданій и людей, и лошадей. Влѣво отъ насъ послышалась пальба. Полковникъ приказалъ мнѣ идти по лѣвой сторонѣ полка, съ лазаретными фургонами и нѣсколькими телѣгами, въ которыхъ везли гренадеръ, отморозившихъ себѣ ноги. Ихъ провожали походные носильщики. Мы подвигались медленно, пальба какъ-будто приближалась къ намъ. Вдругъ слышу позади себя, кто-то скачетъ верхомъ. Оглядываюсь и узнаю адъютанта. Онъ тотчасъ же обращается ко мнѣ, говоря, что искалъ меня, и проситъ тотчасъ же ѣхать назадъ на помощь брату генерала Бертезена, которому ядро разбило ногу. Я отвѣчалъ, что не могу оставить полка безъ согласія начальника. Адъютантъ тотчасъ же поспѣшилъ къ полковнику, который самъ прискакалъ сказать мнѣ, чтобы я, не мѣшая, слѣдовалъ за офицеромъ, взявъ съ собою одинъ рессорный фургонъ. Я такъ и сдѣлалъ; взялъ съ собою двухъ походныхъ носильщиковъ, а своему денщику приказалъ слѣдовать за полкомъ, такъ какъ отсутствіе мое не могло продлиться. Адъютантъ, пріѣхавшій за мною, торопясь къ генералу, отправился впередъ. По его указанію, я долженъ былъ на четвертой верстѣ взять вправо по боковой дорогѣ, по которой я и прибылъ бы къ капитану Бертезену. Дѣйствительно, на указанномъ разстояніи я увидалъ по правой рукѣ проселочную дорогу, но попасть на нее нельзя было иначе,

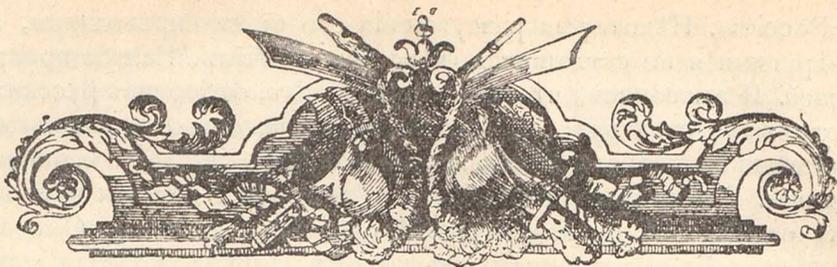
какъ черезъ глубокой ровъ, полный воды. Самъ я перескочилъ черезъ него на лошади, а фургонщику велѣлъ проѣхать дальше, поискать болѣе удобнаго перехода, а тамъ догнать меня. Вдали слышались пальба и ружейная перестрѣлка. Проѣхавъ нѣсколько впередъ, въ густомъ туманѣ, я разглядѣлъ сквозь него нѣсколько людей верхомъ, ѣхавшихъ мнѣ навстрѣчу. Предполагая, что это наши, я направился къ нимъ. Каково же было мое удивленіе, когда я услышалъ разговоръ на незнакомомъ для меня языкѣ. Я тотчасъ же вынулъ саблю и собирался повернуть назадъ, какъ четыре русскіе драгуна меня окружили. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета. Видя, что мнѣ не отбиться одному отъ четырехъ, я подалъ свою саблю, которую одинъ изъ нихъ и взялъ, тогда какъ прочіе собирались меня изрубить, онъ же не допустилъ ихъ до этого, взялъ мою лошадь за поводъ и повелъ меня къ генералу, находившемуся поблизости въ рощѣ около огня съ нѣсколькими офицерами. Я слѣзъ съ лошади и представился генералу. Онъ заговорилъ со мною по-французски, а офицеры окружили меня. Узнавъ, кто я такой и какая моя служба, онъ сказалъ: «вы можете быть намъ полезны, такъ какъ нашъ полковой лекаръ убитъ».

Генераль разспрашивалъ меня о многомъ, на что я не умѣлъ отвѣтить, между прочимъ, о принцѣ Евгеніи; но, какъ я постоянно находился впереди его корпуса, служившаго арріергардомъ при нашемъ отступленіи, то я и не зналъ о немъ ничего. Генераль приказалъ подвести ко мнѣ одного изъ раненыхъ офицеровъ, прося меня перевязать его. Это былъ красивый молодой человекъ, хорошо говорившій по-французски. Пуля пробила ему два пальца на рукѣ; я объявилъ, что ихъ надобно отнять, на что офицеръ съ трудомъ согласился. Инструменты были со мною, такъ что я могъ немедленно сдѣлать операцію. Офицеры удивились быстротѣ, съ какою я ее исполнилъ, и нашли, что ихъ прежній операторъ не такъ былъ ловокъ. Только что я перевязалъ руку офицеру, какъ замѣтилъ, что лѣвая моя рука полна крови. Сначала я принялъ ее за слѣды крови отъ раны офицера, но, взглянувъ пристальнѣе, нашель, что я самъ былъ раненъ. Странно только, что я раньше не почувствовалъ боли. Отойдя въ сторону, я перевязалъ свою рану съ помощью солдата, потомъ вернулся къ генералу. Это былъ честный воинъ, понимавшій, что непріятель только тотъ, кто вооруженъ, и потому обходился со мною ласково, такъ же, какъ и офицеры. Онъ разговорился со мною о Наполеонѣ, порицая его за войну

съ Россією. Нѣкоторыя разсужденія его были справедливы, но съ другими я не соглашался, и потому молчалъ. Пальба прекратилась. Я заключилъ, что нашъ арріергардъ, отбросивъ русскихъ, продолжалъ свой путь. Я видѣлъ, какъ нѣсколько русскихъ кавалерійскихъ полковъ удалялись по направленію къ ближайшей деревнѣ. Генераль отправился туда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, приказавъ и мнѣ слѣдовать за нимъ. Онъ вошелъ въ домъ и изъ одной изъ комнатъ вышла молодая дама, его жена, и отъ радости, что видитъ его здоровымъ и невредимымъ, бросилась обнимать его. Вскорѣ подали довольно порядочный обѣдъ. Жена генерала, казалось, заинтересовалась мною. Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, она поднесла мнѣ водки. Такъ какъ она не говорила по-французски, то я только поклонами могъ выразить ей мою признательность. За столомъ подавали отличное сладкое вино. Генераль указалъ мнѣ квартиру въ избѣ съ четырьмя офицерами. Эти господа оказывали мнѣ гостепріимство, но я не могъ съ ними бесѣдовать, такъ какъ они говорили только по-русски.

19-го ноября, вставъ отъ сна, офицеры велѣли подать самоваръ и заварили чай, котораго каждый изъ насъ выпилъ нѣсколько стакановъ, по обычаю страны. Вскорѣ потомъ меня позвали къ генералу. У дверей его стояли на часахъ два казака, а въ комнатѣ я встрѣтился съ четырьмя плѣнными офицерами-французами, которыхъ привелъ казацкій офицеръ не изъ регулярнаго полка. Генераль приказалъ всѣмъ намъ подать водки и хлѣба, потомъ объявилъ, что, по приказанію высшаго начальства, какъ тѣ офицеры, такъ и я должны его оставить, о чемъ онъ очень сожалѣетъ, но онъ прикажетъ офицеру, который насъ будетъ провожать, обращаться съ нами челоуколюбиво и велитъ посадить насъ въ сани. Потомъ онъ обратился къ офицеру и что-то строго ему наказывалъ. Можетъ быть, этому генералу мы обязаны были жизнью. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, съ которымъ генераль особенно долго говорилъ, состоялъ при особѣ маршала Нея, какъ я узналъ послѣ.

VI.

Страданія французскихъ плѣнныхъ, ихъ умерщвленіе казаками.—Монастерищи.—Мстиславль.—Миславищи.—Рославль.—Рудня.—Рухань.—Свардь.—Мглинъ.—Группы плѣнныхъ, объѣденные волками и собаками.—Квартира въ деревнѣ близъ Мглина въ крестьянской семьѣ.—Эпидемія среди плѣнныхъ и казаковъ (т.е. ратниковъ народнаго ополченія).

Мы оставили генерала въ сопровожденіи нерегулярныхъ казаковъ ¹⁾, одѣтыхъ по-крестьянски и вооруженныхъ пикою и кожаную плетью, называемою кнутомъ. Офицеровъ разсадили въ сани. Пройдя нѣсколько верстъ, пришли къ деревнѣ, и глазамъ нашимъ представилось жалостное зрѣлище: толпы плѣнныхъ французскихъ солдатъ, которыхъ окружали до тридцати казаковъ (ополченцевъ) ²⁾, занимаясь перечисленіемъ ихъ. Плѣнныхъ было слишкомъ триста человекъ всякихъ полковъ и всякаго оружія. Все это было измучено, истощено; многіе едва держались на ногахъ, другіе опирались на костыли. Имъ раздали немного сухарей изъ грубаго ржаного хлѣба. Казаки тормозили ихъ безжалостно и по временамъ били ихъ кнутомъ безъ всякой причины. Начальникъ казакскій былъ человекъ необразованный, съ грубыми замашками. Когда генераль давалъ ему приказанія, онъ стоялъ передъ нимъ во фронтѣ, какъ низшаго званія служащій. Поэтому я заключаю, что онъ очень немного значилъ. Въ первый день онъ помѣстилъ съ собою въ избѣ четырехъ офицеровъ и меня въ томъ числѣ, приказалъ сварить супъ изъ картофеля, и обѣдалъ съ нами. Мы могли объясняться только знаками, и если онъ оказывалъ намъ нѣкоторое уваженіе, то, очевидно, по приказанію генерала.

¹⁾ Безъ сомнѣнія, это были ратники народнаго ополченія.

²⁾ Авторъ вездѣ ихъ далѣе называетъ ошибочно казаками.

Товарищи моего плѣна оказались: молодой полковой лекаръ Бископъ, маіоръ Ландренъ, кирасирскій ротмистръ Баратъе и подполковникъ Бретонъ, бывший адъютантъ маршала Нея. Бретонъ былъ самый старшій изъ насъ и лѣтами, и чиномъ. Видя наше уныніе, онъ старался ободрять насъ, и собственнымъ примѣромъ поддерживалъ въ насъ мужественный взглядъ на судьбу нашу. Ко мнѣ полковникъ обнаруживалъ особенную симпатію. Увидавъ мою рану, которая теперь только стала чувствительна, онъ предложилъ мнѣ перевязывать ее самъ каждый день. Впослѣдствіи мы стали друзьями и я нашелъ въ немъ благороднаго человѣка и отличнаго офицера. Прочіе офицеры не отличались ни такими достоинствами, ни такимъ воспитаніемъ. Кирасиръ былъ порядочный музыкантъ на флейтраверсѣ; инструментъ свой онъ сохранилъ при себѣ, и, благодаря ему, мы забывали на нѣсколько минутъ свое положеніе. Разыгрываемыя кирасиромъ патріотическія пѣсни полюбились и нашему казаку. Отъ нечего дѣлать Бретонъ придумалъ вырѣзать шахматы и начертить на столахъ шахматныя доски. Мы играли и отгоняли тѣмъ скуку.

25-го ноября, вечеромъ, когда мы собирались лечь спать, вышло приказаніе отправиться въ путь. Эта ночная поѣздка удивила насъ. Подѣхали сани и мы усѣлись. Прочіе плѣнные были собраны въ колонны и казаки погоняли ихъ словами: «ступай, ступай! пошелъ!» и хлестали кнутомъ отстававшихъ. Намъ пришлось переѣзжать нѣсколько узкихъ плотинъ, по которымъ пѣшимъ людямъ трудно было пробираться между лошадей черезъ бревна, положенныя поперекъ. На каждомъ шагу несчастные спотыкались и падали. Слѣдовавшіе за ними, понукаемые казаками, давили упавшихъ. Казаки, выждавъ время, когда колонна пройдетъ, слѣзали съ лошадей, срывали съ несчастныхъ одежду и закалывали ихъ пикою. Жестокій ихъ начальникъ не мѣшалъ имъ въ этой гнусности. Мы замѣтили, что они особенно нападали на тѣхъ плѣнныхъ, у которыхъ на мундирѣ воротникъ и обшлага были изъ краснаго сукна, — видно было, что они очень имъ дорожили.

Пройдя нѣсколько верстъ, пришли на еврейскій постоялый дворъ; тутъ нашъ вожатый велѣлъ подать намъ водки и хлѣба. Между тѣмъ, со мною приключилось обстоятельство, которое могло бы навлечь на меня большую бѣду. На одномъ сапогѣ у меня отстала подошва, такъ что приходилось ступать на голую ногу. Сидя на постояломъ дворѣ, я думалъ, что непременно отморожу ногу, когда поѣдемъ дальше; а между тѣмъ помочь

бѣдѣ положительно нечѣмъ было. Въ этомъ тяжеломъ раздумѣ, смотрю, подѣ лавкою лежитъ сапогъ французскаго покроя, и съ виду кажется совсѣмъ новый. Не смѣя завладѣть имъ самовольно, я обратился къ молоденькой еврейкѣ, обитательницѣ дома, и спросилъ ее по-нѣмецки—чей это сапогъ? Она мнѣ отвѣчала, что сапогъ этотъ снятъ былъ съ французскаго плѣннаго, котораго казаки наканунѣ убили. Показавъ еврейкѣ мою босую ногу, я этимъ хотѣлъ дать ей понять, что я желалъ бы обуться въ тотъ сапогъ. Она поняла меня. Къ счастію, что никто не обращалъ на насъ вниманія въ это время. По знаку еврейки, я вышелъ въ темныя сѣни, тамъ еврейка дала мнѣ сапогъ, который оказался мнѣ въ пору, какъ бы былъ шитъ на меня. Я не зналъ, какъ довольно поблагодарить дѣвушку за это одолженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ въ этомъ случаѣ и милосердіе Промысла, пощадившаго мою жизнь.

Поѣхали далѣе, и были свидѣтелями умерщвленія многихъ нашихъ солдатъ; только насъ, офицеровъ, не трогали; да и то одинъ казакъ вздумалъ бить кнутомъ ѣхавшаго позади насъ молодого лекаря Бископа. На крики его прибѣжалъ казацкій офицеръ и своимъ кнутомъ далъ нѣсколько ударовъ этому казаку. Такимъ образомъ, прочіе казаки уже не смѣли насъ трогать, зная, что за насъ заступается ихъ начальникъ. Среди ночи прибыли въ большое село. Нашимъ бѣднымъ солдатамъ вѣрно было оставаться ночевать въ полѣ, гдѣ и разведенъ былъ огонь. Мы, между тѣмъ, оставались въ саняхъ и полагали, что тутъ и переночуемъ, однако намъ позволили вѣхаться въ деревню и ввезли во дворъ какого-то большого деревяннаго дома. Отсюда насъ ввели во флигель и дали въ наше распоряженіе одну комнату. Потомъ роздали намъ ржаного хлѣба. Можно себѣ представить, каково было у насъ на душѣ послѣ видѣнныхъ нами въ ту ночь жестокостей!

На другое утро шелъ снѣгъ. Изъ окна нашего мы видѣли, какъ входили и выходили изъ большого дома русскіе офицеры, принадлежавшіе къ регулярному войску. Двое изъ нихъ вошли къ намъ. Они обошлись съ нами учтиво и много спрашивали насъ по-французски. Бретонъ рассказалъ имъ объ ужасахъ прошедшей ночи; офицеры пришли въ негодованіе и обѣщали приказать нашему вожатому, чтобы онъ сдерживалъ своихъ казаковъ и обращался съ нами человѣколюбиво. Они тотчасъ же пошли въ другую комнату къ нему, и мы слышали ихъ громкій разговоръ. Когда эти офицеры удалились, нашъ вожатый тот-

часъ же позвалъ насъ и подалъ намъ борщъ съ хлѣбомъ и водку, присланные тѣми офицерами. Мы замѣтили, что онъ обращался съ нами уже не такъ жестко. Подѣхали сани и мы догадались, что надо снова въ дорогу. Тутъ опять не обошлось безъ грустной сцены. Выѣхавъ изъ села, мы остановились у того мѣста, гдѣ наши солдаты ночевали. Огни у нихъ погасли; казаки раздавали имъ сухари и кнутомъ отгоняли тѣхъ солдатъ, которые получили свою порцію. А когда казакамъ надоѣло раздавать каждому поодиначкѣ, тогда они бросили всю провизію въ толпу плѣнныхъ солдатъ, а тѣ голодные набросились на сухари, и кто половчѣ былъ, тому болѣе и досталось. На этомъ мѣстѣ ночлега солдатъ мы замѣтили во многихъ мѣстахъ какія-то возвышенія, прикрытыя выпавшимъ снѣгомъ и похожія на могилы. Дѣйствительно, это были тѣла погибшихъ въ эту ночь. Мы отѣхали отъ этихъ печальныхъ мѣстъ подъ казацкимъ конвоемъ, слѣдуя за саниами нашего вожатаго, ѣхавшаго на тройкѣ. Наши же солдаты, товарищи нашего злополучія, шли позади насъ, такъ что мы не знаемъ, что случилось съ тѣми, которые отставали.

Монастерищи, 24-го ноября 1812 г.

Выѣхавъ въ городъ (?) Монастерищи, мы были встрѣчены жителями очень равнодушно; но евреи со свойственною имъ жадностью къ наживѣ, несмотря на нашу явную нищету, спрашивали насъ по-нѣмецки, не купимъ ли мы у нихъ хлѣба, водки да солдатскаго платья, вѣроятно снятаго или съ живого или съ мертваго нашего солдата. Насъ помѣстили на постояломъ дворѣ вмѣстѣ съ вожатымъ нашимъ.

Только что мы вошли въ указанную для насъ комнату, какъ навѣстили насъ два русскихъ офицера и учтиво обратились къ намъ. Но мы не понимали другъ друга. Позвали хозяина-еврея въ переводчики, и черезъ него офицеры передали намъ свое приглашеніе на обѣдъ. Сперва они приказали намъ подать водки и бѣлаго хлѣба, а потомъ повели насъ въ домъ, гдѣ они квартировали. Здѣсь мы встрѣтились еще съ нѣсколькими офицерами, собравшимися принять насъ. Изъ нихъ только двое говорили немного по-французски, а всѣ выказывали столько участія къ нашему положенію, что мы отъ души благодарили ихъ. Вдобавокъ, они собрали еще между собою пятьдесятъ рублей ассигнаціями на наши нужды. Однако, Бретонъ, принявъ это пособіе, объявилъ, что раздастъ его нашимъ солдатамъ, у которыхъ недостатокъ во всемъ, особенно въ сапогахъ. Слыша это, офицеры

въ ту же минуту послали въ лавки купить дюжину парь сапогъ, и передали ихъ намъ. Эти офицеры говорили намъ, что по приѣздѣ нашемъ въ Мстиславль, куда насъ везутъ, намъ будетъ заплачено жалованье, какъ повелѣлъ императоръ Александръ. Они поручили насъ вниманію нашего вожатаго. Къ сожалѣнію, они не знали, какія неистовства совершили казаки; а мы удержались разсказать ихъ, чтобъ не навлечь на себя мести нашего вожатаго. Я всегда сожалѣлъ о томъ, что не узналъ фамилій этихъ добрыхъ офицеровъ, но великодушный ихъ поступокъ всегда останется мнѣ памятенъ. Прощаясь съ нами, они обнимали насъ. Мы возвратились ночевать на постоянный дворъ.

Полковникъ Бретонъ предупредилъ насъ, что у него есть еще въ запасѣ нѣсколько наполеондоръ, зашитыхъ въ скюртукъ, и что онъ готовъ ссудить насъ деньгами, если намъ что нужно. А офицерскія деньги онъ раздастъ несчастнымъ солдатамъ. По этому судя, видно, сколько въ немъ было благородства. На другое утро мы отправились въ путь. Наши солдаты говорили, что многіе изъ нихъ умерли въ домахъ, куда ихъ помѣстили. Погода стояла морозная; это было причиною, что многіе изъ нашихъ солдатъ отстали отъ колонны и, вѣроятно, погибли на дорогѣ.

Мстиславль, 27-го ноября.

Приѣхали въ Мстиславль, небольшой городъ, полный евреевъ. Солдатъ размѣстили по обывательскимъ домамъ, а насъ въ гостиницѣ. Нашъ полковникъ размѣнялъ одинъ наполеондоръ и велѣлъ намъ подать изрядный столъ. Вскорѣ пришли гражданскіе чиновники и объявили намъ (одинъ изъ нихъ говорилъ по-французски), что получено изъ казны для плѣнныхъ жалованье, по 50-ти коп. мѣди на офицера и по 10-ти коп. на солдата, ежедневно. Они записали наши имена и чинъ каждаго. Вожатый нашъ подалъ имъ списокъ плѣнныхъ, которыхъ ему поручили; чиновники удивились значительному недочету въ показанномъ въ списокѣ числѣ. Не понимая языка, мы могли только замѣтить, что чиновники какъ будто выговаривали что-то вожатому, и мы такимъ образомъ не узнали, сколько именно убыло у насъ людей со дня нашего путешествія.

На другой день тѣ же чиновники пришли къ намъ въ сопровожденіи солдатъ, которые несли въ рукахъ мѣшки, полные мѣдной монеты, называемой пятаками. Этою монетою намъ отсчитали каждому по пяти рублей. Вожатому нашему вручили сумму денегъ также для солдатъ. Итакъ намъ дали содержаніе

на десять дней, считая со дня плѣна. Каждый изъ насъ долженъ былъ расписаться въ полученіи денегъ, послѣ чего чиновники удалились, видимо довольные окончаніемъ скучнаго дѣла.

Какъ ни ничтожно было количество полученныхъ денегъ, однако онѣ отягощали насъ грузностью своею. Мы уже готовились накласть ихъ въ мѣшки, какъ еврей, чуткій ко всему, что можетъ клониться къ его выгодѣ, предложилъ намъ размѣнять мѣды на ассигнаціи съ платою за размѣнъ. Положенное на каждаго жалованье, какъ ни было мало, а въ складчину его было довольно для всѣхъ. Нашъ полковникъ предложилъ завѣдывать столомъ. По его просьбѣ нашъ казакъ согласился отпустить къ намъ трехъ французскихъ солдатъ для нашихъ услугъ. Одинъ изъ нихъ предложилъ себя въ повара. Закупивъ хлѣба, мяса и проч., онъ приготовилъ намъ изрядный походный обѣдъ.

28-го ноября, Мы славищи.

Отправились въ путь довольно поздно; морозъ былъ сильный. Нашъ вожатый сжалился надъ солдатами, которымъ трудно было идти пѣшкомъ, и посадилъ ихъ въ сани. Проѣхавъ большіе лѣса, прибыли въ городокъ Мы славищи. Остановились въ еврейской гостиницѣ, гдѣ и провели день.

29-го ноября выѣхали оттуда рано утромъ. Сани пріѣхали до разсвѣта и числомъ ихъ потребовали больше, оттого что число больныхъ прибывало. Въ эту ночь нѣсколько нашихъ плѣнныхъ солдатъ умерло. Былъ очень сильный морозъ. Пріѣхавъ въ деревню, помѣстились у крестьянъ, которые оказывали намъ столько же почтенія, сколько русскимъ офицерамъ. Они насъ накормили и дали пить водки. Безъ нихъ намъ было бы трудно достать что-либо поѣсть, какъ во всѣхъ деревняхъ.

30-го ноября мы поѣхали дальше. Намъ сказали, что между нашими много умерло, и многіе такъ худы, что должны вскорѣ также кончить, и ихъ оставили на мѣстѣ. Одни умирали отъ тифа, у другихъ члены были отморожены; несчастныхъ бросали въ снѣгъ, а крестьяне убивали ихъ. Насъ застигла мятелица, отъ которой многіе изъ нашихъ товарищей перемерзли. Ихъ тоже бросили въ снѣгъ. Хотя казаки уже не закалывали ихъ пиками, однако достаточно было и мороза, чтобы причинить брошеннымъ немедленную смерть. Ѣхали цѣлый день, наконецъ прибыли въ Рославль, городокъ, котораго жители съ участіемъ отнеслись къ нашимъ солдатамъ. Больныхъ отвезли въ госпиталь; остальнымъ дали приличныя квартиры, а насъ, по обыкновенію, помѣ-

стили въ еврейской гостиницѣ. Тутъ насъ накормили довольно хорошо; но евреи, которыми городъ былъ полонъ, такъ надоѣли намъ предложеніями купить у нихъ всякую всячину, что мы приуждены были запереться отъ нихъ въ своей комнатѣ.

1-го декабря (1812 г.), оставивъ въ госпиталѣ двадцать человѣкъ больныхъ солдатъ, мы отправились рано утромъ въ дальнѣйшій путь. Погода стала мягче. Проѣхавъ нѣсколько обширнымъ сосновымъ лѣсомъ, мы прибыли въ деревню Рудню, расположенную въ центрѣ его. Солдатъ размѣстили по избамъ, а насъ принялъ хозяинъ завода, нѣмецъ. Онъ тотчасъ же велѣлъ подать намъ обѣдъ, потомъ отвелъ одну комнату нашему вожатому, къ которому онъ былъ особенно внимателенъ, и двѣ комнаты рядомъ съ тою, для насъ. Мы ходили осматривать заводъ, а ввечеру, когда нашъ вожатый легъ спать, хозяинъ завода пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Живя уже давно въ Россіи, онъ сообщилъ намъ многое о мѣстныхъ обычаяхъ. Разговорившись съ нимъ, мы спросили его, отчего онъ такъ предупредителенъ къ нашему вожатому? Онъ признался, что въ качествѣ иностранца ему необходимо быть внимательнымъ къ казацкимъ офицерамъ, такъ какъ они часто позволяютъ себѣ насилія всякаго рода, особенно съ иностранцами. Онъ говорилъ намъ, что находится на службѣ у помѣщика, владѣльца завода и нѣсколькихъ деревень въ окрестности, и жалѣлъ, что намъ не придется проѣзжать черезъ ту, въ которой живетъ помѣщикъ. Какъ человѣкъ благородный и великодушный, любяшій французовъ, которыхъ у него и въ домѣ, и на фабрикахъ живетъ нѣсколько, онъ навѣрное всячески помогъ бы намъ. Мы остались очень довольны пріемомъ этого иностранца.

Оттепель продолжалась. Потребовано было для насъ большое число саней; въ нихъ разсадили многихъ нашихъ солдатъ, нѣкоторыхъ же трудно больныхъ оставили въ деревнѣ. Нѣмецъ-заводчикъ обѣщалъ позаботиться о нихъ. Мы позавтракали у него и простились. Пріѣхали въ другую деревню, расположенную также въ серединѣ сосноваго лѣса. Тутъ были желѣзо-плавильные заводы. Насъ помѣстили въ квартирѣ управляющаго имѣніемъ, поляка, съ женою и дѣтьми. Онъ принялъ насъ съ какою-то сдержанностью, однако накормилъ насъ хорошо своими національными кушаньями. Онъ очень ухаживалъ за нашимъ казакомъ, болталъ съ нимъ очень много, а съ нами обращался весьма сдержанно, какъ бы боясь показать намъ участіе. Впрочемъ, онъ не говорилъ по-французски, такъ и мы ничего не могли сказать

ему. Жена и дѣти его не выходили къ намъ. Замѣтно было, что онъ не довѣряетъ казаку, а между тѣмъ старался угождать ему. Ему онъ уступилъ свою лучшую комнату, а насъ помѣстилъ въ мастерской. Заводъ стоялъ на рѣкѣ, довольно далеко отъ дома управляющаго; однако оттуда явственно раздавались удары молота. Управляющій повелъ туда нашего казака, который потомъ возвратился съ какими-то вещами, завернутыми въ солому, вѣроятно издѣліями завода.

2-го декабря мы собрались въ дорогу довольно рано. Полякъ проводилъ казака съ низкими поклонами. Садясь въ сани, мы узнали, что на этотъ разъ никто изъ нашихъ солдатъ не остался: всѣ были въ сборѣ. При легкомъ морозѣ, солнце ярко свѣтило. Мы проѣзжали почти сплошными лѣсами. Къ вечеру прибыли въ мѣстечко Свардъ, населенное евреями. Казакъ нашъ занялъ квартиру въ одной гостиницѣ, а насъ помѣстили въ другой напротивъ, и къ дверямъ нашимъ поставили казаковъ, хотя мы не помышляли о бѣгствѣ. Евреи намъ говорили, что къ вечеру мы придемъ въ Мглинъ, и что мы проведемъ зиму въ этомъ городѣ, а не то въ его окрестностяхъ. Эту вѣсть мы приняли съ удовольствіемъ, такъ какъ уже порядочно утомились отъ продолжительной и безпокойной дороги. Я думаю, если бы она еще протянулась, то немногіе изъ насъ дожили бы до окончания нашего пути.

3-го декабря морозъ усилился. Отправились въ дорогу довольно рано. Въ этотъ день ожидало насъ печальное зрѣлище: большое число труповъ нашихъ товарищей валялось на дорогѣ, изъ чего мы заключили, что передъ нами слѣдовали еще колонны плѣнныхъ. На каждой верстѣ лежало или по одному или по нѣсколько труповъ. Одни были обнажены, другіе покрыты лохмотьями мундировъ. Около этихъ труповъ возились собаки и, когда мы проходили мимо, онѣ бросались на насъ съ лаемъ, какъ бы грозя истерзать насъ, если мы тронемъ ихъ добычу. Мы насчитали до пятидесяти тѣлъ по этой дорогѣ.

Пройдя нѣсколько лѣсовъ, пришли къ Мглину. Остановились; но одинъ вожатый нашъ вѣхалъ въ городъ, а мы еще долго оставались на дорогѣ. Наконецъ, онъ возвратился и повезъ насъ въ деревню Вергину, верстахъ въ пяти отъ Мглина. Насъ помѣстили въ крестьянской хатѣ, въ которой были двѣ горницы, но только въ одной изъ нихъ можно было оставаться; другая была не топлена. Въ этой первой горницѣ, кромѣ насъ, оставались хозяинъ избы, его жена, сестра и ребенокъ; тѣснота эта

очень насъ беспокоила. Вообще въ этой деревенькѣ мало было простору людямъ. Только что мы тутъ водворились, какъ явился хозяинъ мѣстной еврейской гостиницы съ предложеніемъ доставлять намъ каждый день всякую провизію, какую пожелаемъ. Мы съ нимъ сговорились, а поваръ нашъ приготовилъ намъ обѣдъ въ той же печи, въ которой хозяева варили свое кушанье. Вечеромъ горницу освѣтили щепками изъ смолистой сосны, втыкая ихъ въ уголь печи и часто замѣняя однѣ другими. На ночь намъ постлали на полъ соломы, и мы хорошо бы выспались, если бы не будили насъ по временамъ крики ребенка.

4-го декабря морозъ былъ весьма силенъ; было, по крайней мѣрѣ, 25° ниже 0. Окна заволокло сплошнымъ льдомъ. На утро встали безъ обыкновенной душевной тревоги, такъ какъ знали, что остаемся на мѣстѣ до весны и избавлены отъ путешествія въ такую суровую погоду.

Въ слѣдующіе дни мы такъ ужъ обжились всѣ вмѣстѣ съ крестьянскою семьею, что никто никого не стѣснялъ, насколько это было возможно. На второй день нашего пребыванія въ этой деревнѣ, нашъ казацкій офицеръ пришелъ къ намъ въ сопровожденіи переводчика-еврея, и черезъ него просилъ меня полечить нѣсколькихъ больныхъ казаковъ и ихъ унтеръ-офицера. Кромѣ того, и между нашими было много больныхъ. Меня повезли на квартиру, гдѣ стояли казаки, и я нашелъ почти всѣхъ зараженныхъ тифомъ. А между тѣмъ подъ рукою не было никакихъ медикаментовъ. Я прежде всего требовалъ перевезти больныхъ въ одно мѣсто, французовъ и казаковъ отдѣльно. Написалъ, какія нужны лекарства, также вино и уксусъ, и офицеръ хотѣлъ послать за всѣмъ этимъ въ городъ. На другой день все это было доставлено, и еще дали мнѣ фельдшера-казака въ помощники. Нашихъ было до пятнадцати солдатъ, почти всѣ уже при смерти. Между ними была и молодая женщина, вѣроятно, маркитантка, сопровождавшая ихъ въ походѣ. Я раньше не замѣтилъ ея присутствія между плѣнными, такъ какъ на ней была солдатская шинель. Эта женщина и мужъ ея лежали другъ подлѣ друга безъ памяти, и на другой день въ одно время умерли. Должно быть, казаки заразились тифомъ чрезъ платье больныхъ нашихъ солдатъ, которое они сдирали съ нихъ для своего употребленія. Четверо казаковъ испустили духъ въ страшномъ бреду, напоминавшемъ варварства, съ которыми они поступали съ нашими товарищами. Мнѣ удалось вылечить унтеръ-офицера и другихъ казаковъ, и также нѣсколько нашихъ солдатъ.

В. Шухъ.—Три монарха во время битвы при Лейпцигѣ.

По приказанію, данному изъ города, устроена была лазаретная кухня. Каждый день я раздавалъ вина, кому нужно было. Между тѣмъ, тѣла умершихъ тифомъ валялись въ кучѣ на дворѣ дома, обращеннаго въ госпиталь, и никто не заботился объ ихъ погребеніи. Мое леченіе внушило казакамъ и ихъ офицеру нѣкоторое ко мнѣ уваженіе. Увидавъ на мнѣ ветхую шинель, они принесли мнѣ другую, поновѣе, отобранную, вѣроятно, не то у живого, не то у мертваго изъ нашихъ.

Съ нѣкотораго времени, каждый день слышался по деревнѣ колокольный звонъ, и затѣмъ мимо насъ проходила погребальная процессія съ попомъ бородатымъ впереди, за которымъ слѣдовали хоругви, развѣвавшіяся по вѣтру. Занесенный солдатами нашими тифъ заразилъ мѣстныхъ обывателей, а какъ у нихъ не водится ни докторовъ и никакихъ рациональныхъ мѣръ, то болѣзнь эта похищала много жертвъ. Покойника везли обыкновенно на саняхъ, запряженныхъ волами и въ открытомъ гробѣ. Толпа крестьянъ и крестьянокъ, съ плачемъ и причитываніемъ какихъ-то словъ музыкальнымъ размѣромъ, слѣдовала за гробомъ; а въ то же время священникъ пѣлъ похоронныя молитвы. Несмотря на то, что мы довольно приглядѣлись къ смерти, это ежедневное зрѣлище наводило уныніе, особенно при видѣ несчастныхъ сиротъ, съ отчаяніемъ провожавшихъ отца или мать до могилы.

VII.

1-е января 1813 г.—Приглашеніе мглинскаго предводителя дворянства; я водворюсь въ его домѣ.—Выгоды моего положенія. — Чиновникъ, посланный императоромъ Александромъ съ предложеніемъ плѣннымъ вступить въ русскую службу съ сохраненіемъ своего чина.—Самоубійство французскаго плѣннаго.—Посѣщеніе сосѣднихъ помѣщиковъ: Скляревича, Искрицкаго, Ширяя, Рославца и графа Завадовскаго.—Домъ вельможи.—Бронзовая статуя фельдмаршала Румянцова.

Въ одно утро нашъ казакъ приводитъ къ намъ троихъ чиновниковъ, присланныхъ изъ Мглина, вслѣдствіе ежедневныхъ рапортовъ, которыхъ требовали отъ нашего вожатаго. Меня удивило, что они назвали меня по фамиліи, хотя и не говорили по-французски. Съ ними былъ переводчикъ, черезъ котораго они благодарили меня за леченіе казаковъ, потомъ объявили, что страданія наши должны кончиться, такъ какъ императоръ Александръ приказалъ обходиться съ нами челоувѣколюбиво и раздать намъ платье и шубы. Нашъ казакъ сталъ неузнаваемъ. Онъ, повидимому, опасался, что мы пожалуемся на допущенныя имъ жестокости. Чиновники обращались къ нему свысока и какъ бы съ презрѣніемъ. Потомъ намъ роздали жалованье серебряною монетою и взяли съ насъ расписку. Пожавъ намъ руки, чиновники удалились. Мы начали надѣяться на облегченіе нашей участи.

Спустя нѣсколько дней, изъ Мглина пріѣхали три плѣнныхъ французскихъ офицера. Одинъ изъ нихъ называлъ себя капитаномъ и адъютантомъ маршала Даву, какимъ-то Дюбиньи. Онъ пріѣхалъ навѣстить нашего маіора, знакомаго ему; однако, этотъ

не признавалъ его за адъютанта маршала, такъ какъ онъ зналъ его, напротивъ, простымъ унтеръ-офицеромъ. Тогда этотъ Дюбинъи сталъ увѣрять, что онъ повышенъ чиномъ во время похода, чему, однако, нашъ маіоръ плохо вѣрилъ. Какъ бы ни было, Дюбинъи объяснилъ, что, слыша о плѣнѣ и болѣзни нашего маіора, онъ сговорился съ товарищами, и, нанявъ на обшій счетъ сани, они пріѣхали подать ему помощь. Затѣмъ Дюбинъи угостилъ насъ привезеннымъ виномъ, а маіору, къ которому онъ особенно ластился, предложилъ и деньги. Эти пріѣзжіе офицеры сообщили намъ, что въ Мглинѣ находится большое число плѣнныхъ, до пятнадцати офицеровъ, включая сюда и ихъ, и одинъ полковникъ, что обыватели и, въ особенности, городскія власти и предводитель дворянства очень хорошо съ ними обращаются.

Посѣщеніе этихъ офицеровъ доставило намъ удовольствіе, подавъ надежду на поправленіе нашихъ обстоятельствъ.

Запасшись черезъ еврея нашего письменными матеріалами, мы каждый принялись за дѣло. Я взялся за продолженіе прерваннаго со дня плѣна дневника, съ помощью моихъ товарищей, которые припоминали мнѣ тотъ или другой эпизодъ послѣдняго времени. Полковникъ предался поэзіи и писалъ стихи на героическія темы изъ нашего похода. Онъ читалъ намъ свои стихи, а я читалъ имъ свой дневникъ. Музыкантъ - кирасиръ услаждалъ насъ искусною игрою на флейтраверсѣ. А въ долгіе зимніе вечера мы играли или въ карты или въ шахматы. Только маіоръ, да полковой лекарь, по болѣзни, мало участвовали въ нашихъ развлеченіяхъ и почти не вставали съ постели. Въ случаѣ недостатка въ чемъ, мы прибѣгали къ услужливости еврея, который снабжалъ насъ желаемымъ. Онъ досталъ мнѣ бѣлье. Была у меня квитанція на 500 франковъ, выданная мнѣ нашимъ полковымъ казначеемъ, но въ Россіи она не имѣла никакой цѣны; оставался у меня двойной наполеондоръ, который я зашилъ въ сукно мундира. Пришлось его размѣнять еврею, который и далъ мнѣ за него старую ассигнацію въ 25 рублей, еще невиданную никѣмъ изъ насъ, и нѣсколько серебряной монеты. Далѣе расскажу исторію этой ассигнаціи.

Спустя двѣ недѣли послѣ перваго посѣщенія, русскіе чиновники изъ Мглина вторично были у насъ. Они привезли намъ тулупы на овечьемъ мѣху и сюртуки толстаго бурога сукна. Платье это было не шегольское, но зато теплое. Отсчитавъ каждому изъ насъ приходящееся по новый годъ жалованье и взявъ съ насъ росписку, они любезно съ нами раскланялись.

Я навѣщаль госпиталь ежедневно; число больныхъ между нашими и казаками не убывало. Одинъ изъ нашихъ, въ бреду горячки, вырвался изъ госпиталя и убѣжалъ въ лѣсъ, никакъ не могли его тамъ отыскать, и, вѣроятно, его растерзали волки.

Съ нѣкоторыхъ поръ нашъ хозяинъ, особенно женщины, за что-то не влюбились насъ; когда готовили намъ обѣдъ и когда мы ѣли, онѣ смотрѣли на насъ съ отвращеніемъ. Между нашимъ поваромъ и ими постоянно были ссоры изъ-за посуды. Мы никакъ не могли догадаться о причинѣ этого неудовольствія; но когда увидали, что онѣ перестали ѣсть мясное и молочное, то поняли, что онѣ постились, по обычаю греко-россійской церкви. А такъ какъ мы имъ не подражали и не крестились, какъ онѣ, передъ образами, стоявшими у нихъ въ одномъ углу, то онѣ принимали насъ за нехристей.

Конецъ года былъ близокъ, но какъ у насъ не было календаря, то полковникъ нашъ счелъ всѣ дни со дня нашего плѣна и такимъ образомъ могъ обозначить день, въ который наступить новый годъ.

1-го января 1813 г. мы поздравили другъ друга съ новымъ годомъ. Нашъ старшій сказалъ намъ нѣсколько словъ, которыми старался внушить намъ надежду на лучшее будущее и мужество къ перенесенію настоящаго, какъ требуетъ того наша воинская честь. По его желанію, мы отпраздновали этотъ день болѣе роскошнымъ обѣдомъ. Нашъ еврей, точно догадывался, принесъ намъ замороженную козулю и довольно изряднаго французскаго вина. Мы хотѣли было предложить первый тостъ за здоровье нашего старшаго, но онъ настоялъ на томъ, чтобы провозгласить тостъ за здравіе нашего императора. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что и въ жалкой настоящей обстановкѣ: въ русской избѣ, зарытой въ снѣгу, при 30 градусахъ мороза (дѣйствительно, въ этотъ день выйти нельзя было на улицу, по причинѣ сильной стужи), подъ казацкимъ гнетомъ, мы въ новый годъ вспомнили о нашемъ императорѣ и пожелали ему здравія. Наши хозяева смотрѣли на насъ и удивлялись, не понимая, чему мы такъ восторгаемся. Изъ зрителей мы сдѣлали ихъ участниками нашихъ возліяній, и подѣлились съ ними нашимъ виномъ. Они не отказывались и, крестясь, выпивали подносимое. Сколько воспоминаній толпилось въ моей головѣ по случаю этого дня новаго года!

Ровно годъ тому, я въ этотъ день ходилъ по паркету тюльерійскаго дворца, гдѣ окружало меня императорское великолѣпіе,

какъ я описалъ это въ началѣ моего дневника ¹⁾. Нынче же сижу съ товарищами въ жалкой избѣ, подъ одною кровлею съ русскими рабами и сплю на соломѣ. Вотъ какъ измѣняется судьба человѣка, а между тѣмъ, послѣ зрѣлища гибели нашихъ братьевъ, мы могли еще почитать себя счастливыми.

Спустя нѣсколько дней, начался колокольный звонъ, не переставая ни днемъ, ни ночью. Нашъ полковникъ, имѣвшій нѣкоторое понятіе о русскомъ богослуженіи и ихъ календарь, объяснилъ намъ, что теперь у русскихъ празднуется Рождество Христово. Наши хозяева, принарядившись, ушли въ церковь, а возвратились оттуда со свѣчами; потомъ сѣли за столъ и ѣли рыбу. Передъ образомъ засвѣтили лампадку. Недѣли двѣ спустя, вошелъ къ намъ священникъ для освященія избы святою водою. Онъ далъ хозяевамъ поцѣловать крестъ, который несъ въ рукѣ, и окроплялъ и ихъ и стѣны водою. На насъ онъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на нехристей. Потомъ мѣломъ чертилъ крестики на дверяхъ и окнахъ. Крестьяне провожали священника съ низкими поклонами. Съ тѣхъ поръ, что постъ кончился, наши хозяева опять стали жить съ нами въ согласіи.

10-го января къ дверямъ нашей избы подѣхали шегольскія сани, запряженныя четверкою красивыхъ лошадей; вслѣдъ за тѣмъ вошелъ прилично одѣтый слуга и вручилъ намъ записку слѣдующаго содержанія на французскомъ языкѣ: «Покорнѣйше просятъ французскаго доктора пожаловать въ Мглинъ, для подаванія помощи заболѣвшему вчера брату предводителя дворянства, г. Скорупа».

Я скоро былъ готовъ и сталъ прощаться съ моими товарищами. Подобно мнѣ, они воображали, что я ѣду къ одному изъ первыхъ сановниковъ въ имперіи ²⁾, у котораго я могу выпросить для насъ улучшение нашего положенія. Особенно хотѣлось имъ быть переведенными въ городъ. Словомъ, въ ихъ глазахъ я былъ Іосифъ, покидающій товарищей своего заключенія, чтобы предстать предъ Фараона.

На дворѣ гудѣла вьюга при сильномъ морозѣ. Товарищи вышли проводить меня до саней, и, желая мнѣ счастливаго пути,

---

1) Часть «Дневника» де-ла-Флиза—до вступленія автора его въ Россію—нами опущена.

Ред.

2) Предводитель на французскомъ: *maréchal* — отсюда заблужденіе французъ.

Прим. перев.

позавидовали моей долѣ. Ямщикъ далъ волю лошадамъ и онѣ пустились вскачь, звеня привязаннымъ къ дугѣ колокольчикомъ. Мнѣ казалось, я лечу на облакахъ, такъ лошади обдавали меня снѣгомъ. Закутанный въ тулупъ, я не ощущалъ стужи, и почти внезапно очутился въ городѣ, котораго не могъ ранѣе замѣтить, по причинѣ мятели.

Мглинъ, хотя и уѣздный городъ, однако, такъ плохо обстроены, что скорѣе походить на деревню. Проѣхавъ его вдоль, остановились передъ довольно красивымъ деревяннымъ домомъ. Я вышелъ изъ саней и удивлялся, что не вижу у крыльца часовыхъ, которые обыкновенно ставятся у входа въ домъ маршала. Вхожу, меня встрѣчаетъ дворецкій и провожаетъ черезъ гостиную въ комнату, гдѣ представляетъ меня хозяину дома, мужчинѣ тридцати пяти лѣтъ, высокаго роста и благородной наружности, но одѣтаго въ черный фракъ. Поклонившись мнѣ, онъ повторилъ сказанное въ запискѣ, что звалъ меня для брата, и затѣмъ повелъ меня къ нему въ другую комнату. Оба говорили немного по-французски, такъ что мы понимали другъ друга. Я нашелъ въ больномъ легкое нездоровье и потому обѣщаль ему скорое выздоровленіе, съ помощью средствъ, которыя пропишу. Тутъ я узналъ также настоящее званіе господина, у котораго я находился; онъ былъ не болѣе, какъ уѣздный предводитель дворянства, — должность, равняющаяся должности подпрефекта во Франціи. Какъ начальникъ надъ всѣми плѣнными, находившимися въ Мглинѣ, онъ показалъ себя добрымъ человѣкомъ. По его приказанію были сдѣланы всѣ полезныя распоряженія относительно плѣнныхъ.

Послѣ осмотра мною больного, г. Ско рупа повелъ меня въ свой кабинетъ и предложилъ трубку. Лакей подаль мнѣ длинный чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ. Хозяинъ мой много разспрашивалъ меня о Наполеонѣ и о нашемъ отступленіи; говорилъ, что сочувствуетъ французамъ, и ко мнѣ имѣетъ такую симпатію, что желалъ бы оставить меня на житье у себя въ домѣ, и тотчасъ же повелъ меня въ комнату, которую хотѣлъ уступить мнѣ. Отъ такого приѣма я точно ожилъ. Вскорѣ наѣхали гости: чиновники, подчиненные предводителю, люди приличные, и городничій—старый гусарскій маіоръ, въ мундирѣ и съ саблею, человѣкъ честный, внимательный и добрый къ плѣннымъ. Затѣмъ явились двое изъ нашихъ товарищей: одинъ поручикъ, а другой тотъ же Дюбинъи, что приѣзжалъ къ намъ въ деревню. Оба были приняты предводителемъ съ учтивостью. Вскорѣ дворецкій

доложилъ объ обѣдѣ. Общество направилось въ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ, уставленный серебрянымъ сервизомъ. За столомъ служило нѣсколько слугъ и четыре мальчика казачка. Послѣ обѣда розданы были трубки, а хозяинъ съ городничимъ и двумя нашими офицерами сѣли играть въ бостонъ. Я, какъ неиграющій, ушелъ къ моему больному и провелъ съ нимъ вечеръ. Этотъ человѣкъ принадлежалъ къ хорошему обществу и бесѣда съ нимъ была для меня пріятна. Подали чай, потомъ довольно поздно ужинали, послѣ чего я пошелъ къ себѣ.

На другое утро, когда я, проснувшись, увидалъ себя въ хорошенькой комнатѣ, мнѣ показалось это сномъ и я хотѣлъ снова заснуть. Дворецкій принесъ мнѣ въ комнату чай и кофе и оказывалъ мнѣ большое почтеніе. Мой больной пожелалъ меня видѣть и объявилъ мнѣ, что лекарство мое ему помогло. Я очень былъ этому радъ, потому что расположеніе обоихъ братьевъ было для меня важно. Они объявили мнѣ, что отнынѣ я принадлежу имъ и что я буду жить у нихъ, какъ родной. Такъ я и поселился въ ихъ домѣ.

Каждый день предводитель принималъ гостей: въ ихъ числѣ были и наши офицеры. Вечеру играли въ карты.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, въ одно утро къ предводителю приводятъ нашего вожатаго казака арестованнымъ. Предводитель, по прочтеніи принесенныхъ казакомъ бумагъ, сталъ ему что-то строго выговаривать, послѣ чего велѣлъ снова отвести его. По уходѣ казака, предводитель разсказалъ мнѣ, что одинъ генералъ (вѣроятно тотъ самый, которому я былъ представленъ по взятіи меня въ плѣнъ) отправилъ съ казакомъ, для передачи, въ Мглинъ 320 человѣкъ французскихъ плѣнныхъ, а приведено только 130; что до него дошли слухи о жестокостяхъ, допущенныхъ казакомъ, что ему, предводителю, предстоитъ довести о томъ до свѣдѣнія императора, и что этого казака подвергнуть военному суду. Разспросивъ меня еще обо всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ, во время слѣдованія нашего въ Мглинъ, предводитель въ гнѣвѣ ударилъ по столу:

— «Этого варвара разстрѣляютъ,—говорилъ онъ,—онъ обезчестилъ русское имя, его надо примѣрно наказать за то, что онъ осмѣлился послушаться строгаго приказанія императора Александра, стараться всѣми силами спасти какъ можно болѣе плѣнныхъ».

Помня обѣщаніе, данное моимъ товарищамъ въ деревнѣ, и видя доброе расположеніе къ намъ предводителя, я рѣшился сказать ему о печальномъ ихъ положеніи въ ихъ настоящемъ мѣ-

стопробываніи. Я изобразилъ ему благородный характеръ нашего полковника Бретона; сказалъ о музыкальномъ талантѣ нашего кирасира Баратье. Предводитель согласился вызвать ихъ изъ деревни: призвалъ городничаго и поручилъ ему приготовить въ городѣ квартиры, и затѣмъ привезти сюда нашихъ.

Предводитель каждый день приглашалъ кого-нибудь изъ плѣнныхъ къ столу. Между ними были четыре испанца; къ сожалѣнію, никто не умѣлъ говорить на ихъ языкѣ. На другое утро пріѣхали и наши четыре офицера; во главѣ ихъ нашъ полковникъ со звѣздою почетнаго легіона и толстымъ эполетомъ, который онъ не надѣвалъ, пока находился между казаками; а нашъ кирасиръ съ серебряными эполетами. Ихъ приняли радушно и посадили за столъ. Вниманіе, оказываемое хозяиномъ, приводило въ восторгъ нашихъ офицеровъ. Послѣ обѣда предводитель попросилъ капитана сыграть что-нибудь на своемъ инструментѣ. Игра его чрезвычайно понравилась, и предводитель увѣрялъ, что если бы капитану вздумалось давать въ Россіи концерты, то онъ могъ бы отъ нихъ разбогатѣть. Въ свою очередь, угостилъ насъ хозяинъ спектаклемъ. Казачки его отлично плясали казачка. По его приказанію, они вышли въ залу въ богатыхъ костюмахъ и красныхъ сапогахъ, съ гитарами въ рукахъ и, акомпанируя себѣ, начали исполнять танецъ съ такимъ совершенствомъ и граціею, что и на парижской сценѣ они заслужили бы аплодисменты. Этотъ образчикъ русской хореографіи изумилъ насъ.

Понадобилось мнѣ размѣнять мою 25-тирублевую ассигнацію, данную мнѣ евреемъ. Не зная настоящей ея цѣны и опасаясь быть обманутымъ, я предпочелъ справиться у самого предводителя. Каково же было мое удивленіе, когда онъ, разсмотрѣвъ ее, призналъ ее фальшивою. Онъ рассказалъ мнѣ при этомъ, что французовъ обвиняютъ въ привозѣ въ Россію большого количества поддѣльныхъ ассигнацій, и прибавилъ, что дѣло изъ этого выйдетъ важное, если я не сумѣю указать лицо, отъ котораго эта ассигнація перешла въ мои руки. Я назвалъ еврея, давшаго мнѣ ассигнацію при свидѣтеляхъ. Предводитель взялъ ее у меня, призвалъ городничаго и велѣлъ ему, арестовавъ жида, немедленно привести его къ нему. Все это было исполнено такъ быстро, что черезъ два часа полицейскіе привели уже еврея. Сначала онъ отперся отъ дачи мнѣ этой бумаги, но я сказалъ, что свидѣтелемъ былъ также хозяинъ избы, въ которой мы жили. Предводитель велѣлъ продержать еврея въ тюрьмѣ до другого утра, а между тѣмъ позвали и крестьянина нашего. Этотъ показалъ,

что ассигнація ему знакома, такъ какъ при немъ въ гостиницѣ еврея многіе отказывались принять эту бумажку. Товарищи мои и я утверждали, что это была первая ассигнація этого достоинства, которая попалась намъ на глаза. Призвали попа и заставили крестьянина подъ присягою подтвердить, что онъ говоритъ правду. Еврей смутился и обѣщаль обнаружить, отъ кого досталась ему ассигнація; между тѣмъ, его отвели въ тюрьму.

Оставшись наединѣ со мною, предводитель объяснилъ мнѣ важность этого дѣла, что оно пахнетъ Сибирью. Взамѣнъ фальшивой бумажки онъ далъ мнѣ новую. Я не зналъ, какъ довольно благодарить его, особенно за то, что онъ избавилъ меня отъ отвѣтственности, которой я непременно подвергся бы, если бы не указалъ на еврея. Этотъ случай утвердилъ меня въ мнѣніи о жидлахъ, которые вездѣ одинаково мошенничаютъ.

Прошло нѣсколько недѣль моего пребыванія у предводителя, когда изъ Петербурга пріѣхалъ чиновникъ съ порученіемъ отъ императора Александра, и остановился въ домѣ предводителя. Чиновникъ этотъ былъ невысокаго роста господинъ, въ шитомъ мундирѣ и съ орденами. Онъ отлично говорилъ по-французски. По его приказанію, собраны были въ залу всѣ плѣнные; ставъ посреди насъ, онъ объявилъ намъ, что присланъ его величествомъ съ предложеніемъ плѣннымъ вступить въ русскую службу, такъ что тотъ, кто на это согласенъ будетъ, сохранить въ новой службѣ и чинъ свой; потомъ прочелъ намъ указъ, по которому каждому офицеру предоставлялось право продолжать прежній родъ службы, по пѣхотѣ ли, по кавалеріи или по артиллеріи.

За чтеніемъ этого указа послѣдовало общее молчаніе. Никто изъ насъ не отвѣчалъ. Заключая изъ этого, что предложеніе не принимается никѣмъ изъ плѣнныхъ, нашъ полковникъ, обращаясь къ чиновнику, началъ такъ: «Много чести оказываетъ намъ его величество, считая насъ достойными служить ему. Но честь воспрещаетъ намъ нарушать присягу, данную императору Наполеону. Мы останемся вѣчно благодарны вашему государю за его попеченія о плѣнныхъ. Когда миръ позволитъ намъ возвратиться въ наше отечество, мы поставимъ себѣ за долгъ объявлять во всеуслышаніе о челоуѣколюбіи императора Александра въ отношеніи къ плѣннымъ. Если мы и пострадали отъ жестокостей нерегулярнаго войска, то онѣ не остались безъ возмездія, и виновники ихъ были наказаны, какъ убійцы ¹⁾. Зато, когда мы встрѣ-

¹⁾ Предводитель говорилъ намъ, что императоръ велѣлъ наказать нашего казака-офицера, какъ убійцу.

Авторъ.

чались съ истинными воинами, они насъ жалѣли, какъ братьевъ, и не признавали насъ за враговъ».

Потомъ чиновникъ подозвалъ испанцевъ и сообщилъ имъ на ихъ языкѣ, что они свободны, что, по повелѣнію императора, ихъ отвезутъ въ Петербургъ, откуда они, когда будетъ возможность, могутъ отправиться на корабль въ свое отечество. Чиновникъ просилъ предводителя распорядиться о заготовленіи имъ новыхъ испанскихъ мундировъ, о награжденіи каждаго пятьюстами рублей, о покупкѣ экипажей для дороги и, наконецъ, о назначеніи чиновниковъ, которые должны сопутствовать испанцевъ и привезти ихъ прямо во дворецъ императора. Испанцы пришли въ восторгъ и со слезами на глазахъ готовы были цѣловать руки чиновника. Наши офицеры собирались уйти, но предводитель удержалъ ихъ, приглашая отобѣдать у него. Столъ былъ приготовленъ на тридцать приборовъ.

Кажется, что хозяинъ нашъ, да и пріѣзжій чиновникъ уважили наше нежеланіе служить противъ нашего отечества, равно и вѣрность нашу къ нашему государю. Нѣсколько дней спустя, мы увидѣли, какъ уѣхали испанцы въ новыхъ дорожныхъ экипажахъ, въ сопровожденіи русскихъ чиновниковъ.

Зима была на исходѣ; сани исчезли и ихъ замѣнили колесные экипажи. Наши плѣнные, просидѣвъ столько времени взаперти, стали выходить гулять по улицамъ. Но дѣти изъ простого народа позволяли себѣ ругаться надъ ними и преслѣдовали ихъ словами «французъ-капутъ» (François karout). Узнавъ о томъ, городничій велѣлъ наказать этихъ ребятъ, и если мглинское простонародье не любило насъ, то, по крайней мѣрѣ, прекратило свои оскорбленія.

Въ одно утро предводитель вошелъ ко мнѣ въ комнату и сталъ приглашать ѣхать съ нимъ по всѣмъ офицерамъ нашимъ. Мы сѣли въ коляску, а впереди насъ ѣхалъ верхомъ полицейскій солдатъ и возилъ насъ въ каждую квартиру. Первый нашъ визитъ былъ къ полковнику. Послѣ обычныхъ взаимныхъ учтивостей, предводитель предложилъ ему, не согласится ли онъ переѣхать на житье къ одному знакомому ему знатному господину, гдѣ ему будетъ оказано большое уваженіе. Онъ прибавилъ, что сдѣлаетъ подобное же предложеніе и другимъ офицерамъ, потому что въ тѣсномъ городѣ невозможно пріискать для всѣхъ хорошія квартиры. Полковникъ благодарилъ и принялъ предложеніе. Несмотря на вѣжливое обхожденіе предводителя, я замѣтилъ въ немъ въ отношеніи къ полковнику какую-то холодность.

Я не смѣлъ спросить его о причинѣ, но, когда мы поѣхали дальше, онъ самъ признался въ своей антипатіи къ этому военному. Онъ говорилъ, что читалъ въ какомъ-то французскомъ сочиненіи, что членъ конвента, по имени Эскюдье, какъ назывался и полковникъ, подалъ голосъ о казни Людовика XVI и, по его мнѣнію, это долженъ быть тотъ самый, такъ какъ ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Я не могъ ни опровергнуть, ни подтвердить этой догадки; можетъ быть, она и справедлива. Предводитель добавилъ, что, по его чувствамъ, человѣкъ, виновный въ смерти своего государя, внушаетъ ему омерзение, хотя и нѣтъ надобности тутъ выказывать это чувство. Далѣе поѣхали мы къ маіору Бретону. Къ этому предводитель имѣлъ особое уваженіе. И ему онъ сдѣлалъ предложеніе переѣхать къ помѣщику, который желалъ бы дать его въ товарищи его единственному сыну. Это предложеніе было принято съ большою благодарностью. Такимъ образомъ, объѣхавъ и прочихъ офицеровъ, предводитель всѣмъ изъ нихъ дѣлалъ предложеніе переѣхать на житѣе къ уѣзднымъ помѣщикамъ, въ томъ числѣ и мнимому капитану Дюбиньи, къ которому предводитель, неизвѣстно почему, имѣлъ особое расположеніе. Дюбиньи долженъ былъ ѣхать къ помѣщику Склевичу, превосходнѣйшему человѣку; но ему не суждено было выйти изъ Мглина.

Съ тѣхъ поръ, что погода стала хороша, наши французы по цѣлымъ днямъ разгуливали по городу. При этомъ солдаты вздумали не кланяться офицерамъ, говоря, что въ плѣну всѣ равны, нѣтъ военной подчиненности. Только одинъ Дюбиньи пожаловался на нихъ предводителю, который, по извѣстной въ Россіи военной дисциплинѣ, согласился съ нимъ и отдалъ приказаніе, чтобы солдаты непременно отдавали офицерамъ честь при встрѣчѣ съ ними. Случилось Дюбиньи встрѣтить двухъ солдатъ, которые прошли, не кланяясь; держа въ рукѣ трость, онъ съ сердцемъ побилъ ихъ. Солдаты, долго не думая, вырвали у него изъ рукъ трость и самого побили, говоря при этомъ, что они его знаютъ, что онъ не болѣе какъ унтеръ-офицеръ, которому они не обязаны кланяться. Это происшествіе разгласилось; стали наводить справки и онѣ открыли, что Дюбиньи сержантъ, служившій писаремъ въ канцеляріи маршала Даву. Не зная о томъ, мы, конечно, признавали его за того, за кого онъ выдавалъ себя, хотя теперь и объяснялось, почему Дюбиньи такъ ухаживалъ за маіоромъ: онъ хотѣлъ своими услугами склонить его къ признанію его офицеромъ. Побитые солдаты пошли всюду разглашать,

что Дюбиньи не офицеръ, такъ что жившій съ нимъ на одной квартирѣ поручикъ выгналъ его отъ себя, говоря, что онъ можетъ раздѣлять свое помѣщеніе только съ равнымъ себѣ. Эти слова привели Дюбиньи въ отчаяніе. Укладывая свои вещи въ чемоданъ, онъ вынулъ бритву и порѣзалъ свое горло такъ, что залился кровью, прежде нежели офицеръ успѣлъ это замѣтить. Призвали городничаго, и съ перваго взгляда казалось, будто поручикъ вслѣдствіе ссоры зарѣзалъ Дюбиньи, но, какъ этотъ еще въ силахъ былъ сказать нѣсколько словъ, то онъ объявилъ, что убилъ себя самъ, и спустя нѣсколько часовъ, умеръ. Это событіе насъ огорчило, и самъ предводитель пожалѣлъ о Дюбиньи, который сумѣлъ ему понравиться, такъ что не проходило дня, чтобы онъ не позвалъ его поиграть съ нимъ въ бостонъ.

Едва Дюбиньи скончался, какъ пришли доложить предводителю, что въ прудѣ у мельницы нашли утонувшаго француза, и именно того солдата, который служилъ покойному Дюбиньи и съ которымъ этотъ поссорился изъ-за подозрѣнія, что онъ самозванный офицеръ. Ссорясь, они вышли изъ квартиры и направились къ мельницѣ, гдѣ между ними произошла драка, послѣ чего Дюбиньи сбросилъ солдата въ воду. Мельникъ, свидѣтель этого случая, опасаясь за себя, спрятался и не хотѣлъ дать знать полиціи. Выслушавъ это донесеніе, предводитель отправился на мѣсто происшествія, взявъ меня съ собою для освидѣтельствованія трупа утопленника. Оказались дѣйствительно слѣды ушибовъ въ голову. Предводитель не сомнѣвался, что несчастный погибъ насильственною смертью отъ руки того, кому онъ служилъ, и поэтому нашель, что послѣ этого преступленія Дюбиньи только и оставалось, что зарѣзаться. «А я почиталъ его за честнаго воина, прибавилъ предводитель, впрочемъ, не слѣдуетъ довѣрять рыжимъ, какимъ былъ Дюбиньи».

Вскорѣ всѣ офицеры были развезены по помѣщикамъ, у которыхъ они пользовались всѣми удобствами жизни и вниманіемъ окружающихъ.

Къ концу марта мѣсяца 1813 г., братъ предводителя, который давно уже выздоровѣлъ и нѣсколько разъ уѣзжалъ въ свою деревню Молодково, въ десяти верстахъ отъ Мглина, пріѣхалъ оттуда съ извѣстіемъ, что въ его деревнѣ между крестьянами распространился тифъ, отъ котораго многіе умираютъ, и просилъ брата отпустить меня съ нимъ для леченія больныхъ. Предводитель согласился, тѣмъ болѣе, что самъ имѣлъ надобность ѣхать въ свою деревню Алефино, въ сорока верстахъ оттуда, въ Стародубскомъ уѣздѣ.

На другое утро подали двѣ коляски. Предводитель уѣхалъ въ одну сторону, а мы—въ другую. Путь нашъ лежалъ по большой дорогѣ, по которой мы пришли въ Мглинъ, и на всемъ пространствѣ были разсыяны объѣденные волками и собаками трупы нашихъ солдатъ. Впрочемъ, какъ говорилъ Скорупа, крестьянамъ приказано было около его деревни вырыть большую яму для погребенія остатковъ несчастнаго народа; а надъ могилою онъ хотѣлъ поставить крестъ. «Французы—христиане, говорилъ онъ—поэтому нельзя ихъ погребать какъ скотовъ. Но наши крестьяне, продолжалъ онъ, еще грубы и невѣжественны; они увѣрены, что кто не русскій тотъ нехристь и называютъ нѣмцами (т. е. нѣмыми) всѣхъ иностранцевъ безъ разбора, въ особенности нашихъ сосѣдей германцевъ, и вотъ чему надо приписать ихъ жестокость въ отношеніи къ французамъ. Крестьяне, входящіе въ составъ войска, обыкновенно выбираются помѣщиками изъ самыхъ негодныхъ людей, часто даже преступныхъ; вотъ почему необходимо держать ихъ въ строжайшей дисциплинѣ. Благодаря ей, регулярныя войска не виноваты въ такихъ жестокостяхъ, какія позволили себѣ наскоро набранные и вооруженные люди, съ ихъ импровизованными офицерами, не имѣющими понятія о воинской чести».

Бдучи далѣе, мы встрѣтили телѣги, нагруженныя трупами и направлявшіяся къ ямѣ, куда надлежало ихъ зарыть. Зловоніе и самый видъ этихъ труповъ заставляли г. Скорупу затыкать носъ и отворачивать глаза; впрочемъ, онъ приказалъ гнать лошадей сколько возможно, чтобы намъ оставить позади себя эту ужасную процессію.

Проѣхавъ еще большой сосновый лѣсъ, мы прибыли въ Молодково, за которымъ находился деревенскій господскій домъ. Жилище это было скромное по наружности и не обширное. Къ нему примыкали службы, образовавшія большой дворъ. Больные, числомъ двадцать человекъ, помѣщались въ большой избѣ со свѣтлыми окнами, вблизи винокуреннаго завода. Я тотчасъ же навѣстилъ ихъ и прописалъ лекарства, которыя были со мною. Мнѣ помогала фельдшеръ изъ евреевъ. Однако, нѣсколько больныхъ такъ ужъ были худы, что они умерли, спустя нѣсколько часовъ. Недѣли черезъ двѣ, мало-по-малу выздоровѣли остальные.

Насталъ Великій постъ, который г. Скорупа наблюдалъ довольно исправно; но какъ ему извѣстно было, что французскіе военные люди издавна освобождены отъ поста, то онъ приказалъ приготовить для меня особый столъ. Вообще, подобно

брату своему, онъ оказывалъ мнѣ много добраго расположенія. Не взирая на нашу уединенную жизнь, такъ какъ никто не заѣзжалъ въ нашу лѣсную глушь, мы прогоняли скуку въ разговорахъ, иногда очень занимательныхъ, и засиживались въ этой бесѣдѣ часто до глубокой ночи. Видя въ усадьбѣ большую стаю гончихъ собакъ и замѣтивъ въ одной изъ комнатъ большое собраніе ружей, я догадался, что хозяинъ мой—охотникъ. Въ одно утро онъ предложилъ мнѣ сопровождать его на охоту съ борзыми собаками, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Насъ провожали егеря въ зеленыхъ кафтанахъ, державшіе на сворѣ гончихъ и борзыхъ собакъ. Приѣхали въ лѣсъ, въ которомъ довольно большое пространство было обтянуто сѣтью. Мы остановились на опушкѣ лѣса. Вскорѣ лѣсъ огласился шумомъ множества голосовъ: это крестьяне съ крикомъ сгоняли звѣря въ сѣть. Егеря и я заняли мѣста противъ лѣса въ ожиданіи звѣря. Вдругъ изъ лѣса выскакиваютъ два волка; тотчасъ же на нихъ спустили двухъ борзыхъ, и вслѣдъ за ними поскакали и егеря; я за ними. Послѣ долгой скачки во весь духъ черезъ вспаханныя поля, мы прискакали къ мѣсту, гдѣ собаки, нагнавъ волковъ, начали терзать ихъ. Отгнавъ плетью собакъ, егеря спѣшили и добились волковъ своими охотничьими ножами, потомъ отрубили у нихъ лапы и бросили собакамъ. Послѣ этой удачи, мы возвратились въ лѣсъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько зайцевъ, удиравшихъ въ поле; за ними снова погнались, и троихъ изъ нихъ собаки поймали; отобравъ ихъ у собакъ, егеря привѣсили зайцевъ къ сѣдлу и воротились къ намъ. Звуками рожка созвали всѣхъ, и людей и собакъ, и собрались было ѣхать во-свояси, какъ пришли крестьяне объявить, что они видѣли въ лѣсу человѣческой трупъ, обѣденный волками. Г. Скорупа изъявилъ желаніе убѣдиться въ находкѣ самому, и мы воротились въ лѣсъ. Тутъ вскорѣ насъ привели къ болоту, гдѣ увидали только верхнюю часть человѣческаго трупа съ оторванными руками и обезображеннымъ лицомъ. Только по короткимъ волосамъ можно было догадаться, что это останки француза. Мы были поражены. Трудно было объяснить, здѣсь ли именно попался несчастный въ добычу волкамъ или волки занесли сюда трупъ съ большой дороги, что было вѣроятнѣе, такъ какъ едва ли кто-либо изъ нашихъ отважился бы углубляться въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ никакой дороги. Сколько такихъ бѣдственныхъ случаевъ, никому невѣдомыхъ, выпали на долю нашимъ бѣднымъ воинамъ! Г. Скорупа приказалъ своимъ людямъ и этотъ трупъ свезти въ общую могилу прежде зарытыхъ труповъ.

Приближаясь на обратномъ пути къ деревнѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ еще одного грустнаго зрѣлища. Повернувъ на проселочную дорогу, г. Скорупа остановился передъ кабакомъ, съ намѣреніемъ приказать раздать водку крестьянамъ, сопровождавшимъ насъ на охотѣ. У входа въ кабакъ я замѣтилъ валявшимися два человѣческихъ черепа. Я обратилъ на нихъ вниманіе г. Скорупа, который призвалъ кабатчика и велѣлъ ему объяснить, что значать эти черепа. Онъ разсказалъ, что разъ зимою, ночью, въ кабакъ постучались два солдата нѣмца (т.-е. иностранцы), а люди, сидѣвшіе въ кабакѣ, убили ихъ; тѣла волки съѣли а остались однѣ головы. Я замѣтилъ, что разсказчикъ при этомъ ухмылялся. Г. Скорупа передалъ мнѣ этотъ разсказъ, повторяя, что русскіе крестьяне по большей части еще свирѣпы. И эти головы онъ велѣлъ зарыть въ извѣстную общую могилу жертвъ варварства нецивилизованнаго народа.

Спустя нѣсколько дней, г. Скорупа повелъ меня къ возвышенію, сдѣланному надъ могильною ямою, чтобы отслужить панихиду по усопшимъ. Г. Скорупа говорилъ, что священникъ не хотѣлъ было служить панихиды по нехристямъ, но серьезно не смѣлъ отказать въ этомъ. Поступокъ г. Скорупа обнаруживалъ въ немъ человѣка религіознаго, но не фанатика, и я радовался знакомству и дружбѣ такого благороднаго человѣка.

Постъ подходилъ къ концу; наступала Пасха. Въ Страстную субботу г. Скорупа повелъ меня въ деревенскую церковь, гдѣ я впервые увидѣлъ грекороссійское богослуженіе. Церковь была деревянная и маленькая съ отдѣльною колокольнею. Мы стали на возвышенное мѣсто за рѣшеткою, которая отдѣляла насъ отъ толпы крестьянъ, наполнявшей середину церкви. Всѣ держали въ рукѣ по зажженной свѣчкѣ. Священникъ въ парчевой ризѣ началъ служеніе обще съ діакономъ, читая молитвы и безпрестанно крестясь, чему подражали и молящіеся. Нѣсколько часовъ сряду читали евангеліе, съ перерывами, послѣ которыхъ, я замѣтилъ, каждый прилѣплялъ къ зажженной свѣчѣ восковой шарикъ, ведя такимъ образомъ счетъ прочитаннымъ евангеліямъ. Въ полночь загудѣли колокола, возвѣщая воскресеніе Христова. Къ намъ подошелъ священникъ и сталъ цѣловать насъ по три раза, говоря: «Христось воскресь!», на что слѣдовало отвѣчать: «воистину воскресь!»

На другое утро рано г. Скорупа разбудилъ меня, зовя въ церковь. Мы поѣхали, ради торжества, въ коляскѣ шестерней,— нужды нѣтъ, что церковь находилась не далѣе нѣсколькихъ са-

женъ. Отстоявъ обѣдню, продолжавшуюся два часа, какъ всѣ вообще богослуженія у русскихъ очень продолжительны, мы возвратились домой. Здѣсь въ залѣ накрытъ былъ большой столъ со всякаго рода съѣстнымъ. Пришелъ священникъ, прочиталъ молитвы и окропилъ столъ святою водою.

Къ столу приглашены были управляющій имѣніемъ, полякъ, и еще разные приказчики. Хозяинъ началъ цѣлованіе съ меня, поднося мнѣ крашенныя яйца, и потомъ съ тѣмъ же цѣлованіемъ обошелъ каждого, не исключая и слугъ. Потомъ стали разгавливаться всякимъ скоромнымъ кушаньемъ, запрещеннымъ во время поста.

Послѣ праздниковъ Пасхи, г. Скорупа намѣревался навѣстить нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, отъ чего я не отказался. Онъ предупредилъ меня, что мы пробудемъ въ отсутствіи около двухъ недѣль и что первый нашъ визитъ будетъ къ г. Складревичу, съ которымъ я познакомился въ Мглинѣ у предводителя. Этотъ господинъ въ то время оказывалъ мнѣ много расположенія и звалъ меня къ себѣ въ деревню.

Въ прекрасное весеннее утро сѣли мы въ коляску шестерней и, проѣхавъ двадцать верстъ деревнями и березовыми рощами, прибыли въ Костеничи къ г. Складревичу, который поблагодарилъ своего гостя за то, что онъ и меня привезъ. Это былъ средняго роста мужчина 40 лѣтъ, пріятной наружности и очень полный. У него было пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему шелъ 14-й годъ. Небольшой его домъ былъ хорошо расположенъ, и комнаты меблированы со вкусомъ. Напротивъ былъ домъ, предназначенный для пребыванія гостей. Я нашелъ здѣсь и нашего маіора Ландрена, котораго хозяинъ принялъ на мѣсто Дюбиньи. Наѣхали сосѣди, между прочими два господина Лишины, съ которыми я познакомился. Вообще всѣ оказывали мнѣ учтивость и радушіе, забывая, что я иностранецъ и бывший непріятель. Обѣдъ былъ не роскошный, но вкусный, особенно хороши показались мнѣ національные ликеры. Послѣ обѣда гуляли въ обширномъ саду, богатомъ всякаго рода фруктовыми деревьями, яблоками, грушами, сливами и вишнями. Я не думалъ, чтобы они могли выдержать мѣстный климатъ. Послѣ прогулки, всѣ сѣли за игру въ бостонъ. Я остался наединѣ съ маіоромъ. Мы поговорили о Дюбиньи, и маіоръ не сомнѣвался, что это онъ убилъ солдата, такъ какъ онъ грозилъ ему этимъ, если онъ проговорится насчетъ его настоящаго званія. Слѣдовательно, если

1806 годъ. НАПОЛЕОНЪ подь Фридландомъ.

Съ картины Мейсонье.

бы онъ самъ не зарѣзался, то его разстрѣляли бы. Игра въ карты продолжалась до глубокой ночи. Послѣ ужина, хозяинъ самъ повелъ гостей въ ихъ комнаты. Мы пробыли у него двое сутокъ и все время эти господа только и дѣлали, что играли въ карты.

Отсюда мы отправились въ имѣніе Ляличъ къ графу Завадовскому. Съ нами поѣхалъ и одинъ изъ господъ Лишиныхъ. Мы проѣхали около 20 верстъ, когда по дорогѣ нашей потянулась, верстъ на пятнадцать, кирпичная стѣна, которою обнесенъ былъ лѣсъ, полный краснаго звѣря: оленей, кабановъ и козуль. Вдали на горѣ виднѣлись высокія зданія и большая церковь. Наконецъ, проѣхавъ село съ дрянными избами и бѣднымъ крестьянскимъ населеніемъ въ рубищѣ и лаптяхъ, мы очутились въ аллеѣ, усаженной большими деревьями, которая привела насъ въ нѣчто похожее на городокъ съ каменными красивой архитектуры домами въ нѣсколько этажей, съ зелеными крышами. Вскорѣ мы подъѣхали къ красивому дворцу въ три этажа съ колоннами и зеркальными окнами изъ цѣльнаго стекла. Насъ встрѣтили дворецкій и множество слугъ въ ливреѣ съ золотымъ галуномъ и повели въ залу, украшенную мраморными статуями и историческими картинами, между прочимъ, и портретомъ кардинала Ришелье.

Доложили графу о нашемъ приѣздѣ. Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ вышли два наши офицера, поручикъ Ларокъ, изъ хорошей фамиліи, знакомый мнѣ по походу, и кирасирскій капитанъ Баратье. Оба были приняты въ домъ гостепріимнымъ графомъ, и не могли нахвалиться его обхожденіемъ. Заставивъ насъ довольно долго прождать, графъ, наконецъ, вышелъ. Съ особенною привѣтливостью встрѣтилъ онъ г. Скорупу, вѣроятно, коротко ему знакомаго. Графъ былъ молодой человѣкъ высокаго роста, рябой; на немъ былъ черный фракъ. Г. Скорупа представилъ меня графу, который сказалъ мнѣ нѣсколько словъ отличнымъ французскимъ языкомъ. Посадивъ насъ, графъ заговорилъ уже по-русски. Потомъ приѣхали еще сосѣдніе помѣщики, между ними г. Искрицкій ¹⁾, которому графъ оказывалъ особое предпочтеніе. Передъ обѣдомъ подали на серебрѣ закуску, затѣмъ сѣли за столъ. Насъ было двадцать человѣкъ. Я сѣлъ между нашими офицерами. Во время стола на хорахъ играла музыка. Столъ былъ чисто французскій; вина самыя лучшія, а за десертомъ удивлялся я множеству ананасовъ, во Франціи совер-

1) Отецъ декабриста.

шенно неизвѣстныхъ. Эти плоды разводили въ графскихъ оранжереяхъ. Общаго разговора на было, а какъ всѣ между собой говорили по-русски, то мнѣ оставалось только бесѣдовать съ моими товарищами.

Послѣ обѣда мы прошли черезъ нѣсколько комнатъ съ позолоченною мебелью, и остановились въ гостиной, гдѣ разставлены были зеленые столы. Тутъ всѣ сѣли за игру, кромѣ насъ, французовъ. Мои товарищи увели меня, чтобъ показать мнѣ всѣ чудеса графскаго дома. Я насчиталъ въ немъ до ста комнатъ. Въ такъ называемой Аполлоновой залѣ висѣлъ портретъ императрицы Екатерины II во весь ростъ, въ великолѣпной рамѣ съ императорскою короною. Другая зала, Лукуллова, была обита гобеленовыми обоями, изображавшими мифологическія сцены,—это былъ подарокъ императрицы. Кругомъ стояли дорогія мраморныя статуи. Почти вездѣ развѣшаны были картины первыхъ мастеровъ; цѣнность имъ полагали въ сто тысячъ рублей. Меблировка всѣхъ этихъ комнатъ и нѣсколько полинявшая штофная матерія доказывали принадлежность свою прошлому вѣку. Отецъ графа, какъ сказывалъ мнѣ Скляревичъ, былъ однимъ изъ любимцевъ Екатерины II. Это былъ человекъ ученый и краснорѣчивый. Онъ началъ поприще свое съ военной службы подъ начальствомъ фельдмаршала графа П. А. Румянцева. Ни одно правительственное дѣйствіе не совершилось безъ его участія. Онъ былъ статсъ-секретаремъ, а впоследствии и министромъ народнаго просвѣщенія. Не болѣе года прошло со дня его кончины ¹⁾. Далѣе мы осмотрѣли великолѣпную русскую церковь; образа иконостаса были писаны въ Италіи; одинъ изъ нихъ, изображеніе Богородицы, былъ портретъ графини Завадской, славившейся своею красотою. Заходили въ большую оранжерею, состоящую изъ цѣлой аллеи столѣтнихъ померанцовыхъ деревьевъ, полныхъ плодовъ; отсюда перешли въ теплицу, гдѣ разводились ананасы, этотъ тропическій плодъ. Погуляли и въ паркѣ около большого искусственнаго пруда, но какъ весна еще не вполне установилась, то прогулка эта, не развлекаемая пѣніемъ соловья, не могла еще представить большого удовольствія. Зато мы полюбовались бронзовою колоссальною статуею Румянцева, поставленною посреди колоннады въ самомъ паркѣ.

---

¹⁾ Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій умеръ 10-го января 1812 г.
Ред.

Сумерки приближались, такъ что мы принуждены были возвратиться въ домъ. Оттуда слышалась музыка, которая играла все время, пока общество играло въ карты. Оркестромъ управлялъ итальянецъ-капельмейстеръ. Послѣдній попросилъ нашего Баратье сыграть соло изъ пьесы «Толедскій слѣпецъ», и игра его такъ очаровала играющихъ, что они на время оставили игру. Послѣ роскошнаго ужина снова сѣли за карты, а мы, не играющие, удалились въ отведенныя намъ прекрасныя комнаты.

На другой день встали очень поздно. Кофе на серебряномъ сервизѣ подали намъ въ комнаты. Послѣ, когда все общество собралось въ гостиной, мы узнали, что графъ проигралъ очень много денегъ Скорупѣ и Скляревичу.

Г. Искрицкій пригласилъ г. Скорупу и меня въ свою деревню, сосѣднюю съ Ляличами, куда и графъ собирался съ господами де-Ларокъ и Баратье. Графъ еще не выходилъ изъ своихъ комнатъ. Тѣмъ временемъ г. Искрицкій разговорился съ нами, французами. Такъ какъ я во все время пребыванія моего у братьевъ Скорупа не слыхалъ ни слова о политикѣ, и они не получали даже газетъ, явно не интересуясь происходящимъ въ свѣтѣ, то мнѣ и товарищамъ моимъ очень пріятно было, когда изъ разговора г. Искрицкаго увидали, что онъ посвященъ въ политическія дѣла посредствомъ различныхъ получаемыхъ имъ журналовъ. Нѣсколько сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ показывали, какъ любопытно было ему слышать подробности о Наполеонѣ и московскомъ походѣ изъ устъ француза. Но и мы любопытствовали знать, что происходило въ промежутокъ времени, что мы находились въ плѣну. Г. Искрицкій рассказалъ намъ трагическій переходъ французовъ черезъ Березину, бѣдствія отступавшей арміи и все, что происходило послѣ битвы у Краснаго. Г. Искрицкій ненавидѣлъ Наполеона. Вотъ что онъ сказалъ о немъ въ заключеніе:

«Въ началѣ московскаго похода до Смоленска всѣ операціонныя дѣйствія Наполеона доказывали его знаніе дѣла и военный гений; но какъ скоро онъ вздумалъ двинуться на Москву, такъ онъ нарушилъ самыя элементарныя начала искусства, потому что малѣйшая неудача грозила повлечь за собою цѣлую катастрофу, по причинѣ слишкомъ отважной цѣли. Къ чему было ему оставаться въ Москвѣ безъ всякой славы, когда, напротивъ, приближеніе зимы должно бы заставить его удалиться? И характера русскаго Наполеонъ не зналъ, тогда какъ наше отечество тѣмъ и сильно, что его защищаетъ не только климатъ, но и неизмѣн-

ный обычай народа жечь города и селенія, чтобы не допустить непріятеля до захвата его земли. А какъ назвать это забвеніе всѣхъ предосторожностей для обезпеченія отступленія? Храбрая армія по его винѣ погибла отъ стужи и голода». Затѣмъ г. Искрицкій намъ сообщилъ, что Наполеонъ, этотъ бѣглець, какъ онъ его называлъ, находился уже въ Парижѣ съ 20-го прошлаго декабря, и декретомъ повелѣлъ произвести новый наборъ въ 250 тысячъ человѣкъ, намѣреваясь предпринять вторую кампанію.

Тутъ же мы узнали, что остатки французской арміи очистили Пруссію 20-го января. Императоръ Александръ обратился съ прокламаціею къ германскимъ народамъ, призывая ихъ свергнуть иго Франціи; Пруссія возобновила союзъ съ Россіею, и войска обѣихъ державъ незадолго передъ тѣмъ заняли Дрезденъ. Швеція тоже заключила союзъ съ Англіею противъ Наполеона. Всего болѣе удивило насъ извѣстіе, что бурбонскій принцъ, какой-то Людовикъ XVIII, существованія котораго мы и не подозрѣвали, обратился къ Европѣ съ объявленіемъ, что онъ готовится вступить на престоль своихъ предковъ. Всѣ эти извѣстія навели на насъ страшное уныніе, и будущее тревожило насъ. Тутъ г. Искрицкій насъ оставилъ, спѣша домой въ свою деревню приготовить все для нашего приѣзда.

Наконецъ, графъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, и насъ позвали къ завтраку. Графъ былъ на этотъ разъ любезенъ съ нами, не такъ, какъ наканунѣ, и рассказалъ намъ, что находился въ походѣ 1812 г., въ качествѣ адъютанта генерала Кутузова; называлъ намъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, но, не въ состояніи будучи долѣе переносить тяжелый походъ, онъ вышелъ въ отставку.

Стали собираться къ отъѣзду. Подали новомодную коляску на высокихъ рессорахъ, запряженную шестеркою великолѣпныхъ лошадей графскаго знаменитаго въ краѣ завода, и еще нѣсколько экипажей. Графъ взялъ съ собою г. Скорупу, а г. Скляревичъ и я сѣли въ другой экипажъ. Несмотря на дождь и грязь, лошади провезли насъ очень скоро, разстояніе въ 25 верстъ. Мы въѣхали въ село, получше обстроенное, нежели Ляличи, и крестьяне здѣшніе казались не столь бѣдными. Остановились передъ деревяннымъ домомъ, выкрашеннымъ желтою краскою, въ одинъ этажъ и со множествомъ большихъ оконъ. Г. Искрицкій спустился къ намъ по свѣтлой лѣстницѣ и ввелъ въ домъ. Проводивъ насъ по нѣсколькимъ покоямъ со скромною меблировкою, хозяинъ ввелъ насъ въ комнату, гдѣ мы встрѣтились съ дамами.

Со дня моего прибытія въ Мглинь я еще не встрѣчался съ женщинами. Господа Скорупа были не женаты и въ общество ихъ дамы не появлялись; Сκληревичъ былъ вдовъ, и графъ Завадовскій не женатъ. Г. Искрицкій тоже былъ холостъ, а дамы, встрѣтившія насъ, были его мать, три сестры и родственницы.

Г. Искрицкій, мужчина подъ сорокъ лѣтъ, росту средняго, съ благородною фізіономією, былъ отлично образованъ, говорилъ по-французски хорошо, такъ же чисто, какъ мы, французы; когда-то онъ занималъ важную должность въ сенатѣ. Онъ представилъ насъ матери и сестрамъ. Первая, женщина хорошаго тона, уже въ лѣтахъ, обошлась съ нами весьма любезно; она не очень бѣгло говорила по-французски, однако мы понимали ее. Старшая ея дочь, 25 лѣтъ, и вторая—20-ти, не будучи красивы, имѣли въ себѣ много привлекательнаго; но вполне красавицею была младшая дочь, 20-ти лѣтъ прелестная блондинка. Всѣ три сестры были одѣты одинаково и довольно нарядно. Онѣ хотя и говорили по-французски, но съ нѣмецкимъ акцентомъ. Мнѣ страннымъ казалось находиться въ женскомъ обществѣ. Я давно встрѣчалъ однихъ только мужчинъ и воображалъ, что нѣтъ женскаго полу между русскими дворянами (!?). Дѣвицы Искрицкія были очень предупредительны къ гостямъ, особенно къ графу, посѣщеніе котораго, казалось, очень льстило имъ. Все же онѣ не пренебрегали и нами, а удостоивали насъ своимъ разговоромъ. Отвыкнувъ отъ общества дамъ, мы старались припомнить нашу французскую любезность; но кто изъ насъ лѣзъ изъ кожи, чтобы выказать свою грацію, такъ это кирасиръ Баратье. Онъ отпускалъ напыщенные комплименты, возбуждавшіе веселость общества. Подали обычную закуску и различныя водки въ графинахъ, на которыхъ были приклеены билетки, какъ на аптекарскихъ склянкахъ. Вскорѣ доложили объ обѣдѣ; графъ подаль руку госпожѣ Искрицкой, прочіе господа дѣвицамъ, и капитанъ Баратье не упустилъ случая тоже подставить свой локоть дамѣ. Столъ отличался обиліемъ національныхъ блюдъ, но далеко не былъ такъ роскошенъ, какъ графскій. Дамы сѣли по одну сторону стола, а мужчины по другую, не по французскому обычаю, по которому мужчины садятся между двухъ дамъ. Пили шампанское за здоровье графа, а онъ предложилъ обществу тостъ въ честь хозяйки. Вставая изъ-за стола, каждый обратился лицомъ къ образу, висѣвшему въ одномъ углу залы, и крестился. Мужчины повели своихъ дамъ въ гостиную, куда подали кофе и ва-

ренья на нѣсколькихъ тарелочкахъ; на каждой тарелочкѣ было по одной ложкѣ. Открыли зеленые столы въ сосѣдней комнатѣ, и мужчины отправились туда, оставивъ дамъ. Мы, французы, не удалялись. Капитанъ Баратье вздумалъ возобновить свои любезности; онъ объявилъ себя обожателемъ женскаго пола, рабомъ женщинъ; говорилъ такъ восторженно о чувствѣ, которое онъ будетъ питать къ дамѣ своего сердца, что возбудилъ въ дамахъ искренній смѣхъ. Онѣ, я думаю, еще не встрѣчали такого страстнаго селадона. Однако, опасаясь, чтобы онъ не зашелъ слишкомъ далеко въ своей болтовнѣ, я подошелъ къ старшей дѣвицѣ и шепнулъ ей, что обожатель женщинъ въ то же время отличѣйшій музыкантъ, и склонилъ ее попросить его сыграть. Едва эта просьба была выражена, какъ Баратье пошелъ за своимъ инструментомъ. Игра его оказалась, дѣйствительно, лучше его любовнаго бреда. Онъ переходилъ отъ нѣжной мелодіи къ веселой, воинственной и производилъ ими большой эффектъ. Его очень благодарили за доставленное удовольствіе. Между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ продолжалась игра на огромныя суммы. Столы были завалены золотомъ и ассигнаціями. Ужинали очень поздно, потомъ отвели насъ въ отдѣльный флигель, гдѣ были приготовлены постели, и каждому изъ насъ дали по слугѣ.

На другой день, мы только встали нѣсколько ранѣе другихъ; прочее же общество, проигравъ всю ночь, еще спало и собиралось выйти не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ. Между тѣмъ, мы пошли гулять въ большой садъ, въ которомъ были длинныя липовыя аллеи, хотя деревья еще едва распускались. Пришли намъ сказать, что все общество собралось въ столовой къ завтраку. Мы нашли тутъ мужчинъ и дамъ. Г. Скорупа сказалъ мнѣ, что надо собираться въ путь, чтобы поспѣть до вечера къ помѣщику Ширяю.

Раскланявшись съ обществомъ и поблагодаривъ г. Искрицкаго за гостепрѣимство, я послѣдовалъ за г. Скорупою. Съ нами ѣхалъ также г. Складяревичъ. На полдорогѣ мы остановились въ большой еврейской харчевнѣ, чтобы накормить лошадей; а сами пили чай. Проѣхавъ еще 25 верстъ и нѣсколько деревень, принадлежавшихъ г. Ширяю, богатому землевладѣльцу, мы прибыли вечеромъ въ село Гордѣвку, и подѣхали къ дому въ два этажа. Окна и лѣстница были ярко освѣщены. Въ передней встрѣтилъ насъ хозяинъ, которому я былъ представленъ, какъ докторъ. Пройдя съ нами нѣсколько скромно мебелированныхъ комнатъ, хозяинъ ввелъ насъ въ большую гостиную. Здѣсь мы

нашли многочисленное общество мужчинъ и дамъ. Г. Ширяй представилъ насъ своей супругѣ, занимавшей съ другими дамами большой диванъ. Господа Скорупа и Скляревичъ подошли къ ней и поцѣловали у нея руку. Г. Ширяй былъ мужчина средняго роста, лѣтъ сорока и очень красный въ лицѣ. На немъ былъ изящный голубой фракъ, но манеры его были простоватыя, что не мѣшало ему оказывать мнѣ учтивость. Жена его, немногимъ моложе его, но еще красивая собою, не отличалась наряднымъ туалетомъ. У нея были сынъ и дочь, 13-ти и 14-ти лѣтъ. Она посадила насъ около себя и вступила въ разговоръ съ г. Скорупою на русскомъ языкѣ. Я догадывался, что она спрашивала обо мнѣ; потомъ она обратилась ко мнѣ, говоря мнѣ по-французски, что въ домѣ ихъ живетъ французскій полковникъ Эскюдье, который не вышелъ потому, что боленъ. Она отзывалась о немъ съ большою похвалою. Я замѣтилъ, что многіе изъ общества съ любопытствомъ меня разсматривали, но никто не обратился ко мнѣ ни съ единымъ словомъ. Общество состояло изъ 70—80 человекъ, на половину поляковъ. Такъ какъ я ни съ кѣмъ не говорилъ, то мнѣ оставалось только одно, дѣлать наблюденія. Мужчинъ было нѣсколько менѣе числомъ, нежели женщинъ; тутъ были разные возрасты, разные костюмы и разныя состоянія и, можно сказать, разныя степени образованія,—смѣсь, нерѣдко встрѣчающаяся въ провинціи. Пожилые поляки были въ усахъ, одѣты въ кафтаны съ откинутыми на плечи рукавами и въ желтыхъ или въ красныхъ сапогахъ; но молодежь польская щеголяла во французскомъ фракѣ и шелковыхъ чулкахъ. Русскіе же, какъ пожилые, такъ и молодые, носили фраки всякихъ цвѣтовъ, но старомодные и высокіе, такъ называемые суворовскіе, сапоги съ шелковою кистью напередѣ. Изъ военныхъ были только три офицера въ мундирахъ. Вообще русскіе обходились безцеремонно, а поляки отличались предупредительностью. Между русскими и польскими дамами замѣчалась тоже не малая разница. Первые, особенно не молодыя уже, сидѣли чинно на креслахъ вдоль стѣнъ. Платья на нихъ были темнаго цвѣта; волосы спрятаны подъ головнымъ уборомъ; на шеѣ никакихъ украшеній. Большая часть изъ нихъ отличалась дородностью. Онѣ или молчали угрюмо, или говорили другъ съ другомъ вполголоса. Зато старыя польки щеголяли туалетомъ не по лѣтамъ, и очень живо между собою болтали. Онѣ были одѣты декольте, по тогдашней модѣ, и выказывали чрезмѣрные и устарѣлыя прелести. На шеѣ носили жемчугъ или бриллыанты. Подъ

кружевными косынками, завязанными у подбородка, видѣлись густые, завитые волоса, или природные, или фальшивые. Лица у многихъ были набѣлены и нарумянены. Платья на этихъ дамахъ были яркихъ цвѣтовъ, или краснаго, или зеленаго, по тогдашней модѣ, а сверхъ платья надѣты были на нихъ кашемировыя шали, въ которыхъ онѣ кутали свои черезъ-чуръ пластичныя по причинѣ узкихъ юбокъ формы.

Перейду теперь къ русскимъ и польскимъ дѣвицамъ. Почти всѣ были хорошенькія, всѣ говорили по-французски получше маменекъ; у всѣхъ почти глаза были голубые или сѣрые; темно-русые или черные волосы, заплетенные въ косы, которыя положены были вокругъ головы и прикрѣплялись черепаховымъ съ золотыми украшеніями гребнемъ; передніе же волосы были завиты и придерживались у висковъ крошечными гребешками; это очень шло къ милымъ личикамъ. Узкія и почти прозрачныя платья выказывали прелестныя формы и давали дѣвицамъ видъ олимпійскихъ богинь. Польки были граціознѣе въ движеніяхъ и походкѣ, и сложены стройнѣе, нежели русскія. Мнѣ показалось, что онѣ посмѣивались надъ послѣдними, вѣроятно надъ ихъ туалетомъ, который уступалъ ихъ собственному. Однако, и между русскими были и красивыя и нарядныя. Онѣ тоже сходились въ кучку, перешептывались и громкимъ смѣхомъ заявляли, что и онѣ умѣютъ находить слабыя стороны въ своихъ соперницахъ. Мои наблюденія простирались и на нравственныя стороны общества, состоявшаго изъ двухъ сосѣднихъ и одноплеменныхъ націй, но вмѣстѣ съ тѣмъ и враждебныхъ другъ другу. Русскіе помнили старинныя гоненія поляковъ, а этимъ памятно было ихъ мщеніе. Поляки были въ отчаяніи, что подпали подъ иго презираемыхъ ими враговъ, но не смѣли обнаруживать своей злобы, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлось скорого освобожденія. Наружно они, напротивъ, показывали желаніе сойтись. Въ этомъ обществѣ происходила какъ бы комедія, въ которой каждый игралъ какую-нибудь роль, потому что во всѣхъ ихъ взаимныхъ учтивостяхъ не было и тѣни правды. Русскіе косились на поляковъ за ихъ преимущество въ свѣтскомъ тонѣ и образованіи, не нравился имъ и костюмъ польскій, рѣзко выставившій ихъ національность. Но и надъ щегольствомъ польскихъ юношей они втихомолку посмѣивались. Между дамами обѣихъ націй происходилъ такой же разладъ. Пуще всего гнѣвались русскія маменьки на своихъ сыновей и ихъ молодыхъ товарищей за то, что они ухаживали и увивались около польскихъ дѣвицъ. Правда, что эти дѣвицы об-

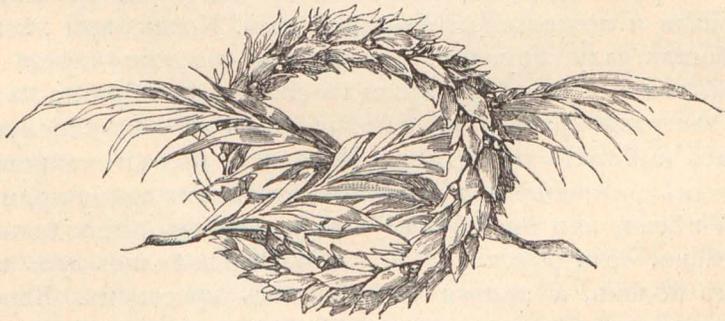
ладали, кромѣ свойственной имъ притягательной силы, также умомъ, и такимъ образомъ вдвойне увлекали молодыхъ людей. Польскія матери, въ свою очередь, косо посматривали на свою молодежь, если она увлекалась русскими красавицами, и намеренно говорила съ ними по-русски. Каждое слово на этомъ ненавистномъ языкѣ, доходя до ихъ слуха, приводило ихъ въ гнѣвъ. И, несмотря на всѣ эти поводы къ презрѣнію, къ ненависти и отвращенію, каждый скрывалъ свои мысли подъ личиною лести и любезности, которая въ состояніи была обмануть непривычный глазъ насчетъ истинныхъ чувствъ общества. Только любовныя объясненія могли считаться искренними.

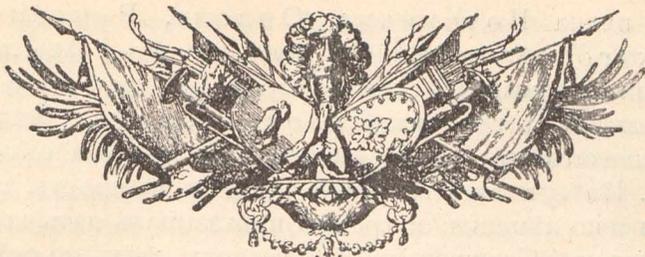
Вскорѣ въ столовой подали самоваръ и всѣхъ позвали къ чаю. Хозяйка любезно старалась услужить каждому. Къ концу чая, въ сосѣдней залѣ раздалась музыка. Всѣ отправились туда и разсѣлись по стульямъ, разставленнымъ какъ для театральнаго представленія. Когда всѣ заняли свои мѣста, на сцену вышли четверо дѣвушекъ 14-ти и 15-ти лѣтъ, крѣпостныя г. Ширия; онѣ были одѣты казачками и тотчасъ же начали оживленную пляску, восхитившую все общество. Затѣмъ онѣ удалились и, немного погодя, воротились въ другихъ костюмахъ; двѣ изъ нихъ были одѣты въ сарафанахъ и въ кокошникахъ, двѣ другія мальчицами въ русской свиткѣ, обшитой золотымъ галуномъ, въ красной бархатной шапкѣ и въ красныхъ сапогахъ со шпорами. Онѣ протанцевали національный русскій танецъ, который поэтому и не удостоился отъ польской половины общества такихъ похвалъ, какъ казачекъ. Послѣ этого представленія, стулья были убраны и молодежь открыла балъ. Онъ начался съ полонеза, въ которомъ участвовали и пожилые мужчины и дамы. Когда пары нѣсколько разъ обошли залу кругомъ, продолжая шествіе черезъ другія комнаты, каждый кавалеръ привелъ свою даму обратно на мѣсто; затѣмъ заиграли краковякъ, и молодежь, точно вострепнувшись, бросилась выбирать себѣ дамъ. Поляки и польки танцевали съ особеннымъ увлеченіемъ и совершенствомъ; къ танцу примѣшали веселья пѣсни, что еще болѣе наэлектризовало молодежь, и не удивительно, если русскіе молодые люди влюбились тутъ въ прелестныхъ полекъ, а поляки въ русскихъ красавицъ. Впрочемъ, свадьбы между обѣими недружелюбными націями—не рѣдкость.

Позвали къ ужину. Онъ былъ накрытъ въ столовой, большой комнатѣ, лишенной всякаго украшенія, какъ и всѣ прочія комнаты. Столы были разставлены покоемъ и такъ узки, что я удивлялся тѣснотѣ, которая отъ этого происходила для сидѣвшихъ

другъ противъ друга. И тутъ мужчины сѣли по одну сторону, а дамы по другую. Я замѣтилъ, что музыканты оркестра были служителями дома, такъ какъ они служили намъ за ужиномъ. Ужинъ былъ обильный, но далеко не изысканный. Когда встали изъ-за стола, каждый, перекрестившись передъ образомъ, пошелъ благодарить хозяйку дома. Танцы продолжались и послѣ ужина, когда служители успѣли убрать со стола и сами поужинать. Зато послѣ музыка своими нестройными звуками обличала слишкомъ усердное утоленіе жажды музыкантовъ. Но это не мѣшало молодежи съ новыми силами предаваться танцамъ почти до утра.

Господа Скорупа и Скляревичъ, чувствуя большую склонность отдаться морфею, предложили и мнѣ послѣдовать ихъ примѣру. Я согласился, и насъ повели въ сосѣдній флигель, гдѣ по сторонамъ коридора расположены были нумерованныя комнаты, какъ въ какомъ-нибудь отелѣ. Это были комнаты, назначенныя для гостей. Каждому изъ насъ дали по одной комнатѣ съ постелью. На другое утро хотѣлось мнѣ повидать нашего полковника. Онъ находился въ этомъ же флигелѣ и очень былъ радъ моему приходу, тѣмъ болѣе, что я подаль ему совѣтъ насчетъ его здоровья. Но онъ не въ состояніи былъ много говорить, и потому я удалился. Нѣкоторые гости уѣхали домой прямо съ бала, другіе, переночевавъ, собирались уѣхать; такъ что къ завтраку оставались только человѣкъ двадцать, да и тѣ должны были скоро ѣхать.

VII.

Когда г. Ширяй отпустилъ всѣхъ своихъ гостей, онъ взялъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ подлѣ себя и сказалъ, что очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ, такъ какъ онъ имѣетъ надобность посовѣтоваться со мною насчетъ его больного брата, уже двадцать пять лѣтъ умалишеннаго. Онъ разсказалъ мнѣ, что ихъ было только два брата, состояніе ихъ слѣдовало раздѣлить между ними поровну, если бы не помѣшательство его старшаго брата, нѣкогда служившаго при дворѣ императрицы Екатерины II. Съ тѣхъ поръ, что братъ его лишился разсудка, онъ содержитъ его въ отдѣльномъ строеніи, гдѣ къ нему приставлены сторожа, надзирающіе за нимъ и днемъ и ночью. Г. Ширяй полагалъ, что, спустя столько лѣтъ, выздоровленіе брата его невѣроятно, и доктора признали его неизлечимымъ. Но для того, чтобы состояніе ихъ перешло въ его руки, необходимо медицинское удостовѣреніе черниговскаго физиката въ неизличимости больного, — удостовѣреніе, которое долженъ подтвердить и губернаторъ. Для этого надлежитъ больного везти въ Черниговъ; между тѣмъ, въ настоящую пору помѣшанный еще и нездоровъ; такъ въ состояніи ли онъ будетъ совершить путешествіе въ двѣсти верстъ? И г. Ширяй повелъ меня затѣмъ къ брату.

Я нашелъ въ немъ мужчину очень похожаго на брата своего, и только годомъ его моложе. На немъ былъ халатъ, котораго онъ не замѣнялъ другимъ платьемъ во всѣ двадцать-пять лѣтъ. При входѣ моемъ, онъ вѣжливо подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-французски о здоровьѣ императрицы Екатерины; упрашивалъ меня увѣрить ея величество въ преданности ея слуги, такъ какъ мнѣ она непременно повѣритъ. Я не зналъ, что сказать. Онъ, между тѣмъ, продолжалъ болтать свое о временахъ Екатерины:

называлъ имена Потемкина, Орлова, Румянцева, Завадовскаго; потомъ увѣрялъ меня, что изъ всѣхъ любимцевъ государыни, я самый для нея дорогой. Говорилъ, что наканунѣ онъ завтракалъ съ графомъ Орловымъ, и что черезъ два часа графъ привезетъ ему указъ императрицы о пожалованіи его въ канцлеры. Но тутъ онъ внезапно пришелъ въ ярость, заговорилъ по-русски и по-нѣмецки, и громко приказывалъ дать кому-то 600 ударовъ розогъ. Стихнувъ понемногу, онъ снялъ со стѣны скрипку и заигралъ недурно, насколько осталось у него прежняго музыкальнаго таланта. Изъ всего, что я могъ примѣтить, я заключилъ о полнѣйшемъ помѣшательствѣ, въ связи съ неотступнымъ воспоминаніемъ объ императрицѣ Екатеринѣ.

По желанію г. Ширяя, я произвелъ діагнозъ состоянія здоровья больного, который не противился этому испытанію, и я нашелъ, что онъ расположенъ къ водяной. Мы хотѣли уже идти, какъ онъ снова подозвалъ меня, называя меня государыни любимцемъ, и просилъ увѣрить императрицу въ его преданности.

Когда мы вышли отъ него, г. Ширяй спросилъ меня, какъ я нашелъ его брата. Я отвѣчалъ, что надѣюсь облегчить его положеніе, а что касается до желаемой поѣздки въ Черниговъ, то, благодаря хорошей весенней погодѣ, больной легко выдержитъ это путешествіе, кромѣ того, что оно можетъ еще принести ему пользу. Онъ признался мнѣ, что было время, когда братъ его казался въ такой опасности и такъ близокъ къ концу своему, что онъ уже велѣлъ приготовить все нужное для его погребенія. Онъ повелъ меня въ чуланъ, гдѣ все это было собрано: бархатный пунцовый гробъ съ позолотою, парчевый покровъ, погребальныя свѣчи, служительскіе траурные плащи и круглыя шляпы съ широкими полями и чернымъ крепомъ. Видъ этихъ предметовъ такъ меня поразилъ, что я подумалъ, ужъ не зараженъ ли и другой братъ нѣкоторымъ помѣшательствомъ?

Въ тотъ же день г. Ширяй и жена его предложили мнѣ ѣхать съ ними въ Черниговъ, но какъ я не могъ дать согласія безъ вѣдома г. Скорупы, то послѣдній и разрѣшилъ мнѣ ѣхать съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи изъ Чернигова, ѣхать опять къ нему. На другое утро гг. Скорупа и Скляревичъ выѣхали изъ имѣнія г. Ширяя, а я остался при немъ.

Дѣлались приготовленія къ дорогѣ. Больного надлежало посадить въ карету съ тремя слугами. Жена г. Ширяя ѣхала съ дѣтьми въ одной коляскѣ, а самъ онъ со мною въ другой. За нами слѣдовали еще люди въ разныхъ повозкахъ. Взято было

двадцать восемь почтовых лошадей. Немало труда стоило одѣть больного въ непривычное для него платье. Такъ какъ онъ упрямылся, то прибѣгли къ выдумкѣ. Сочинили мнимый указъ императрицы, которымъ она жаловала его въ канцлеры, одѣли родственника дома въ старый генеральскій костюмъ и, давъ ему въ помощь нѣсколько солдатъ, стоявшихъ въ деревнѣ на квартирахъ, впустили его къ больному съ сочиненнымъ указомъ и заставили сказать, что императрица требуетъ его немедленно въ Петербургъ. Больной распечаталъ указъ, прочелъ его и готовъ былъ тотчасъ ѣхать. Но какъ онъ все-таки не хотѣлъ одѣваться, то приказано было солдатамъ, въ видѣ угрозы, ударить ружьями объ полъ. Стукъ этотъ испугалъ больного; онъ присмирѣлъ и далъ себя одѣть. Въ дорогъ не разъ нападало на него бѣшенство и приходилось его укрощать. Но зато прохожимъ онъ не давалъ покоя, ругая встрѣчнаго всякими словами. По временамъ онъ успокаивался и смотрѣлъ молча на встрѣчавшіеся предметы. Разъ утромъ, при смѣнѣ лошадей въ какомъ-то городкѣ, одинъ обыватель съ любопытствомъ осматривалъ остановившіеся экипажи. Глядя на первую карету, онъ не воображалъ, конечно, какого рода особа въ ней заключена; какъ вдругъ помѣшанный напустился на него съ самыми обидными ругательствами. Тотъ вознегодовалъ, объявляя, что онъ дворянинъ и почетное лицо, и велитъ его арестовать. Съ трудомъ увѣрили мы этого господина, что тотъ, кто его ругаетъ, — сумасшедшій. Послѣ нѣсколькихъ другихъ подобныхъ случаевъ, мы прибыли въ Черниговъ.

Губернаторъ и съ нимъ члены физиката посѣтили больного. Спустя три дня, готово было и законное свидѣтельство о гражданской смерти брата г. Ширяя, и послѣ новыхъ сопротивлений больного, мы привезли его обратно въ Гордѣвку. Меня очень благодарили за мои услуги и проводили затѣмъ въ Мглинъ.

Предводитель и братъ его обрадовались моему возвращенію и, нѣсколько недѣль сряду, мы провели въ городѣ. Въ это время, въ одно утро, подъѣзжаетъ къ предводителю въ каретѣ шестернею пожилой полякъ, по фамиліи Галинскій, одѣтый въ свой національный костюмъ. Какъ мнѣ рассказывали послѣ, онъ пріѣзжалъ благодарить предводителя за донесеніе, сдѣланное этимъ императору Александру о томъ, что черезъ уѣздный городъ, находящійся въ его вѣдѣніи, и мимо его дома провозили награбленное казаками, по приказанію графа Петра Гудовича, въ имѣніи Галинскаго всякаго рода имущество. Я расскажу этотъ случай такъ, какъ передавали его мнѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 г. графу Николаю Гудовичу поручено было набрать до 40,000 людей въ ополченіе, въ имѣніяхъ помѣщиковъ Черниговской губерніи, и назначить офицерами въ этотъ корпусъ нѣсколькихъ дворянъ. Въ то время употреблялись всевозможные способы для отраженія французовъ, и всякій, по желанію, могъ вступить въ партизаны. Такимъ образомъ, братъ Николая Гудовича, генераль-маіоръ Петръ Гудовичъ, вызвался быть его помощникомъ и назвалъ себя дежурнымъ генераломъ. Какъ ни просты были обмундировка и вооруженіе этого ополченія, однако, все-таки, нельзя было его устроить въ очень короткое время; къ тому же недоставало лошадей. Оттого, когда фельдмаршаломъ Кутузовымъ повелѣно было графу Николаю Гудовичу въ назначенный имъ день быть въ Могилевѣ для того, чтобы помѣшать отступленію французовъ, графъ рѣшился съ 30,000 набранными казаками двинуться по назначенію, предоставляя брату пополнить это число 10 тысячами и затѣмъ присоединиться къ нему. Такъ и было сдѣлано. Но едва младшій Гудовичъ вступилъ съ войскомъ своимъ въ Литву, какъ началъ грабить польскихъ помѣщиковъ, обирая ихъ дочиста и отправляя награбленное въ свое имѣніе, лежавшее за Мглиномъ. Тутъ было все: оружіе, серебро, мебель, экипажи, съѣстные припасы, водка, стада, заводскія лошади, полотна и сукна фабричныя и т. д. Между прочимъ, похищена была дорогая, украшенная брильянтами сабля въ 60 тысячъ рублей, даръ Петра Великаго дѣду Галинскаго, подъ предлогомъ, что она можетъ послужить оружіемъ противъ русскихъ. Офицеры ополченія не отставали отъ своего начальника и также безсовѣстно грабили на свою руку. Г. Галинскій исчислилъ предводителю всѣ свои потери, предлогомъ этого грабежа служило намѣреніе не оставлять ничего въ добычу французамъ и помѣшать полякамъ въ поданіи помощи непріятелю; но вѣдь Галинскій былъ преданъ императору Александру и четверо его сыновей служили въ гвардіи; наконецъ, весь его образъ дѣйствія въ трудномъ положеніи, въ которомъ находились поляки, угрожаемые и французами и русскими, не обнаружилъ и тѣни измѣны съ его стороны. Какъ бы ни было, въ настоящихъ обстоятельствахъ для Галинскаго важно было свидѣтельство графа Гудовича, что въ помѣстьяхъ его не было сдѣлано никакихъ приготовленій для приѣма французовъ. Но графъ отнѣкивался, не давалъ свидѣтельства, по крайней мѣрѣ, по извѣстной жадности своей, согласился дать его только съ однимъ условіемъ, чтобы Галинскій отдалъ

ему десять пудовъ своего серебра. Гудовичъ воображалъ, что Галинскій станетъ просить уступки, и очень удивился, когда тотъ согласился на условіе, не сдѣлавъ ни одного возраженія. Бумага была подписана и серебро доставлено. Но когда при вѣшаніи серебра оказался недостатокъ въ нѣсколько фунтовъ, которые графъ требовалъ пополнить, то Галинскій заплатилъ деньгами дѣйность недостающаго. Все это происходило въ имѣніи Галинскаго, въ его домѣ, которымъ графъ завладѣлъ. Наконецъ, графъ уѣхалъ, а Галинскій со свидѣтельствомъ отправился въ другое свое имѣніе. Тутъ онъ замѣтилъ, что въ свидѣтельствѣ недоставало какой-то формальности. Предвидя, что графъ и эту даромъ не выполнитъ, онъ надѣлъ на палецъ дорогой перстень въ пять тысячъ рублей, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ графу. Изъ опасенія какой-нибудь новой плутни, Галинскій, не слѣзая съ лошади, просилъ вызвать графа на балконъ, но графъ, какъ и ожидалъ того Галинскій, не согласился исправить свидѣтельство. Тогда Галинскій обѣщалъ подарить ему перстень, если онъ исполнитъ его просьбу. Графъ взялъ бумагу, а когда вернулся съ нею, не хотѣлъ давать ее Галинскому прежде, нежели этотъ не вручитъ ему перстня; наконецъ, оба обмѣнялись тѣмъ, что держали въ рукахъ. Галинскій отъѣхалъ на нѣкоторое разстояніе, потомъ сталъ и громко закричалъ Гудовичу: «Прощай, графъ, теперь ты въ моихъ рукахъ: черезъ эту бумагу мнѣ воротятъ все то, что ты у меня награлъ». И затѣмъ онъ уускалъ.

Гг. Скорупа обошлись съ Галинскимъ съ большимъ уваженіемъ; онъ пробылъ у нихъ цѣлый день. По отъѣздѣ его, предводитель, рассказавъ мнѣ, какъ дѣло было, прибавилъ:

«Трудно повѣрить, что этотъ графъ, который низостями своими безчеститъ русское дворянство, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ достойнѣйшей фамиліи, члены которой служили государству съ отличіемъ и преданностію. У него пять братьевъ. Старшій былъ генераль-адъютантомъ при особѣ Петра III, и былъ чрезвычайно ему преданъ; другой, фельдмаршалъ, побѣдитель при Анапѣ; третій, генераль-лейтенантъ, живетъ въ отставкѣ въ нашемъ уѣздѣ, мы уважаемъ его глубоко за честный и прямой его характеръ; четвертый тотъ, что въ Могилевѣ, безъ вѣдома котораго братъ его поступилъ такъ безсовѣстно съ Галинскимъ. Но онъ будетъ строго наказанъ. Говорятъ, будто императоръ Александръ сказалъ, что онъ заслуживаетъ висѣлицы; онъ будетъ разжалованъ; изъ имѣнія его будетъ выплачено

все награбленное у Галинскаго, а остальное перейдетъ къ братьямъ его»

6-го мая г. Скорупа получилъ отъ жены г. Ширяя письмо, въ которомъ она просила его отпустить меня къ ней для поданія помощи ея заболѣвшему мужу. Присланъ былъ и экипажъ. Г. Скорупа просилъ меня отправиться немедленно. Къ вечеру я уже былъ въ Гордѣвкѣ. Я нашелъ домъ освѣщеннымъ, почти какъ въ день бала, но это освѣщеніе было похоронное.

Я вошелъ въ залу, въ которой стоялъ катафалкъ, окруженный множествомъ зажженныхъ свѣчей. Въ гробу лежало тѣло покойнаго, одѣтаго въ бѣлый гвардейскій мундиръ, и надъ нимъ священникъ читалъ молитвы. Полъ былъ устланъ ельникомъ, и много крестьянъ толпилось въ залѣ. Вдова съ семействомъ своимъ удалась въ сосѣднее имѣніе, а за ними послѣдоваль и полковникъ Эскюдье. Меня принялъ дворецкій и еще какіе-то незнакомые мнѣ господа, съ которыми меня посадили ужинать. Мнѣ рассказали, что покойникъ умеръ наканунѣ отъ удара, послѣ посѣщенія черниговскаго архіепископа, который былъ возведенъ въ санъ петербургскаго митрополита. Проѣздомъ въ столицу, это духовное лицо остановилось въ имѣніи г. Ширяя, съ которымъ оно было въ дружбѣ. Хозяинъ угошалъ его и свиту въ теченіе трехъ дней; потомъ проводилъ гостей до первой станціи. Но едва архіепископъ отѣхалъ, какъ съ г. Ширяемъ случился ударъ. Его повезли домой еще съ признаками жизни, а черезъ нѣсколько часовъ, несмотря на поданную мѣстнымъ врачомъ помощь, онъ умеръ. Такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя имъ для брата похоронныя приготовленія были употреблены для него.

Я навѣстилъ помѣшаннаго Ширяя и нашелъ его въ лучшемъ состояніи здоровья. Какъ въ первый разъ, онъ признавалъ меня за фаворита Екатерины и повторилъ тѣ же сцены мономаніи. Онъ понятія не имѣлъ о смерти брата.

На другой день я возвратился въ Мглинъ, но не засталъ тамъ господъ Скорупа; оба брата уѣхали на свадьбу къ какимъ-то сосѣдямъ. Дворецкому было приказано быть внимательнымъ ко мнѣ, и этотъ полякъ служилъ мнѣ, какъ бы я былъ его баринъ. Нѣсколько дней я провелъ одинъ, навѣщая только нашихъ офицеровъ, съ которыми прогуливался по городу. Одинъ изъ нашихъ, квартировавшій у богатаго купца ¹⁾, выучился у него читать по-

¹⁾ Этотъ купецъ торговалъ пенькою, которой очень много выдѣлываютъ въ Малороссіи; каждая деревня тамъ окружена конопляными полями. Было время, особенно, когда англичане не утвердились еще въ Восточной Индіи, эта статья

русски, и мало-по-малу въ состояніи былъ разговаривать съ своимъ хозяиномъ. Эготъ же купецъ то и дѣло, что рассказывалъ ему разные ужасы о войнѣ. То Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ и въ цѣпяхъ привезенъ въ Москву, то будто ему оторвало ногу ядромъ, то онъ застрѣлился, наконецъ, маршалы Ней, Макдональдъ, Викторъ и другіе убиты, и проч. и проч. Я, конечно, успокоилъ офицера, зная очень хорошо, что все это были выдумки. Въ домъ г. Скорупа извѣстія доходили вѣрныя.

Въ одно утро, гуляя съ товарищами по улицѣ, я услыхалъ звонъ колокольчика дорожнаго экипажа; а какъ мы уже прошли улицу, откуда раздавался звонъ, то я полюбопытствовалъ посмотреть, кто бы это пріѣхалъ въ городъ, не господинъ ли Скорупа, и воротился.

Дѣйствительно, это былъ онъ: я узналъ его коляску. Увидавъ меня, онъ подозвалъ меня и сказалъ, что пріѣзжалъ за мною, но, не заставъ меня, поѣхалъ было одинъ, а именно къ сосѣднему помѣщику г. Рославцу, съ которымъ хотѣлъ меня познакомить. Я отвѣчалъ, что, не будучи прилично одѣтъ, не могу въ сію минуту ѣхать съ нимъ. Тогда онъ возвратился со мною домой, гдѣ я облекся въ мундиръ, послѣ чего мы поѣхали. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, какъ о причинѣ послѣдствій, измѣнившихъ мою участь. Если бы не звонъ колокольчика, который заставилъ меня воротиться, я не имѣлъ бы случая познакомиться съ семействомъ, черезъ чье покровительство миновала для меня опасность дальней ссылки и положеніе мое значительно улучшилось. Такъ иногда въ жизни человѣческой какое-нибудь ничтожнѣйшее обстоятельство влечетъ за собою перемѣну судьбы.

15-го мая (1813 г.), проѣхавъ верстъ пятнадцать, прибыли мы въ большое село, на концѣ котораго стоялъ старинный господскій домъ, въ два этажа, осѣняемый высокими деревьями. Мы вѣхали въ большой дворъ, окруженный службами и различными

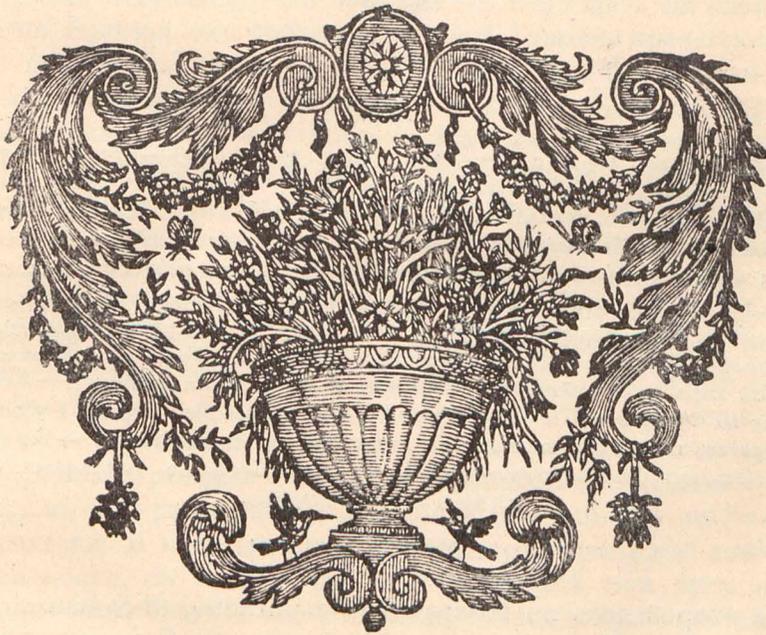
давала обильный доходъ. Пеньку отправляли въ порты Балтійскаго и Чернаго морей. Пототъ эта торговля упала, такъ какъ въ Азіи оказалось огромное количество пеньки. Рассказываютъ, что въ царствованіе Екатерины II англійскія суда пришли въ Петербургъ для закупки пеньки, но цѣна, которую спрашивалъ здѣшній купецъ, показалась имъ высока, и они собрались уѣхать, будто бы въ увѣренности, что найдутъ пеньку дешевле и въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, купецъ попросилъ позволенія сжечь половину товара; это дошло до Екатерины и она согласилась. Англичане, увидавъ пожаръ, воротились и согласились на уступки. Но купецъ требовалъ теперь уже двойную цѣну, и англичане, находясь тогда въ войнѣ съ Франціею, принуждены были выплатить тѣ самые два милліона, которые требовалъ купецъ первоначально.

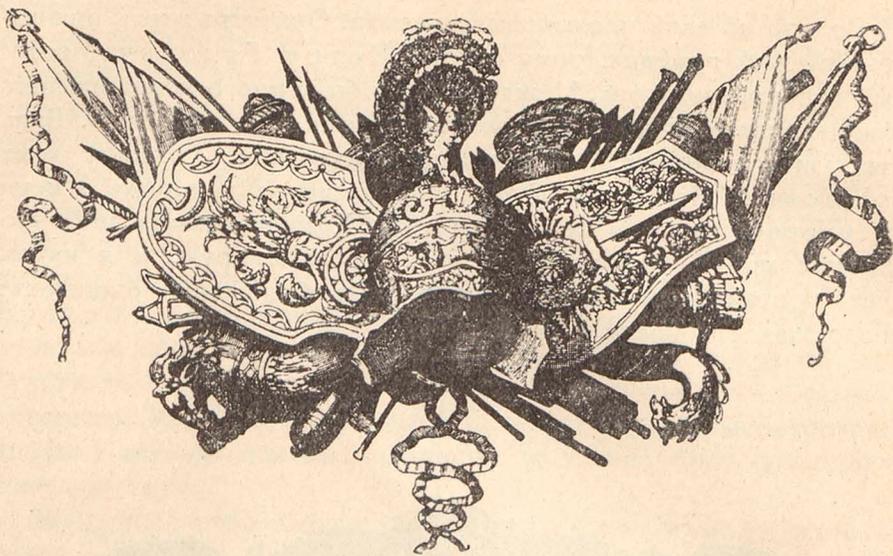
А в т.

строениями. Хозяинъ дома, г. Рославецъ, полковникъ ополченія, принялъ предводителя съ большимъ радушіемъ. Я былъ представленъ какъ французскій врачъ и другъ его. Эта рекомендація прибавила въ немъ уваженіе ко мнѣ. Г. Рославецъ былъ мужчина пятидесяти лѣтъ, сѣдой. Жена его казалась одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ. Какъ она, такъ и бывшія съ нею дамы оказывали мнѣ много учтиваго вниманія. Я очень обрадовался, встрѣтивъ тутъ и нашего маіора Бретона. Онъ представилъ меня сыну хозяина, молодому человѣку лѣтъ 18-ти, по имени Жозефъ. Бретонъ расхваливалъ мнѣ это семейство, въ которомъ его почитали, какъ родного. Онъ сообщилъ мнѣ, что на другой день будутъ именины хозяйки, и по этому случаю съѣдется большое общество. Комнаты были довольно просторны, но меблированы просто и лишены всякаго украшенія. За домомъ былъ большой и красивый садъ.

На другое утро начали съѣзжаться гости, иные въ шегольскихъ экипажахъ шестернею съ фореиторомъ, по обычаю знатныхъ людей, и, наконецъ, набралось до шестидесяти человѣкъ. Изъ дамъ особеннымъ вниманіемъ пользовалась молодая дѣвица лѣтъ 25-ти, графиня Гудовичъ, родственница хозяина дома. Не отличаясь особенною красотою, блондинка, она привлекала кротостью выраженія голубыхъ глазъ и всей физиономіи. Какъ она была ко всѣмъ внимательна, такъ и къ ней были предупредительны. Послѣ закуски направились въ столовую. Графиню повелъ хозяинъ дома, прочіихъ дамъ другіе господа, и, какъ обыкновенно, дамы сѣли по одну сторону, мужчины по другую. Обѣдъ былъ обильный, но не изысканный, и столъ не былъ богатъ серебромъ, что доказывало посредственное состояніе г. Рославца. За то между гостями господствовало веселье и провозглашено было много тостовъ. Послѣ обѣда, когда всѣ перешли въ гостиную, полковникъ Рославецъ попросилъ меня подойти къ графинѣ, такъ какъ она желала поговорить со мною. Она очень любезно посадила меня около себя и стала говорить, что, слышавъ обо мнѣ отъ г. Скорупы, она желала со мною познакомиться, чтобъ просить меня побывать у ея отца, который, уже нѣсколько лѣтъ сряду, нездоровъ. Я благодарилъ искренно за все это вниманіе, но объяснилъ, что не въ правѣ никуда отлучиться безъ вѣдома предводителя. Она тотчасъ же подозвала его къ себѣ. Они заговорили по-русски и я замѣтилъ, что просьба графини была принята, какъ приказаніе, потому, что г. Скорупа поспѣшилъ ее увѣрить, что онъ самъ отправитъ меня къ ея отцу.

Вскорѣ въ залѣ послышалась музыка. Оркестръ этотъ принадлежалъ дядѣ графини, тому самому Петру Гудовичу, который грабилъ поляковъ. Между гостями было много хорошенькихъ дѣвицъ, отличавшихся наряднымъ туалетомъ и свѣтскостью. Балъ открыли полонезомъ. Въ первой парѣ находились хозяинъ дома съ графинею. Послѣ полонеза пошли танцы, въ которыхъ и меня съ маіоромъ просили принять участіе. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что графиня мнѣ не откажетъ, если я ее ангажирую, и я имѣлъ честь протанцовать съ нею вальсъ. Балъ былъ очень оживленъ; продолжался и послѣ ужина.

VIII.

Приглашеніе графа Гудовича.—Я поселяюсь въ его домѣ.—Графъ ручается за меня.—Я забываю и не чувствую своего плѣна.—Посѣщенія съ графинею сосѣдей.—Ивановка—село, принадлежащее Петру Гудовичу: готическій замокъ и китайскій домикъ. Посѣщеніе г. Покровскаго: собраніе карикатуръ на французовъ; домашній шутъ.—Кампанія 1813 г.—Прокламація шведскаго наслѣднаго принца Бернадота о всеобщемъ европейскомъ союзѣ противъ Франціи.—Дрезденское сраженіе.—Маршалъ Моро.—Убійство помѣщика крѣпостными людьми.—Лейпцигское сраженіе.—Князь Понятовскій.—Сраженіе подъ Парижемъ.—Всеобщій миръ.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Французы-плѣнники готовятся къ отъѣзду во Францію.—Маіоръ Бретонъ и я выражаемъ графу Гудовичу и дочери его глубочайшую признательность за ихъ гостепримство.—Бретонъ посвящаетъ имъ благодарственное стихотвореніе.—Прощаніе съ графомъ Гудовичемъ и его дочерью.

1813. $\frac{\text{мая 18-го}}{\text{іюня 5-го}}$ 1814 гг.

На второй день по возвращеніи въ Мглинь, 18-го мая, я отправился къ графу Гудовичу, отблагодаривъ г. Скоруцу за доброе его расположеніе ко мнѣ ¹⁾. Я думалъ найти прекрасный го-

¹⁾ Графъ Василій Васильевичъ Гудовичъ, о которомъ рассказываютъ здѣсь и далѣе Де-ла-Флизь, возведенъ въ графское достоинство 12-го декабря 1809 г., былъ въ чинѣ генераль-лейтенанта и отъ брака съ Евдокією Константиновною Лисаневичъ имѣлъ трехъ дочерей: Анастасію—за Андр. Ив. Маркевичемъ; Екатерину—за Павломъ Григорьевичемъ Галаганомъ и графиню Варвару Васильевну, и двухъ сыновей: генер.-маіора гр. Василія Васильевича и генер.-маіора Михаила Васильевича Гудовичъ. Ред.

сподскій домъ, но вмѣсто того, проѣхавъ деревню, очутился передъ низкимъ домомъ въ одинъ этажъ, но приличный и окруженный службами, передъ которыми, какъ передъ домомъ, посажены были деревья, тогда какъ середину двора занималъ большой лугъ. Графъ встрѣтилъ меня съ необыкновенной любезностью. Это былъ старикъ съ побѣлѣвшими волосами, высокаго росту, лѣтъ 64; онъ былъ въ гражданскомъ платьѣ, несмотря на чинъ генераль-лейтенанта. Онъ повелъ меня черезъ большую залу въ гостиную; комнаты были меблированы не богато, но со вкусомъ, обиты изящными обоями, и стѣны украшены гравюрами. Графъ повторилъ мнѣ то, что говорила мнѣ его дочь о его желаніи со мною познакомиться, и благодарилъ меня за посѣщеніе. Вскорѣ вышла графиня, и оба во время бесѣды очаровали меня своею любезностью и вниманіемъ ко мнѣ. Дворецкій доложилъ объ обѣдѣ; графъ извинялся, что не можетъ отобѣдать съ нами, такъ какъ по болѣзни онъ соблюдаетъ діету. Графиня предложила мнѣ свою руку и мы вышли въ столовую. Изъ всей обстановки стола, накрытаго голландскою скатертью и украшеннаго серебряными вазами, видно было, что хозяинъ знатный господинъ, несмотря на то, что состояніе его было ограниченнѣе многихъ другихъ богатыхъ, но не такого склада помѣщиковъ. Намъ прислуживали лакеи въ военной формѣ, по обычаю, заведенному въ домахъ, которыхъ хозяева служатъ въ военной службѣ. Послѣ обѣда, графъ повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ и сообщилъ мнѣ подробности своей хронической болѣзни, не позволяющей ему далекихъ отлучекъ изъ дому. Я обѣщаль помочь ему всѣми силами. Я провелъ самый пріятный вечеръ въ обществѣ почтеннаго старика и его дочери, и не могъ нарадоваться моему счастію жить подъ одною кровлею съ такими прекрасными людьми. Графъ отдалъ въ мое распоряженіе хорошенькую комнату, по близости его спальни. Я прописаль графу леченіе, и удивлялся довѣрію и аккуратности, съ какими онъ исполнялъ всѣ мои предписанія, хотя онъ едва зналъ меня. Эта самая точность принесла ему желаемую пользу, особенно замѣтную спустя нѣсколько недѣль, но радикальное излеченіе казалось мнѣ невозможнымъ, по причинѣ престарѣлости больного. Но я затрудняюсь описать, какъ велика благодарность графа и дочери ко мнѣ за ту пользу, которую я принесъ; каждый день я получалъ новые знаки ихъ великодушія ко мнѣ.

У графа было пятеро дѣтей, которыхъ онъ нѣжно любилъ. Старшій сынъ былъ полковымъ командиромъ, и женатъ на дочери

енерала Энгельгардта; подь Можайскомъ раненъ пулею въ подбородокъ съ раздробленіемъ челюсти, однако рана его уже заживала; второй сынъ служилъ капитаномъ въ гвардіи. За ними слѣдовали три дочери: одна изъ нихъ была за предводителемъ дворянства въ Прилукахъ, г. Маркевичемъ; другая, дѣвица, жила въ Петербургѣ у одного изъ дядей своихъ; третья же, новая Антигона, посвятила себя попеченію объ отцѣ.

Я провелъ въ домѣ графа уже нѣсколько недѣль, и еще болѣе убѣдился въ томъ, какъ уважали его сосѣди. Изъ уваженія къ нему общество, собиравшееся у него, оказывало и мнѣ вѣжливое вниманіе. Разъ только случилось мнѣ испытать непріятности со стороны одного отставного раненаго поручика, по фамиліи Александровича, который, ни съ того, ни съ сего, даль мнѣ почувствовать свое презрѣніе къ французамъ, ругаль Наполеона, хвасталь, что повѣсилъ у себя портретъ его вверхъ ногами. Ясно было, что этотъ поручикъ не получилъ никакого воспитанія. На всѣ его выходки я отвѣчалъ усмѣшкою и тоже нелестными для него отзывами. Я думалъ, что этимъ и кончится; нѣтъ, онъ продолжалъ приставать ко мнѣ съ новыми грубостями, такъ что я готовъ былъ вспылить, какъ ни было мнѣ непріятно производить сцены въ такомъ почтенномъ домѣ. Однако, графъ Гудовичъ успѣлъ замѣтить мое неудовольствіе и, неожиданно для поручика, кликнувъ его; потомъ взявъ его въ сторону, выговаривалъ ему его обращеніе со мною, потомъ принудилъ его извиниться передо мною. Такъ какъ въ Россіи, по заведенному военному чиновочитанію, младшій обязанъ повиноваться старшему, а тѣмъ болѣе, человѣку въ чинѣ генераль-лейтенанта, то мой поручикъ, смущенный, подошелъ ко мнѣ, не зная, что мнѣ сказать; но какъ я отошелъ отъ него съ презрѣніемъ, онъ рѣшился остановитъ меня и сказалъ: «Извините, если я погорячился, его сіятельство правъ, говоря, что вы не можете быть нашимъ непріятелемъ, коль скоро вы безоружны. Я виноватъ; я не полагалъ, чтобы васъ здѣсь такъ любили. Такъ извините меня».

Тутъ графъ самъ подошелъ къ намъ, прося меня не сердиться на поручика, который, какъ онъ прибавилъ, потому озлобленъ противъ французовъ, что ихъ оружіемъ онъ раненъ; потомъ продолжалъ: «Я никому не позволю забыться передъ вами въ моемъ домѣ. А теперъ, какъ вашъ противникъ раскаивается въ своихъ словахъ, простите ему». И, по желанію графа, мы пожали другъ другу руки. Не только графъ, но и вообще всѣ гости, особенно дамы, заступились за меня; поручикъ такъ былъ пристыженъ, что

не замедлил удалиться, послѣ чего я уже никогда болѣе его не видалъ.

Давно уже я не имѣлъ никакихъ извѣстій о предводителѣ и его братѣ, какъ, 30-го числа мая, призвалъ меня къ себѣ графъ и объявилъ, что г. Скорупа писалъ ему о необходимости вызвать меня обратно въ Мглинъ, откуда высшимъ начальствомъ повелѣно отправить колонну плѣнныхъ въ Житомиръ. Это извѣстіе крайне меня огорчило, но не менѣе, какъ я замѣтилъ, было чувствительно и графинѣ. Она стала по-русски упрашивать отца постараться удержать меня у себя, такъ какъ я содѣйствовалъ поправленію его здоровья. Тогда графъ сказалъ мнѣ: «Я сдѣлаю все возможное, чтобы вы насъ не оставляли все время, что будете считаться въ плѣну; я поручусь за васъ». Въ ту жъ минуту онъ послалъ за своимъ секретаремъ и продиктовалъ ему письмо, которое и было отправлено въ Черниговъ съ нарочнымъ. Я искренно благодарилъ графа за его милости, но еще не смѣлъ надѣяться на успѣхъ, и тревожился. Графиня старалась меня успокоить, увѣряя, что едва ли такому лицу, какъ ея отецъ, откажутъ въ докторѣ, кто бы онъ ни былъ. Она не ошиблась. Пять дней спустя, изъ Чернигова пріѣхалъ нарочный и привезъ пакетъ отъ губернатора, въ которомъ заключался ордеръ мглинскому предводителю объ оставленіи меня при графѣ, генераль-лейтенантѣ, Василии Гудовичѣ, и при этомъ частное письмо къ графу на французскомъ языкѣ, съ котораго я, съ позволенія графа, списалъ копію. Оно было слѣдующаго содержания:

«Черниговъ, 4 го іюня, 1813 г. Графъ Василій Васильевичъ, прилагаю при семъ ордеръ предводителю дворянства Мглинскаго уѣзда Александру Павловичу Скорупѣ, который прошу васъ немедленно переслать къ нему о томъ, чтобы французскій врачъ, которымъ вы интересуетесь, согласно съ желаніемъ вашимъ, оставался бы при васъ до заключенія мира.

Я счастливъ тѣмъ, что могу оказать услугу вашему сіятельству, тѣмъ болѣе, что вы изволите мнѣ писать о той пользѣ, которую докторъ этотъ принесъ вашему здоровью, и никто болѣе меня не желаетъ вамъ этого блага. Я никогда не забуду того милостиваго расположенія, которое вы изволили мнѣ оказывать во время моего служенія подъ вашимъ начальствомъ. Честь имѣю быть и пр. Б. Бутовичъ».

Я не умѣлъ найти довольно сильныхъ словъ, чтобы выразить графу мою благодарность. Графиня ликовала, говоря, что она не сомнѣвалась въ успѣхѣ. Итакъ, я уже безусловно могъ оставаться въ домѣ графа до тѣхъ поръ, пока не кончится война.

Графъ получалъ нѣсколько русскихъ газетъ, а для меня онъ выписалъ французскую С.-Петербургскую газету, которая назы-

вала себя непристрастною; но на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы откинуть первый слогъ слова и замѣнить его словомъ: очень (*impartial—très-partial*), такъ какъ въ ней проявлялись раздраженіе и ложь. Читая газету, я очень огорчился оборотомъ, который принимали дѣла. Если въ новой кампаніи успѣхъ былъ на сторонѣ французовъ, то газета такъ извращала ходъ сраженій, что выходило всегда, будто союзники брали верхъ. Убійственное сраженіе подъ Люценомъ, въ Саксоніи, газета выдавала за поражение Наполеона, такъ какъ побѣда его стоила ему 10,000 убитыхъ; кавалерія его погибла и вообще онъ не жалѣлъ людей, и сраженія его были не что иное, какъ безпощадная рѣзня. Извѣстіе о занятіи принцемъ Евгениемъ и Макдональдомъ Дрездена доказывало, что Наполеонъ успѣлъ занять дороги въ Силезію, и, вѣроятно, одержалъ не одну побѣду, несмотря на потерю въ 12,000 людей и нѣсколькихъ пушекъ, случившуюся въ сраженіяхъ, данныхъ съ 19-го по 21-е мая 1813 г. въ Лузаци. Во время чтенія этихъ газетъ, графъ, какъ бывалый воинъ, замѣтилъ мнѣ, что Наполеонъ и тутъ впадалъ въ такія же ошибки, какія ознаменовали его прошлогодній походъ, такъ какъ упорнымъ преслѣдованіемъ русскихъ и пруссаковъ, отступавшихъ въ совершенномъ порядкѣ съ многочисленною кавалеріею, онъ удалялся отъ своихъ подкрѣпленій, между тѣмъ какъ союзники сближались съ своими.

Вскорѣ послѣ полученія письма черниговскаго губернатора, я узналъ, что наши плѣнные выѣхали изъ Мглина. Я жалѣлъ, что не успѣлъ проститься съ ними, особенно съ честнымъ Бретономъ, съ которымъ я было сдружился. Но какъ же я удивился, когда онъ внезапно является ко мнѣ и объявляетъ, что г. Рославецъ испросилъ для него у черниговскаго губернатора позволеніе остаться при немъ, такъ какъ онъ, Бретонъ, по болѣзни, не въ состояніи слѣдовать за плѣнными. Итакъ, мы двое только изъ плѣнныхъ оставались въ Мглинскомъ уѣздѣ. Съ Бретономъ пріѣхалъ и молодой Рославецъ. Графъ и дочь его приняли Бретона съ большимъ уваженіемъ, а какъ онъ былъ человѣкъ умный, то имъ понравилось и общество его. Когда рѣчь зашла о политикѣ, безъ которой не обходился ни одинъ разговоръ, Бретонъ выражалъ свое мнѣніе такъ сдержанно, что графъ не могъ не остаться доволенъ имъ, хотя, какъ русскій, онъ не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону. Коснулись и пожара Москвы. Графъ слишкомъ хорошо былъ извѣщенъ о томъ, что происходило, чтобы обвинять въ пожарѣ французовъ, какъ во-

обще распространяли объ этомъ слухъ. Бретонъ говорилъ, что лично слышалъ, какъ Наполеонъ приказалъ гвардіи отставать зданія отъ огня, и что безъ нихъ Воспитательный домъ, Кремль и много другихъ зданій сгорѣли бы до тла, и еще болѣе спасли бы, если бъ пожарныя трубы не были раньше вывезены изъ Москвы. Однако, графъ не прощалъ Наполеону взрыва Кремля. По его мнѣнію, сожженіе Москвы было совершенно лишнею мѣрою противъ французовъ, потому что они и безъ этого не могли бы удержаться въ этой столицѣ. Онъ увѣрялъ, что виновникомъ этого возмутительнаго рѣшенія былъ губернаторъ Ростопчинъ; никогда не было ему дано на это согласія императоромъ Александромъ.

«Мой братъ фельдмаршалъ ¹⁾, говорилъ графъ, бывший губернаторомъ въ Москвѣ до Ростопчина, увѣрялъ меня, что если бъ онъ оставался начальникомъ города, то скорѣе наложилъ бы на себя руки, нежели допустилъ бы до такого посягательства на цѣлость столицы, каковому дѣянію постыдно давать названіе патріотизма».

Разговоръ былъ прерванъ прїѣздомъ гостей. Прїѣхала помѣщица сосѣдней деревни, госпожа Туманская, съ двумя дочерьми, хорошенькими дѣвушками, съ голубыми глазами и черноволосыми, въ щегольскихъ туалетахъ. Онѣ были радушны приняты графомъ, и какъ дѣло было передъ обѣдомъ, то и попросили ихъ къ столу. Послѣ кофе пошли гулять въ садъ, и мы послѣдовали за дамами въ бесѣдку, гдѣ обыкновенно пили вечерній чай. Между дамами завязался веселый разговоръ. Прїѣзжія дѣвицы были воспитанницы Смольнаго монастыря, въ Петербургѣ, гдѣ, судя по ихъ любезности и граціи, онѣ получали отличное воспитаніе. Молодой Рославецъ, изъ желанія быть любезнымъ, впадалъ въ смѣшныя выходки, которыя забавляли дѣвицъ и вызывали ихъ умныя возраженія. Замѣтивъ на дѣвицахъ модныя кожаные пояса, съ изображеніемъ скачущаго казака, Рославецъ спросилъ ихъ—любятъ ли онѣ казаковъ? «Конечно, мы ихъ любимъ, отвѣчали онѣ, потому что они защищали свою родину. Сдѣлайтесь казакомъ, и мы васъ будемъ любить; въ настоящее время каждый русскій, тѣмъ болѣе молодой, долженъ служить своему государю; а тѣ, которые, подобно вамъ, остались подъ отцовскою кровлею, заслуживаютъ такого подарка: прялку и вертено, заверенутыя въ заячью шкурку». Молодой человекъ по-

---

¹⁾ Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (р. 1741 г., † 22-го янв. 1821 г.).

няль, что шутки хороши въ извѣстныхъ предѣлахъ, и потому оправдываль свое бездѣйствіе тѣмъ, что отецъ его еще находится на службѣ, а онъ, какъ сынъ, обязанъ оставаться при матери; но что онъ не дожидется времени, когда ему позволено будетъ носить оружіе въ защиту своего отечества. Дѣвицы, разумѣется, похвалили его за это.

Я искалъ глазами нашего маіора Бретона, но онъ куда-то пропалъ. Разговоръ на тему защиты русскихъ отъ непріятеля продолжался, какъ вдругъ гдѣ-то недалеко раздался звукъ охотничьяго рога. Никто не понималъ, откуда эта музыка. Звуки очень явственно передавали извѣстную мнѣ охотничью арію изъ оперы: Генрихъ IV. Я подумалъ, что исполнитель какой-нибудь домашній музыкантъ, однако, графиня увѣряла, что такого въ ихъ домѣ нѣтъ. Молодой Рославецъ одинъ улыбкою своею доказывалъ, что музыкантъ ему извѣстенъ, хотя онъ тоже притворялся удивленнымъ. Любопытство заставило дамъ итти по направленію звуковъ, и что же? Музыкантомъ, скрывавшимся за рошею, оказался Бретонъ. Я тѣмъ болѣе былъ удивленъ этому открытію, что никогда, съ тѣхъ поръ, что я его зналъ, онъ не говорилъ о своемъ талантѣ. Онъ досталъ себѣ этотъ рогъ во время пребыванія своего въ домѣ Рославца, а намъ хотѣлъ сдѣлать пріятный сюрпризъ. Дамы попросили его повторить балладу. Музыка эта вызвала и графа изъ кабинета. Вскорѣ потомъ все общество возвратилось въ комнаты. Дамы перешли на половину графини, а мы остались съ графомъ. Разговоръ зашелъ о дѣвицахъ Туманскихъ. Бретонъ увѣрялъ, что онъ рѣдко встрѣчалъ во Франціи такихъ умныхъ, милыхъ и образованныхъ дѣвушекъ; онѣ говорили на четырехъ языкахъ и знали музыку.

Графъ разсказалъ намъ, что дѣвицы эти—дочери умершаго статскаго совѣтника, а вдова его владѣетъ небольшимъ помѣстьемъ по сосѣдству. Этому Туманскому Павломъ I поручено было везти въ ссылку въ Сибирь извѣстнаго нѣмецкаго писателя Коцебу, автора «Ненависти къ людямъ и Раскаянія» и другихъ сочиненій. Туманскій обходился съ несчастною жертвою суровости и причудливости этого государя какъ прилично благородному человѣку. Потомъ, когда императоръ убѣдился въ несправедливости этой ссылки, тому же Туманскому было поручено привезти его оттуда. «Въ настоящее время», прибавилъ графъ, «Коцебу принимаетъ дѣятельное участіе въ составленіи манифестовъ и дипломатическихъ нотъ въ кабинетѣ императора Александра. По представленію Коцебу, помнящаго великодушное

обращеніе съ нимъ Туманскаго, послѣдній былъ награжденъ чиномъ, и дочери его опредѣлены на казенный счетъ въ императорскій институтъ (Смольный монастырь). Отецъ ихъ умеръ два года тому, оставивъ очень посредственное состояніе, такъ что для молоденькихъ дѣвицъ до сихъ поръ еще не представлялись случаи выйти замужъ».

На другой день гости хотѣли было ѣхать домой, но графъ и графиня упросили ихъ остаться, и такимъ образомъ мы провели съ ними еще нѣсколько пріятныхъ дней. Время проходило въ музыкѣ и въ прогулкахъ.

По отѣздѣ гостей, въ домѣ водворилась тишина, но время проходило безъ скуки. Я любилъ слушать графа, когда онъ рассказывалъ о турецкомъ походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, и анекдоты объ императрицѣ Екатеринѣ II, при которой онъ служилъ пажемъ.

Въ концѣ іюля 1813 г. газеты извѣстили, что маршалъ Даву и генераль Вандомъ, 30-го мая, снова заняли городъ Гамбургъ, очищенный 12-го марта; 1-го іюня генераль Лористонъ завладѣлъ Бреславлемъ, а 4-го заключено въ Плешвицѣ перемиріе между Наполеономъ и союзниками. По мнѣнію графа, это перемиріе могло только повредить Наполеону, хотя съ другой стороны оно было ему необходимо, чтобы имѣть время вызвать изъ Франціи подкрѣпленіе, настолько значительное, насколько можно было бы съ помощью его вознаградить свои потери, да еще прибавить новыя завоеванія. Впрочемъ, и силы союзниковъ огромны. Вся Германія возстала, рейнская конфедерація отпадаетъ: народъ сильно возбужденъ въ Голландіи, Швеціи, Тиролѣ и Италіи, и Велингтонъ беретъ верхъ въ южной Франціи. Изъ всѣхъ этихъ сообщеній надобно было заключить, что въ будущемъ предстоятъ большія несчастія. Эта мысль не давала мнѣ покоя, несмотря на безмятежную деревенскую жизнь, которую я велъ въ домѣ графа.

Однажды графиня предупредила меня, что черезъ недѣлю она будетъ праздновать именины отца. Къ этому дню соберутся многіе родные и большое общество знакомыхъ, а какъ домъ не достаточно просторенъ, то на дворѣ разобьютъ военную палатку, бывавшую въ походахъ съ ея отцомъ. Ей хотѣлось для этого дня убрать столовую, и я вызвался помочь ей. Я предложилъ ей, такъ какъ пора была самая лѣтняя, убрать залу гирляндами живыхъ цвѣтовъ, которыми графскій садъ былъ полонъ. Наканунѣ именинъ мы съ графинею занялись этимъ дѣломъ, когда графъ

уже удалился въ свои комнаты. Было уже поздно, когда мы, съ помощью слугъ, окончили развѣшиваніе гирляндъ и вѣнковъ, и въ это же время подѣхали дочь и зять графа, Маркевичи, съ сыномъ двѣнадцати лѣтъ. Съ ними пріѣхали еще двѣ родственницы. Графиня обрадовалась имъ, но не будила отца. Подали ужинъ и затѣмъ всѣ улеглись спать.

На другое утро я присоединился къ членамъ семейства для принесенія поздравленій графу. Это была трогательная сцена, такъ какъ дѣти его обожали и онъ былъ нѣжнѣйшимъ для нихъ отцомъ. Я познакомился съ г. Маркевичемъ, Андреемъ Ивановичемъ, предводителемъ дворянства Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Это былъ мужчина тридцати пяти лѣтъ, обыкновеннаго роста, съ благородною фізіономіею. Графиня представила меня его женѣ, не красавицѣ, но очень пріятной и любезной дамѣ. Ихъ сынокъ говорилъ изрядно по-французски и, повидимому, былъ очень любознателенъ, потому что не выпускалъ изъ рукъ книги. Обѣ родственницы были молоденькія дѣвицы, одну звали Софьей Маркевичъ, другую Маріей (Машенькой) Аграновичъ. Обѣ были брюнетки, только первая была умнѣе. Къ полудню наѣхало много сосѣдей, изъ нихъ нѣкоторые очень богатые люди. Я запомнилъ нѣсколько фамилій: два брата Покорскіе, Лашкевичъ, Савицкій, Соколовскій, Губчицъ, Рославецъ (три семейства), господина Скорупа. Словомъ, наѣхало до 60 человекъ. Все это общество, несмотря на нѣкоторую пестроту, отличалось хорошимъ тономъ.

Въ одно время съ Рославцами и Туманскими пріѣхалъ и капитанъ Бретонъ. Я весьма былъ радъ видѣть господина Скорупа, которымъ я столько обязанъ; они жалѣли о моемъ отсутствіи изъ ихъ дома и просили меня навѣстить ихъ. Въ столовой всѣ любовались ея убранствомъ. Между прочимъ, отличался огромный вензель графа, составленный изъ васильковъ, что соотвѣтствовало и самому имени графа: Василій. Графиня и волоса свои убрала васильками, что очень было ей къ лицу. За обѣдомъ играла музыка. Здѣсь, не такъ какъ у г. Ширяя, общество не раздѣляли никакія несогласія; учтивости и любезности были искренни; не было такихъ группъ, гдѣ въ однѣхъ острили бы насчетъ другихъ, возбуждая досаду и гнѣвъ.

Послѣ обѣда гуляли, покуда музыка не подала знака къ балу. Всѣ воротились въ домъ и начались танцы: кадрили, котильоны, мазурки, и я провальсировалъ съ графинею, которая совѣтовала мнѣ тоже ангажировать дѣвицу Маркевичъ и представила

меня ей. Балъ продолжался до свѣта. Гости разѣхались весьма довольные оказаннымъ имъ пріемомъ.

На другой день оставались только Бретонъ съ молодымъ Рославцемъ, семейство Туманскихъ, да семейство Маркевичъ. Они оставались нѣсколько дней, и время проведено было очень пріятно въ веселой бесѣдѣ и музыкѣ. Когда Маркевичи уѣзжали, графиня вызвалась проводить ихъ верстъ двадцать пять и, взявъ съ собою компаньонку, просила позволеніе отца отпустить и меня. Мнѣ случилось ѣхать въ обществѣ дѣвицъ Маркевичъ и Аграновичъ, которыя умною и любезною бесѣдою своею заставили меня забыть долгую дорогу. Онѣ говорили мнѣ, что мы ѣдемъ въ село Ивановку, имѣніе графа Петра Гудовича, гдѣ находился большой господскій домъ ¹⁾. Въ этомъ самомъ домѣ насъ приняла полная, красивая нѣмка, женщина, которую графъ содержалъ и сдѣлалъ хозяйкою дома. Она повела насъ черезъ богатыя комнаты въ египетскую залу, такъ названную по отдѣлкѣ и убранству въ египетскомъ вкусѣ: тутъ были картины, изображавшія пирамиды, были сфинксы, и подъ ними іероглифическія надписи. Вскорѣ по входѣ нашемъ, раздалась музыка. Намъ подали чай на серебряномъ сервизѣ. Я обратилъ вниманіе на лежавшій передъ нами большой серебряный подносъ съ гербомъ, изображавшимъ три стрѣлы и надъ ними корону. Это не былъ гербъ семейства Гудовичъ, такъ какъ ихъ гербъ: разрушенная крѣпость и литера А (т. - е. Анапа), былъ мнѣ знакомъ. Я спросилъ графиню, что значать эти стрѣлы, на что она отвѣчала мнѣ вполголоса и съ видимымъ отвращеніемъ, что это гербъ семейства Галицскихъ, того, что Петръ Гудовичъ ограбилъ во время своей экспедиціи въ Польшу. Г. Маркевичъ предложилъ мнѣ осмотрѣть съ нимъ весь домъ ²⁾.

Длинные и темные коридоры вели въ различныя, довольно богато меблированныя комнаты, украшенныя картинами и статуями. Все вмѣстѣ представляло нѣчто въ родѣ лабиринта, а нѣкоторыя комнаты едва освѣщались маленькимъ стрѣльчатымъ окномъ въ одно стекло. Казалось, архитекторъ этого зданія хотѣлъ со-

1) Графъ Петръ Вас. Гудовичъ служилъ дѣйств. статск. совѣтникомъ.

2) Гербъ графовъ Гудовичевыхъ описанъ въ Общемъ Росс. Гербовникѣ ч. IV, № 8, и ч. IX, № 4), см. въ Россійской Родословной книгѣ П. В. Долгорукаго. Спб. 1855 г., ч. II, стр. 193. Упоминаніе Де-ла-Фли'за о гербѣ Гудовичевыхъ не точно и не полно.

орудить подобіе средневѣковаго замка. Воротившись къ обществу въ садъ, мы осмотрѣли тамъ китайскій домикъ въ три крошечные этажа, выстроенный по образцу жилища мандарина, съ позолоченною кровлею и крылатымъ дракономъ на верхушкѣ. Всѣ комнатки были убраны въ китайскомъ вкусѣ. Потомъ насъ повели посмотрѣть роскошную русскую баню. Комнаты были вымощены бѣлымъ мраморомъ, стѣны выложены изразцами, а частью и сплошными зеркалами. Мы еще долго прогуливались по саду; случилось мнѣ зайти въ бесѣдку, куда дѣвицы Маркевичъ и Аграновичъ присѣли отдохнуть, и между нами завелся разговоръ, которому я подаль поводъ, спросивъ у этихъ дѣвицъ, кто такая та красивая полная нѣмка, которая насъ приняла? Маркевичъ какъ будто затруднялась мнѣ отвѣтить и покраснѣла, но подруга ея очень развязно объяснила мнѣ, что эта дама дѣвица Шварцъ, экономка или смотрительница дома графа Петра Гудовича... Она прибавила, что женщины нѣмецкой расы вообще отличаются умѣньемъ вести хозяйство и особенно полезны какъ надзирательницы надъ прядильнымъ и ткацкимъ заведеніями, въ которыхъ работаютъ простые крестьяне и крестьянки. Она продолжала рассказывать, что дядя ея точно также отдаетъ справедливость и голландскимъ женщинамъ въ ихъ умѣньи вести ткацкое дѣло, и поэтому въ другой его деревнѣ, гдѣ ткуть отличное столовое бѣлье, опредѣлена такая же красавица голландка. Но графъ Петръ Вас. Гудовичъ, по словамъ моей собесѣдницы, нарочно держитъ обѣихъ женщинъ на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга; онъ не хотѣлъ даже, чтобы онѣ знали другъ друга, иначе могла бы возникнуть между ними зависть и повредить успѣху занятій, хотя графъ, какъ дѣятельный помѣщикъ, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ его помѣстьяхъ, и для того постоянно живетъ одно время въ одной деревнѣ, потомъ въ другой. Словомъ, дѣвица Аграновичъ хотѣла меня увѣрить, что въ дѣйствіяхъ ея дяди нѣтъ ничего своеобразнаго, а просто онъ знатокъ и цѣнитель хорошаго ткацкаго производства.

Я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на всю эту рѣчь, притворяясь убѣжденнымъ въ необыкновенныхъ достоинствахъ нѣмокъ и голландокъ. Дѣвица же Маркевичъ, все время молчавшая, казалось была другого мнѣнія, и нѣсколько разъ улыбалась наивностямъ родственницы. Послѣдняя не подозрѣвала, что она вполне утвердила меня въ мнѣніи о ея дядѣ, какъ о человѣкѣ безъ чести и совѣсти, пренебрегающемъ общественнымъ мнѣніемъ и живу-

шемъ открыто въ глазахъ всего уѣзда съ двумя красавицами которыхъ тиранству подчинилъ цѣлое населеніе крестьянъ и крестьянокъ. Послѣ этого я узналъ о новой низости Петра Гудовича. Во время грабежа своего въ Польшѣ, онъ захватилъ самовольно двухъ плѣнныхъ, одного фламандца, другого голландца, посадилъ ихъ въ своей Ивановкѣ въ тюрьму и заставилъ ихъ даромъ учить крестьянъ ткацкому дѣлу. И оба эти несчастные плѣнные остались бы у него въ вѣчной кабалѣ, такъ какъ графъ тихонько перевелъ ихъ въ другую деревню, если бѣ они не были отысканы, благодаря тщательному розыску предводителя Скорупы.

Долго оставались мы при лунномъ свѣтѣ въ саду, пока не позвали насъ ужинать. Столъ былъ накрытъ въ залѣ, убранной по-турецки, и все время играла музыка. Экономка очень старалась угодить своимъ гостямъ. На другое утро рано гости стали разъѣзжаться.

Когда мы подъѣзжали къ нашему дому, мы увидели графа Вас. Вас. Гудовича, который шелъ навстрѣчу дочери; мы вышли изъ экипажа и дошли до дому пѣшкомъ. Графъ сообщилъ мнѣ, что перемиріе продлится до 10-го августа 1813 г., а въ петербургскомъ журналѣ я прочелъ, что уполномоченные Пруссіи, Австріи и Россіи 12-го іюля положили ограничить имперію Наполеона Рейномъ и Альпами. Но чего я не прочелъ въ газетахъ, а сообщено мнѣ было графомъ, это странное извѣстіе, что генераль Моро, бѣжавшій, въ іюнѣ 1804 г., въ Америку, послѣ приговора его къ ссылкѣ, былъ нынѣ вызванъ оттуда Бернадотомъ для содѣйствія союзникамъ въ операціяхъ противъ Наполеона, и прибылъ уже въ Швецію. Когда графъ прочелъ, что Наполеонъ не согласился на ограниченіе своей имперіи, то онъ очень порицалъ его за это, потому что, принявъ условія Пражскаго конгресса, Наполеонъ чрезъ это удалилъ бы отъ Европы новыя бѣдствія; но допуская себя жертвовать безъ оглядки и безъ мѣры своими огромными средствами, какъ и свѣжимъ молодымъ войскомъ, Наполеонъ доказываетъ, что у него на умѣ одинълишьличный расчетъ, хотя бы изъ-за этого гибла вся Франція.

Августъ мѣсяцъ 1813 г. былъ на исходѣ; поля были сжаты и хлѣбъ убранъ въ амбары, урожай оказался обильный. Крестьяне находили въ этомъ случаѣ оправданіе старинной поговорки, что земля, вспаханная мечемъ, плодородна.

Въ одно воскресенье графиня (Варвара Вас. Гудовичъ) собралась ѣхать въ гости къ Покорскимъ, сосѣдямъ ихъ; для этого

она пригласила двѣиць Туманскихъ, пославъ за ними, и предложила и мнѣ ѣхать, къ чему склонилъ меня и графъ. Дамы сѣли въ карету, а я слѣдовалъ за ними въ коляскѣ. Сперва мы заѣхали къ брату того помѣщика, куда собственно направлялась графиня.

Этотъ Покорскій, очень богатый человекъ, былъ мужчина 40 лѣтъ, провинціалъ съ простоватыми манерами, смотрѣвшій на меня свысока, хотя я и былъ представленъ ему графинею. Жена его, почти однихъ лѣтъ съ нимъ, довольно дурная собою, корчила барыню, тогда какъ въ ней не проявлялось ничего благороднаго. У нихъ была куча маленькихъ дѣтей, очень шумливыхъ и дурно воспитанныхъ, да цѣлая орава комнатныхъ собачекъ. Графиня В. В. Гудовичъ хозяйева оказывали подобострастную учтивость. Здѣсь мы должны были отобѣдать, а ночевать у брата Покорскаго, такъ какъ на другой день жена послѣдняго была именинница. Впрочемъ, замѣтила мнѣ графиня, оба брата живутъ въ такой враждѣ другъ съ другомъ, что уже лѣтъ двадцать прекратили между собой всякія сношенія.

Домъ Покорскаго имѣлъ только одинъ этажъ, но ни снаружи, ни внутри не отличался никакимъ изяществомъ; мебель была самая простая. Въ гостиной надъ диваномъ, на который посадили графиню и двѣиць Туманскихъ, висѣлъ портретъ императора Павла I во весь ростъ; а по сторонамъ этого портрета висѣли двѣ гравюры, изображавшія одна видъ Везувія, другая видъ Этны. Это положеніе портрета между двухъ вулкановъ, сосѣдство которыхъ, казалось, пугало его, имѣло въ себѣ нѣчто аллегорическое. Но хозяинъ, какъ недалежняго ума человекъ, конечно, не имѣлъ въ мысляхъ ничего подобнаго; онъ даже не догадывался, что такую выставкою онъ обнаруживалъ недостатокъ политическаго чутья.

Замѣтивъ, что я осматриваю эти картины, хотя онъ сказалъ мнѣ, что у него въ другой комнатѣ есть гравюры, которыя стоитъ мнѣ посмотреть, и я замѣтилъ, что онъ очень желалъ мнѣ ихъ показать, — онъ повелъ меня въ эту комнату и съ холодною усмѣшкою представилъ мнѣ цѣлый рядъ раскрашенныхъ карикатуръ, развѣшанныхъ на стѣнахъ. Въ серединѣ висѣло плохое изображеніе покорителя Измаила и Праги, генераль-аншефа Суворова, въ генеральскомъ мундирѣ и орденахъ и съ волосами въ безпорядкѣ, точно онъ присутствовалъ при сценахъ ужаса, происходившихъ въ Турціи и Польшѣ. Все остальное были карикатуры на французовъ. Хозяинъ чуть не прыгалъ отъ удо-

вольствія, что привелось ему показать ихъ кровному французу, а онъ ненавидѣлъ нашу націю, и даже, какъ увѣрялъ, гнушался говорить на нашемъ языкѣ. Однако, опасаясь, чтобы я не понялъ смысла нѣкоторыхъ карикатуръ, онъ употреблялъ французскія слова для моего уразумѣнія, и каждое объясненіе сопровождалъ шумнымъ и глупымъ смѣхомъ, крайне обиднымъ. Я не могъ отвѣчать ему иначе, какъ пренебреженіемъ къ его дурачеству; тѣмъ не менѣе я съ любопытствомъ разсматривалъ карикатуры. Между ними было много такихъ, которыя лишены были всякаго смысла, доказывая только ненависть къ націи. Другія же, напротивъ, были мѣтки до жестокости ¹⁾. Это была картина всѣхъ бѣдствій московскаго отступленія, и до того вѣрная въ самомъ преувеличеніи, что она представляла уже не вымыселъ, а горькую дѣйствительность. И эти сцены, вмѣсто жалости, возбуждали дикій хохотъ въ русскомъ помѣщикѣ.

Большая часть этихъ карикатуръ представляли Наполеона въ презрѣнномъ, униженномъ, подавленномъ видѣ. Одна изображала статую славы въ маскѣ, носившей черты Наполеона, въ одной рукѣ она держала у рта длинную трубу, въ другой лавровые вѣнки. Передъ этой статуей, на грудѣ человѣческихъ костей и череповъ, стоялъ русскій гренадеръ и концомъ штыка приподнималъ маску, а изъ-подъ нея выглядывало безобразное лицо емона. Съ правой стороны русскій крестьянинъ, стоя на кучѣ снѣгу, засыпалъ имъ внутренность трубы, а слѣва казакъ нагайкою сшибалъ съ вѣнковъ листья, оставляя одни голые прутья.

Другая карикатура изображала дьявола съ хвостомъ и рогами, держащаго Наполеона въ видѣ младенца въ пеленкахъ, съ трехцвѣтною лентою, къ концу которой прикрѣплена была звѣзда почетнаго легіона; дьяволъ убаюкивалъ его, говоря: «вотъ сынъ мой возлюбленный: на него возлагаю всю мою надежду».

На третьей: король Мюратъ, вице-король Евгеній, маршалы Мармонъ, Ней и Макдональдъ стояли по горло въ снѣгу, почтительно спрашивая Наполеона, что прикажетъ онъ сказать въ бюллетенѣ? — «Скажите, отвѣчалъ онъ, что мы находимся теперь на зимнихъ квартирахъ».

Еще одна представляла Наполеона за азбукою съ сыномъ его, королемъ римскимъ. Онъ показывалъ ему буквы, и дитя, по поводу Пражскаго конгресса, говорило: «Папа, А, В, С, (abaissé—

¹⁾ Вѣроятно, то были карикатуры знаменитаго Теребенева.

т. - е. унижень), Папа С, D (cédéz—т. - е. уступи)». Но всѣхъ не перечтешь.

Хозяинъ дома въ восторгѣ, что успѣлъ показать мнѣ свою коллекцію, повелъ меня въ другую комнату, гдѣ у него развѣшаны были портреты собакъ, любимыхъ его животныхъ, и между ними портретъ сына Наполеона. Въ этомъ случаѣ Покорскій показалъ себя подлѣе и лукавѣе, нежели въ мысли поставить упомянутый выше портретъ между двумя вулканами. Я отошелъ съ отвращеніемъ. Покорскій повелъ меня снова въ гостиную и, обращаясь къ графинѣ В. В. Гудовичъ, съ громкимъ смѣхомъ разсказалъ ей объ удовольствіи, которое онъ мнѣ доставилъ созерцаніемъ его музея. Однако, графиня, сколько я могъ понять, приняла эти шутки серьезно и говорила, что еслибъ она знала, что гостя ея отца ожидаютъ здѣсь грубости, то она прямо направила бы меня мимо его дома, къ брату его, Покорскаго. Хозяинъ, озадаченный, сталъ извиняться передъ нею, цѣлуя ей руки.

Тутъ позвали къ обѣду, который былъ очень простъ; вина замѣняли домашняго приготовленія напитки (наливки). Видно было, что хозяинъ столько же скупой, сколько отсталый въ образованности, несмотря на большое состояніе. Разговоръ за обѣдомъ вертѣлся около пошлыхъ предметовъ, но я все время молчалъ. Вскорѣ послѣ обѣда мы уѣхали. Черезъ часъ мы были у старшаго Покорскаго.

Этотъ господинъ нисколько не походилъ на своего брата. Онъ и жена его были внимательны ко мнѣ. Они недавно только поселились въ деревнѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ; оба были образованы и вполне приличны. Домъ ихъ не отличался роскошью, но не было замѣтно и скупости. Хозяйка и графиня, какъ и дѣвицы Туманскія, повидимому, были очень дружны. Покуда онѣ уходили на половину хозяйки смотрѣть работы въ пальцахъ, которыми занимались молодыя служанки, я оставался съ хозяиномъ, двумя молодыми офицерами, его родственниками, и двумя гувернерами дѣтей. Немного погодя, входитъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти, въ придворномъ, вышитомъ серебромъ, кафтанѣ; я вообразилъ, что это важная особа, и поклонился ему, привставъ съ мѣста; однако, кромѣ меня, никто не оказалъ ему этой чести. Важною походкою старикъ подошелъ ко мнѣ, и взявъ меня за руку, отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ; я отвѣчалъ ему тѣмъ же; онъ просилъ меня не беспокоиться, и, сѣвъ подлѣ меня, заговорилъ на непонятномъ языкѣ, примѣшивая

къ нему нелѣпныя французскія слова. Я не зналъ, что ему сказать, какъ замѣтилъ, что собесѣдники мои улыбаются моему смущенію. Вдругъ старикъ вскакиваетъ со стула, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и громкимъ голосомъ запѣваетъ пѣтухомъ, потомъ мычитъ, какъ корова, и ржетъ, какъ лошадь. Я принялъ его за помѣшаннаго, но г. Покорскій успѣшилъ мнѣ объяснить, что старикъ этотъ—домашній шутъ, принадлежащій еще отцу его, такъ какъ по старому еще обычаю во многихъ домахъ держать шутовъ, одѣвая ихъ въ вычурное платье и позволяя имъ дѣлать разныя дурачества. За чаемъ шутъ обращался къ каждому отдѣльно съ какими-нибудь забавными выходками, возбуждая смѣхъ общества, но я не могъ понять того, что онъ говорилъ. За ужиномъ шутъ снова явился, но уже въ другомъ костюмѣ, въ старинномъ генеральскомъ, въ которомъ онъ очень былъ смѣшонъ; онъ ходилъ вокругъ стола, отпуская дамамъ любезности и подражая минѣ и манерамъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ дому, между прочимъ, и брату хозяина дома, чѣмъ онъ очень смѣшилъ общество.

Мы выѣхали отъ Покорскихъ ночью; впереди насъ двое людей ѣхали верхами, держа въ рукѣ по длинной палкѣ, съ зажженною паклею, насмоленной и намотанною на концѣ, и освѣщали намъ дорогу.

Осень была дождливая и нѣсколько времени нельзя было никуда выѣхать; по причинѣ дурного состоянія дорогъ и къ намъ никто не показывался. Я постоянно находился въ обществѣ графа Василя Гудовича; мы говорили съ нимъ о политикѣ и усердно читали газеты. Наступали важныя событія, долженствовавшія измѣнить все положеніе Европы. Зато ужъ мы съ графомъ съ нетерпѣніемъ поджидали новыхъ извѣстій и, несмотря на то, когда они приходили изъ Петербурга, оказывалось, что евреи уже ранѣе разгласили ихъ въ краѣ черезъ свою секретную полицію.

Въ началѣ сентября 1813 г. до насъ дошло извѣстіе, что Наполеонъ положительно отвергъ миръ и перемиріе кончилось. Графъ заключалъ изъ этого о началѣ ожесточенной войны. Французская армія, по словамъ газетъ, была раздѣлена на четырнадцать корпусовъ, состоявшихъ изъ французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, всего числомъ 280,000 человекъ, но изъ нихъ половину составляли рекруты, не бывшіе еще въ огнѣ. Австрія официально объявила свое присоединеніе къ Россіи и Пруссіи. Россія, Австрія, Пруссія и Швеція вмѣстѣ выставили войско въ 520,000 человекъ.

Графъ изумлялся, что, несмотря на это превосходство непріа-

теля, Наполеонъ упорно держался своей позиціи въ Дрезденѣ и намѣревался дать сраженіе на Эльбѣ. Въ с.-петербургскомъ журналѣ я прочелъ прокламацію шведскаго наслѣднаго принца, генералиссимуса сѣверной арміи, объявленную близъ Берлина. Она такъ меня поразила, что я списалъ съ нея копию.

Спустя восемь дней послѣ этой прокламаціи, Бернадотъ превосходными силами своими разбилъ маршала Удино, взявъ у него въ плѣнъ 15,000 человекъ и 20 пушекъ. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 26-го—27-го августа, Наполеонъ съ 100,000 человекъ взялъ въ плѣнъ 20,000 австрійцевъ, отнялъ 20 пушекъ и огромный обозъ. Тѣмъ не менѣе, это дѣло, выказавшее храбрость французовъ и искусство маршаловъ Гувіонъ Сень-Сиръ, Мортъе и Виктора, въ результатѣ не принесло никакой пользы побѣдителю, напротивъ, это торжество укрѣпило его въ его колоссальныхъ идеяхъ. Еще одинъ случай содѣйствовалъ другому успѣху Наполеона. Вызванный изъ Новаго Свѣта генераль Моро, прибывъ въ главную квартиру союзниковъ въ Прагѣ, склонилъ ихъ къ нападенію на Дрезденъ, взятіемъ котораго Наполеону нанесенъ былъ бы послѣдній ударъ. Между тѣмъ, въ то время, какъ Моро разговаривалъ съ императоромъ Александромъ подлѣ прусской батареи, ядро оторвало ему обѣ ноги; побѣда осталась за Наполеономъ. Маршалъ Макдональдъ, отступая отъ границъ Силезіи, былъ настигнутъ и разбитъ генераломъ Блюхеромъ, потерялъ отъ 10 до 12 тысячъ людей и часть своей артиллеріи, отнятой непріателемъ. 30-го августа, генераль Вандамъ, во главѣ значительнаго корпуса, преслѣдуя непріятельскую дивизію, зашелъ слишкомъ далеко въ Богемскія ущелья, близъ Кульма, и былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ съ 12,000 человекъ. Всѣ приведенныя мною извѣстія доказывали, что Наполеонъ упрямымъ своимъ и потерями приближался къ гибели.

Что же ожидало насъ, доблестныхъ французовъ! Эти мысли отравляли жизнь мою. Графъ Гудовичъ увѣрялъ, что Наполеону нечего болѣе ожидать, и полагалъ, что миръ можетъ состояться только по взятіи Парижа; но мнѣ казалось невѣроятнымъ вступленіе непріятеля во Францію. Русскіе были убѣждены, что Парижъ будетъ взятъ союзниками, и смѣялись надъ моимъ сомнѣніемъ. Графъ и графиня Гудовичи, видя мое безпокойство, утѣшали меня, говоря, что я могу оставаться въ Россіи, гдѣ я гораздо бозопаснѣе, нежели во Франціи, угрожаемой большими переворотами. Изъ признательности къ нимъ, не могу умолчать о тѣхъ знакахъ дружбы и расположенія, которые они мнѣ оказывали.

Я какъ-то сказалъ разъ, что намѣренъ купить себѣ бѣлья, какъ спустя нѣсколько времени, воротясь къ себѣ, нашелъ въ комнатѣ большой сундукъ съ ключемъ у замка и полный бѣлья. Добрая графиня сама потрудилась велѣть изготовить его своимъ служанкамъ. Я былъ весьма тронуть этимъ вниманіемъ и благодарилъ, какъ умѣлъ. Около того же времени, я замѣтилъ, что графъ ежедневно наблюдаетъ за починкою коляски (въ имѣніи его были мастерские всякаго рода), а когда она была готова, онъ велѣлъ запрячь въ нее четверку лошадей, и все это подарилъ мнѣ. Всего чувствительнѣе для меня была деликатность графа и графини Гудовичъ въ такихъ случаяхъ щедрости.

Въ половинѣ октября (1813 г.) случилось происшествіе, огорчившее графа и графиню и дающее понятіе о мщеніи русскихъ крестьянъ надъ господами, когда эти обращаются съ ними жестоко.

Сосѣдній помѣщикъ Лашкевичъ, фамилію котораго я упомянулъ при описаніи именинъ графа, былъ человѣкъ очень богатый, обладалъ тысячью крестьянъ, но былъ безъ всякаго образованія и скупой. Жена его, рожденная Дунина-Борковская, была, напротивъ, характера благороднаго и любима графиней Гудовичъ. Лашкевичъ жестоко обращался съ своими людьми и заставлялъ иныхъ крестьянъ работать въ полѣ съ цѣпами на ногахъ. Они и порѣшили отдѣлаться отъ своего господина. Поваръ, кучеръ и камердинеръ сговорились между и въ соучастницы взяли горничную госпожи. Лашкевичъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда отдыхать. Жена его, въ назначенный заговорщиками день, велѣла при себѣ варить варенье, въ небольшомъ отдѣльномъ домикѣ въ саду, не близко отъ жилого дома. Надобно было удерживать ее тутъ подольше, чтобы дать время совершиться преступленію, и съ этою цѣлью горничная графини замедляла варку, подливая въ варенье воды; но хозяйка примѣтила это и разбранила горничную, нисколько не подозрѣвая цѣли этого дѣйствія. Лашкевичъ строилъ церковь и въ домѣ его писали образа для иконостаса, при чемъ онъ очень любилъ смотрѣть на работу живописца. Въ эту мастерскую надобно было проходить черезъ столярную, къ потолку которой, посредствомъ веревокъ, привѣшаны были массивные бруски дерева. Эти-то бруски заговорщики намѣревались спустить на голову своего барина въ ту минуту, какъ онъ станетъ проходить; но какъ они замѣшались, а Лашкевичъ успѣлъ пройти безъ вреда, то положили поджидать его возвращенія въ спальню; они пошли за нимъ, бросились на него, стали

душить подушкою и бритвою порѣзали ему горло. Положивъ бритву ему въ руку, убійцы заперли снутри дверь на крючокъ, потомъ снаружи закрыли ставни и ушли. Когда же Лашкевичъ возвратилась въ домъ, она удивилась, что мужъ ея еще не всталъ, тогда какъ она же еще замѣшкалась за варенье. Было 5 часовъ, время чая. Она приказала разбудить мужа. Ей пришли сказать, что дверь заперта снутри; когда же открыли наружныя ставни, увидали убитаго на постели въ крови и съ бритвою въ рукѣ. Полиція произвела слѣдствіе и было рѣшено, что помѣщикъ лишился жизни самоубійствомъ. Трупъ схоронили въ полѣ, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ. При первомъ извѣстїи объ этомъ несчастїи, графъ Гудовичъ поручилъ дочери навѣстить вдову и пригласить ее на время къ нимъ. Съ нею прїѣхала и ея горничная, варившая варенье.

Спустя недѣлю, въ мѣстную харчевню прїѣхалъ секретно изъ Мглина полицейскій офицеръ. Онъ приказалъ схватить горничную и посадить ее въ тюрьму. Г-жа Лашкевичъ не понимала, куда дѣвалась ея горничная, какъ, спустя нѣсколько дней, ей объявили, что мужъ ея умеръ не своею смертию, но былъ зарѣзанъ ея людьми. Преступленіе открылось такимъ образомъ. Убійцы сидѣли въ деревенскомъ кабацкѣ и заговорили о смерти своего барина; одинъ изъ нихъ при этомъ напомнилъ пословицу, что лучше убить змѣю, чѣмъ дать ей укунить насъ, а слышавшій эти слова бывший тутъ человекъ побѣждалъ объявить о томъ мглинскому протопопу, тотъ далъ знать полиціи—и убійцъ арестовали. Всѣ они, опрошенные отдѣльно, сознались въ своемъ преступленїи. Тогда прибылъ архіепископъ и, велѣвъ вырыть тѣло Лашкевича, съ большою церемонїею похоронилъ его въ склепѣ его церкви. Убійцъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1813 г. наступила зима, но не такая суровая, какъ прошлогодняя. Было не болѣе 18-ти градусовъ мороза; снѣгу тоже было не слишкомъ много, такъ что установилась отличная санная дорога. Коляску мою поставили на полозья, и въ ней я дѣлалъ частые визиты маіору Бретону.

Всѣ извѣстія отъ сентября и октября мѣсяцевъ были печальны для насъ. Въ половинѣ ноября 1813 г. получили извѣстіе о лейпцигскомъ сраженїи и о вступленїи союзниковъ въ городъ. Отступленіе французской арміи происходило въ порядкѣ, какъ случилось неожиданное происшествїе: взорвало мостъ черезъ Эльбу и отрѣзало сообщенїе, — войскомъ овладѣла паника. Цѣлыя тысячи французовъ были взяты въ плѣнъ или утонули; тутъ же утонулъ

и князь Понятовскій. Генералы Ренъе и Лористонъ были взяты въ плѣнъ. Потери въ этотъ день и въ слѣдующій были неисчислимы. Мы съ Бретонемъ погоревали обо всѣхъ этихъ несчастіяхъ, обвиняя Наполеона въ ослѣпленіи и упрямствѣ.

Подошло Рождество. Колокольный звонъ деревянной церкви возвѣстили о праздникѣ. Графъ и графиня отправились ко все-нощной, и я послѣдовалъ за ними. Кромѣ того, сюда съѣхались и сосѣди. Послѣ службы, насъ ожидалъ дома постный ужинъ, состоявшій изъ всякаго рода рыбы, наловленной за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ рѣкѣ подо льдомъ. Пока мы сидѣли за столомъ, на дворѣ дѣти славили пѣснями Рождество Христа.

1814 годъ.

1-го января я собрался, рано утромъ, поздравить графа и графиню Гудовичъ съ новымъ годомъ, пожелать имъ всякаго благополучія и возобновить выраженія моей признательности къ нимъ. Они пожелали мнѣ всего хорошаго, а графъ, обнимая меня, предупреждалъ меня, что я скоро получу свободу, такъ какъ результатомъ всѣхъ ошибокъ Наполеона будетъ скорый миръ. Чуть не все село пришло поздравить графа и графиню съ новымъ годомъ. Охотники играли на своихъ рожкахъ; батальонъ, стоявшій на ту пору въ селѣ, разыгрывалъ маршь; оркестръ изъ Ивановки трубилъ веселыя аріи; куча дѣтей ввалилась въ комнаты, засыпая полъ пшеномъ въ знакъ пожеланія довольства и избытка, и громко поздравляя. Къ двѣнадцати часамъ набѣхало много сосѣдей въ щегольскихъ экипажахъ. Мужчины были въ мундирахъ и при шпагахъ. Пріѣхали господа Скорупа, семейство Рославецъ и съ ними Бретонъ, такъ что всего-на-всего съ дамами и дѣвцами набралось до шестидесяти человѣкъ гостей. Какъ обыкновенно, данъ былъ роскошный обѣдъ съ музыкою, а вечеромъ начались танцы. Разошлись уже поздною ночью.

Посреди этого празднества Бретонъ и я не переставали грустить объ участи Франціи, нашей несчастной родины. Бретонъ даже говорилъ, что онъ совѣстится участвовать въ радостяхъ нашего непріятели, покуда братья наши страдаютъ подъ гнетомъ всякихъ бѣдствій. Всѣ новѣйшія извѣстія о войнѣ представляли рядъ величайшихъ неудачъ нашихъ соотечественниковъ. Такъ протянулось время до 3-го мая 1814 г.,—день вѣзда Людовика XVIII въ Парижъ.

По этому поводу Бретонъ говорилъ мнѣ: «Итакъ, палъ Наполеонъ, этотъ необыкновенный изъ необыкновенныхъ людей, прошедшихъ по землѣ и безсмертныхъ въ исторіи. Какое событіе для насъ—воиновъ—паденіе этого человѣка! Мы расточали для него наше мужество, проливали за него кровь, шли на смерть по первому его мановенію! Нашими подвигами онъ пріобрѣлъ славу, а мы и не догадывались, что онъ повлечетъ насъ за собою въ бездну. Какъ жестоко подумать, что все наше мужество, вся наша доблесть не заслужили у него ни тѣни благодарности. Невѣдомый намъ король завладѣлъ престоломъ того, кого мы признали своимъ императоромъ. Въ глазахъ этого Бурбона всѣ наши побѣды покажутся оскорбленіемъ его величества, мы сами—мятежниками противъ его законной власти, солдатами похитителя его престола. Пойметъ ли онъ насъ, когда мы ему отвѣтимъ, что мы сражались за отечество? Не унижительно ли это будетъ представиться ему въ нѣкоторомъ смыслѣ съ раскаяніемъ о томъ, что служили корсиканцу и побѣдами нашими замедляли вступленіе его, Людовика, на престолъ покойнаго брата?»

Я спросила Бретона, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ поступить намъ, плѣннымъ? «Не оставить же намъ, говорилъ я, нашу мать-родину; во всякомъ случаѣ, хотя бы не признавали за нами никакой славы, мы должны оставаться между своими, и, въ ожиданіи лучшей поры, раздѣлять съ ними горести».

Наше возвращеніе во Францію было рѣшено. Это извѣстіе о свободѣ обратило насъ въ какихъ-то новыхъ людей. Но не ожидаетъ ли насъ другого рода неволя въ подданствѣ скипетру короля, который ни во что не ставитъ наши великія жертвы?

30-го мая (1814 г.) мы рѣшились начать приготовленія къ отъѣзду. Графъ Василій Гудовичъ сообщилъ намъ, что императоръ Александръ повелѣлъ выдать каждому французскому офицеру 300 рублей на дорогу. Мы ѣздили за этими деньгами въ Мглинь.

Графиня Гудовичъ откровенно признавалась мнѣ, что сожалѣть о моемъ отъѣздѣ, такъ какъ я очень былъ полезенъ ей отцу; она боялась за его жизнь въ мое отсутствіе. Но она опасалась также за меня, чтобы во Франціи меня не преслѣдовали, какъ бонапартиста, и оттого совѣтовала обождать еще нѣкоторое время въ Россіи, гдѣ я буду пользоваться гораздо большею свободою. Она очень упрашивала меня остаться у нихъ. Чувствительно благодарный ей за это вниманіе и заботливость обо мнѣ, я, однако, не могъ принять ея предложенія, но предупре-

ждалъ, что въ случаѣ непріятностей, которыя могутъ для меня встрѣтиться отъ новаго порядка вещей, я возвращусь къ графу. Передъ отъѣздомъ своимъ я составилъ записку о болѣзни графа съ тѣмъ, чтобы представить ее въ Парижѣ извѣстному доктору Буайе (Boyer) и испросить у него совѣта насчетъ леченія графа. Этимъ я хотѣлъ доказать графу мое желаніе быть ему полезнымъ. Графъ созвалъ гостей на прощальный обѣдъ.

5-го іюня 1814 г. я и Бретонъ собрались уѣхать. На прощаніе, Бретонъ сочинилъ въ честь графа и графини Гудовичъ небольшое стихотвореніе, которое и прочелъ передъ ними и собравшимся обществомъ. Оно заслужило общія похвалы и благодарность хозяевъ. Послѣ самаго трогательнаго прощанія, мы разстались и направились въ Мглинь, гдѣ намъ надлежало получить паспорта. Я еще разъ отъ отъ всего сердца благодарилъ господъ Скорупа за все добро, которое они мнѣ оказали.

Де-ла-Флизъ.

К о н е ц ъ .

**МОСКОВСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО
БРАЗОВАНИЕ.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: МОСКВА, Тверская, Камергерский пер., д. 4. противъ Художествен. театра. Тел. 245-30.